

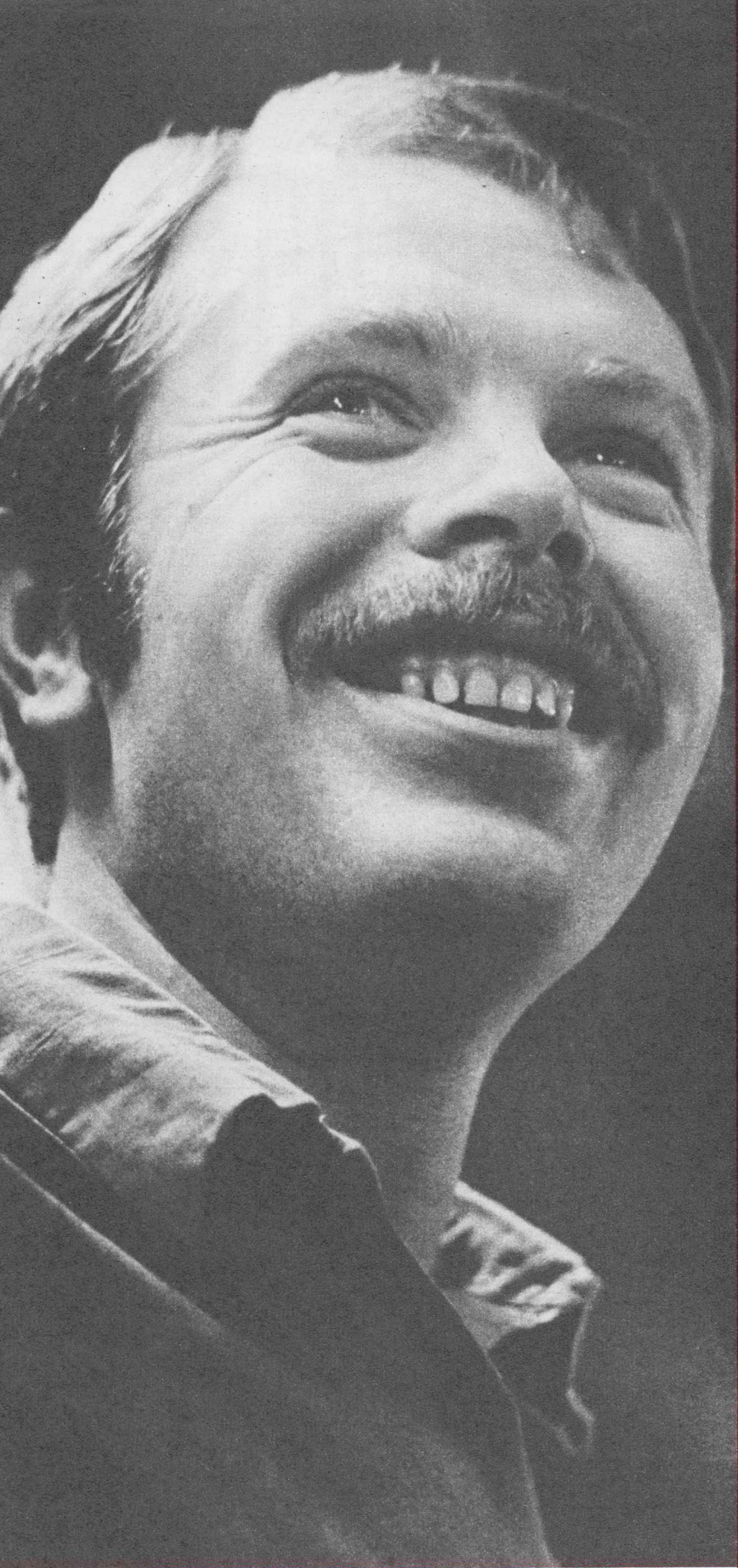

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 43 ОКТЯБРЬ 1977

Трудящиеся Советского Союза! Боритесь за успешное выполнение плана юбилейного 1977 года! Настойчиво добивайтесь повышения производительности труда, эффективности производства и качества работы!

Из призывов ЦК КПСС к 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Субботнее утро в Москве было вьюжным — густые тучи вдруг сыпанули резким, колющим снегом, а ветер сердито рванул с деревьев последние листья. Но капризы погоды не смогли омрачить праздничного настроения москвичей — они дружно вышли на массовый общемосковский субботник, посвященный 60-летию Великого Октября. Работа повсюду шла с большим подъемом, и в рапортах о результатах этого трудового дня красовались внушительные цифры высокой выработки.

УДАРНЫЙ ТРУ

о Великого Октября
АВТОМОБИЛЕЙ!

ТОВАРИЩИ СБОРЩИКИ! ДЕНЬ МАССОВОГО СУББОТНИКА
15 ОКТЯБРЯ В ЧЕСТЬ 60-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ
ОЗНАМЕНУЕМ УДАРНЫМ ТРУДОМ!

ПРИДУМАЛ-ВНЕДРИЛ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 43 (2624)

22 ОКТЯБРЯ

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

Москва. Тысячи автозаводцев, работников завода имени Ленинского комсомола, трудились на своих рабочих местах и по благоустройству площадей, улиц, скверов. На фотографиях, сделанных во время субботника, вы видите главный конвейер цеха сборки № 1 АЗЛК и одного из лучших слесарей-сборщиков, комсомольца Михаила Шендрика.

Фото Б. Кузьмина

Д МОСКВИЧЕЙ

В день субботника бригада участка сборки первого машинного цеха московского завода «Динамо», руководимая В. И. Кузнецовым, дала 17 электродвигателей, выполнив норму на 150 процентов.

Фото И. Гаврилова

ПРИСЯГА НА ВЕРНОСТЬ

Брест, 15 октября. Многотысячным митингом у мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» открылись Дни дружбы молодежи СССР и ПНР. Бурей оваций их участники встретили приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, которое огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров. «Дорогие друзья! — говорится в приветствии. — Старшее поколение передало в ваши руки великое достоинство — подлинно братские отношения, основанные на великих принципах классовой солидарности. Мы уверены, что молодежь Советского Союза и народной Поль-

ши будет беречь их как зеницу ока, поднимет их на еще большую высоту».

Председатель главного совета Федерации социалистических союзов польской молодежи К. Трембачкевич зачитал приветствие Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека, который выразил пожелание, чтобы эта встреча способствовала дальнейшему сближению молодежи Польши и Советского Союза.

Дни дружбы идут по стране. Это встречи в городах-побратимах, на заводах, фабриках, в колхозах, в вузах, на стройках. Накануне 60-летия Великого Октября молодое поколение социалистических стран отчитывается в сделанном, дает клятву верности идеалам Ленина.

На снимке: хлеб-соль гостям из Польши.

Телефото Э. Кобяка (ТАСС)

ИДЕИ, КОТОРЫМ ЖИТЬ ВЕЧНО

На торжественном открытии выставки. Выступает вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев.

В Москве, в помещении Института научной информации по общественным наукам АН СССР, открылась международная выставка изданий, посвященных 60-летию Великого Октября. Здесь представлено более 700 книг, присланных из социалистических стран, а также взятых из фондов института. Выставка организована по решению Президиума АН СССР.

Незадолго до ее открытия мы вместе с заместителем директора института Инессой Александровной Ходош прошли вдоль стендов. Красочные, яркие обложки. Заглавия на языках всех концов планеты.

— Впервые так полно собраны книги, документы, статьи, монографии по проб-

лемам, связанным с нашей Революцией, — говорит Инесса Александровна, один из активнейших организаторов выставки. — На стендах вы видите только наиболее ценные работы. Нам было нелегко отобрать их из обилия самых разнообразных и интересных изданий. Но даже это сравнительно небольшое число книг показывает, насколько остро люди всех материков заинтересованы опытом Октября, как велико его влияние на ход развития человеческого общества.

И вот выставка открыта. Вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев перерезал красную ленточку, и к стендам с книгами пошли посетители.

В. СЕРГЕЕВ,
фото автора.

ДНИ КАЗАХСКОЙ ССР НА ВДНХ

МАСШТАБЫ СВЕРШЕНИЙ

«Сила птицы в крыльях, сила человека в дружбе». В Казахстане исстари так говорили. Но в наше время пословица эта обрела особое значение: в республике живут представители более ста национальностей и народностей. Их самоотверженным, каждодневным трудом преобразуется и обогащается край. Казахстан сегодня — это космическая гавань страны Байконур, развитая промышленность и традиционные народные промыслы. Казахстан — одна из зерновых житниц страны. Подвиг целинников — это тоже Казахстан.

...С главным методистом юбилейной экспозиции Казахской ССР на ВДНХ Жанар Жарылгаповой мы переходим от одного стенда к другому.

— Исключительно богаты недра нашей республики. Они хранят цветные металлы и черные. Есть в Казахстане уголь и нефть, есть золото, есть все, что нужно народному хозяйству. Это было и прежде, но индустриальный рост края начался только в советское время. Пятилетки преобразили облик республики, год от года менялась индустриальная карта Казахстана. Туркестано-Сибирская железная дорога, карагандинские шахты и разрезы, Балхашский металлургический завод, полиметаллические комбинаты, предприятия легкой и пищевой промышленности... На Карагандинском металлургическом комбинате была пущена одна из крупнейших доменных печей...

С недавних пор в газетных отчетах, радиопередачах стали все больше говорить о Мангышлаке, некогда забытом крае. Теперь тут город Шевченко, теперь тут атомная станция и все необходимое, чтобы человеку жило хорошо. Мангышлак у нас называют «полуостровом сокровищ». Недавно появилось еще одно тому подтверждение. Тут нашли ракушечник необычайной красоты. Сейчас он идет на облицовку самых лучших жилых и административных зданий наших городов. В Алма-Ате уже немало домов, выложенных им. Судя по всему, этот природный камень станет таким же знаменитым, как армянский розовый туф.

И Жарылгапова показывает бруски ракушечника, фотографии домов, облицованных им.

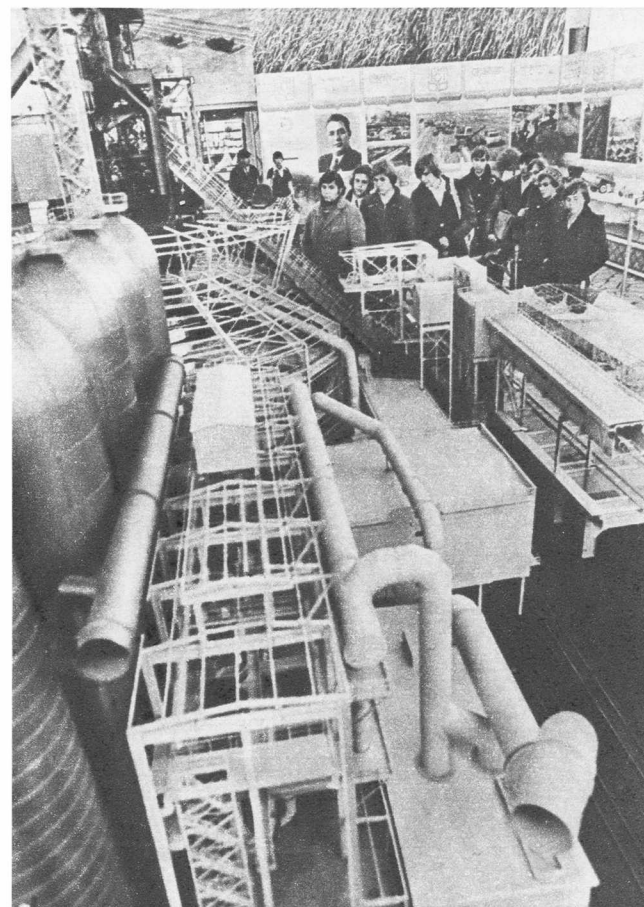
Энергичен, стремителен темп развития народного хозяйства, культуры Казахстана. Он широко шагает рядом с другими советскими республиками. Особенно широк этот шаг в годы десятой пятилетки. Объем промышленного производства предстоит увеличить на 40 процентов. 35 миллиардов рублей — такова сумма капитальных вложений. Только в сельском хозяйстве среднегодовой объем продукции возрастет не менее чем на 14 процентов. Увеличивается национальный доход, увеличиваются и реальные доходы населения.

...Республика на марше. Масштабы свершений, с которыми Казахская ССР подходит к 60-летию юбилею Октября, велики. И о них образно, зримо повествует юбилейная экспозиция, которую в эти дни осматрели многие тысячи москвичей и гостей столицы.

К. КОСТИН

Юбилейная экспозиция Казахской ССР на ВДНХ.

Фото Э. Эттингера.

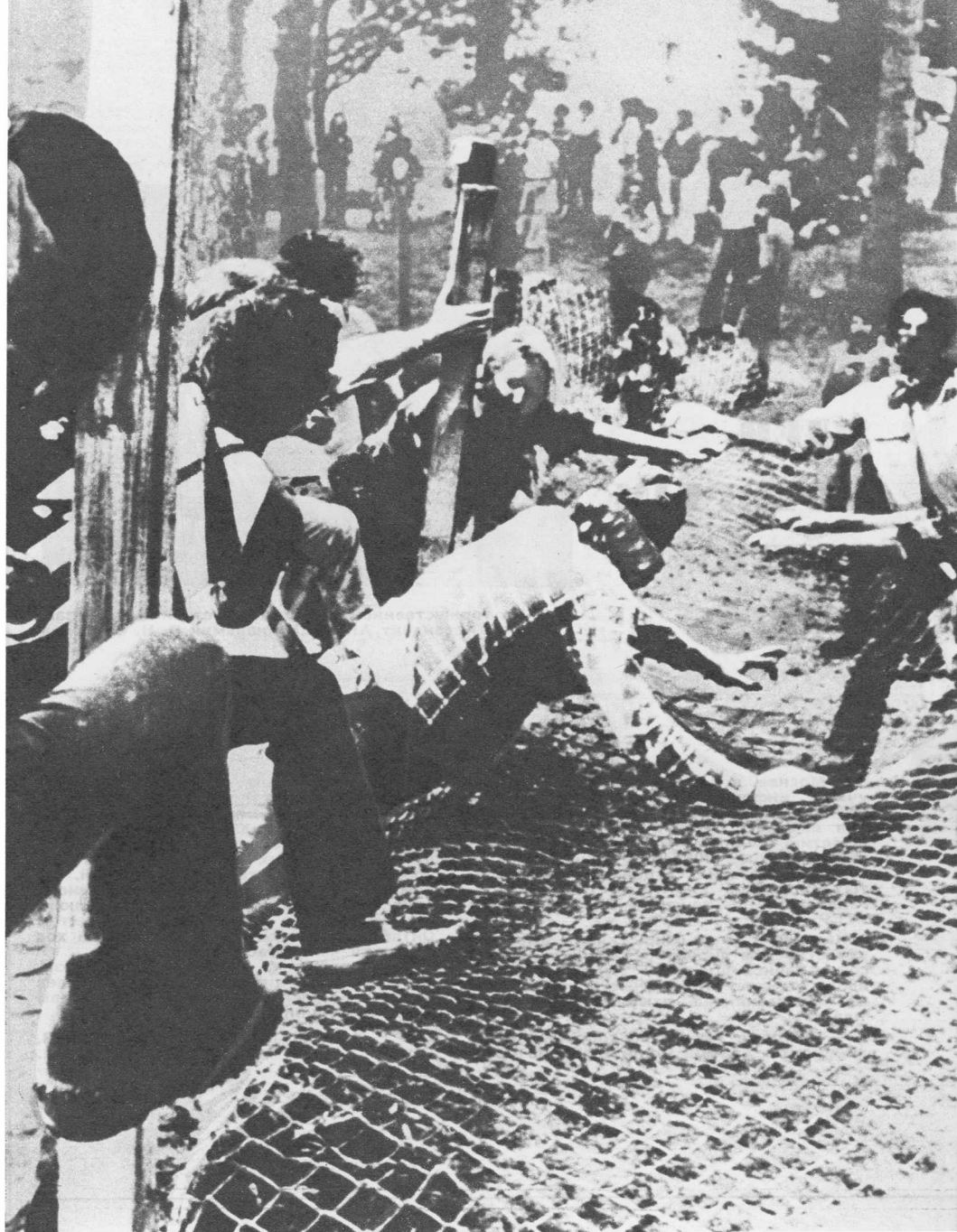
ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

США

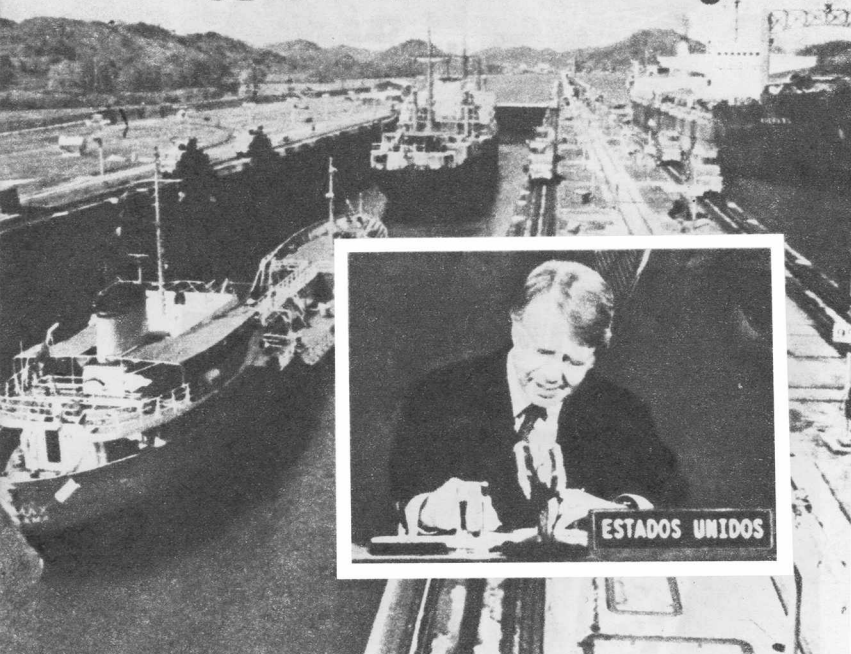
НАДРУГАТЕЛЬСТВО НАД ПАМЯТЬЮ ПОГИБШИХ

Более семи лет назад американские власти жестоко расправились с мирной студенческой демонстрацией в Кентском университете, участники которой выступали против агрессии в Индокитае. Сейчас на том месте, где пролилась кровь демонстрантов — 4 человека были убиты и 9 ранены, — администрация затеяла строительство спортивной площадки. В знак протеста против этого кощунственного замысла студенты из разных городов США провели в Кенте массовую манифестацию с требованием сохранить территорию как памятник жертвам насилия властей. Полицией вновь разогнали демонстрантов и произвели аресты.

На снимке: участники демонстрации ломают ограждения вокруг территории будущей спортивной площадки.
Фото ЮПИ — ТАСС

PANAMA A Doomed Treaty?

ПАНАМА

ПАНАМА: ИСТОРИЯ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕНА

Семьдесят с лишним лет продолжалось господство США над одной из важнейших транспортных артерий мира — Панамским каналом, соединяющим Тихий и Атлантический океаны. В сентябре под этой красноречивой главой в истории американского империализма была вроде бы поставлена точка: Вашингтон крайне неохотно согласился с идеей суверенитета Республики Панама над ее же территорией, через которую проходит канал. Однако не успели развеяться высокопоставленные гости, приглашенные на подписание договоров, как осведомленный американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» вышел с вопросом на обложке: «Не обречено ли соглашение?» Дело в том, что политические наблюдатели отнюдь не уверены, согласится ли амери-

канский сенат с «исторической уступкой» правительства и готов ли он ратифицировать договоры, введя их тем самым в силу. Противникам американо-панамского соглашения не хватает, по подсчетам, лишь нескольких голосов, чтобы закрыть «новую главу», с фанфарами возведенную официальным Вашингтоном. Большой вопрос стоит не только над судьбой достигнутого соглашения, но и над декларацией американского президента о том, что «справедливость, а не сила должна лежать в основе отношений США со странами мира».

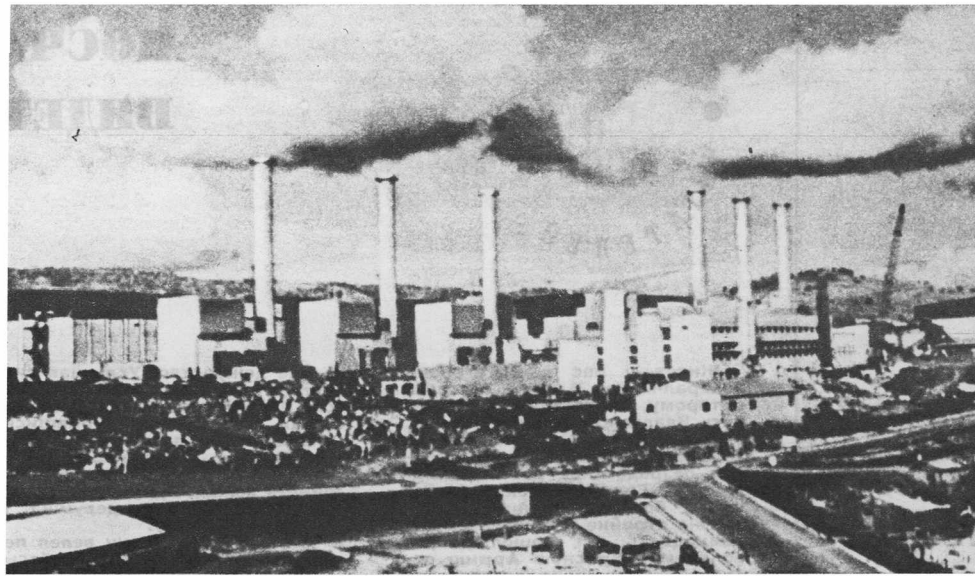
На снимке: «Не обречено ли соглашение?» — спрашивает американский журнал.

ЮАР

ОПАСНЫЕ ПЛАНЫ

Выступление Советского Союза с предупреждением, что в Южно-Африканской Республике завершаются работы по созданию ядерного оружия и ведется непосредственная подготовка к проведению его испытаний, вызвало широкий резонанс. Оно привлекло внимание мировой общественности к угрозе, которую представляет собой ядерная политика ЮАР для международной безопасности, в особенности для безопасности народов африканского континента. Империалистические державы и их пресса, первоначально пытавшиеся затушевать характер и масштабы производимых в ЮАР работ, в конце концов были вынуждены признать полную обоснованность высказанного Советским Союзом предупреждения. «Никто не может точно сказать, — отмечает американская газета «Вашингтон пост», — каковы шансы на то, что ЮАР рано или поздно не решит произвести ядерный взрыв».

На снимке: принадлежащая ЮАР установка по обогащению урана. Фото из журнала «Шпигель»

УРУГВАЙ

КАЗЕМАТ УЖАСОВ И СМЕРТИ

Общая черта всех фашистских режимов в Латинской Америке — это зверские репрессии, вплоть до физического истребления всех оппозиционных сил. Уругвай ныне находится под властью фашистской диктатуры. Четыре года военного правления сделали столицу страны Монтевидео печальным и безжизненным городом, где в любое время можно увидеть вооруженных солдат и полицейских, прочесывающих столицу по кварталам. Здесь арестовывают всех, кто не согласен с политикой военных. Возраст не имеет значения — даже если ребенку 12—15 лет, его все равно отправляют в тюрьму. Произвольные аресты, обыски, жестокости, пытки стали обыденным явлением в Уругвае. У жертв конфискуют личное имущество. Военные грабят их. Никто не знает точно, сколько в стране политических заключенных, но различные данные говорят о том, что их от 5 тысяч до 8 тысяч. Даже если взять самое низкое число, это мировой рекорд в сопоставлении с

общей численностью населения в 2,5 миллиона. Пытки в Уругвае превратились в систему, и применяют их повсеместно в отношении всех арестованных, которые заполняют тюрьмы воинских частей, концентрационные лагеря вроде «Пунта де Риелес», в котором находятся женщины, а также обычные и специальные тюрьмы, такие, как «Либертад», в которой содержатся только политзаключенные. Заключенных зверски избивают, инсценируют расстрелы и повешение, им вырывают ногти или загоняют под них гвозди. Известны получившие широкую огласку случаи смерти от пыток. Альдо Перрини, входивший в коалицию Широкий фронт, содержался в казармах 4-го пехотного батальона. Он погиб от пытки «подлодка», при которой заключенного погружают головой в воду с нечистотами и держат до тех пор, пока он не начнет задыхаться. Семье не разрешили его похоронить. Учительница Нибия Сабальсагарай погибла от пытки «сухая подлодка», когда на голову заключенного надевают пластиковый мешок и обвязывают его вокруг шеи. Палачи изощряются в своих пытках над политическими заключенными. Особенно распространены такие методы истязания, как пытки электрическим током, голодом, жаждой. Все прогрессивные люди планеты требуют положить конец пыткам и издевательствам над честными уругвайцами, требуют их освобождения.

На снимке: замученная учительница-коммунистка Нибия Сабальсагарай. Фото ЧТК — ТАСС

США

ПЕРЕДОВУЮ ПИШЕТ ЦРУ

Газета «Нью-Йорк таймс» всегда именвала себя «совестью американской нации». Оказалось, что свыше десяти сотрудников «Нью-Йорк таймс», аккредитованных в качестве корреспондентов за рубежом, систематически поставляли информацию ЦРУ с письменного разрешения прежнего издателя газеты А. Сульцбергера, близкого друга неизвестного Аллена Даллеса. Поддерживает связь с ЦРУ и нынешний босс — Сайрус Сульцбергер, племянник покойного издателя. Однажды, по утверждению «Штерна», он дословно опубликовал полученную от ЦРУ разработку, снабдив ее своей подписью. «Самая либеральная газета Америки», «совесть нации» не единственное американское издание, включившее «пант с дьяволом». Автор вышеприведенных разоблачений, бывший репортер «Вашингтон пост» Карл Бернштейн, заявил недавно, что располагает документальными данными о сотрудничестве с ЦРУ более 400 американских журналистов.

Таково истинное лицо буржуазной прессы, без малейшего стеснения именующей себя «свободной» и «объективной».

На снимке: «Американский журналист», — заявляет Карл Бернштейн, — стоит двадцати агентов!»

Фото из журнала «Штерн»

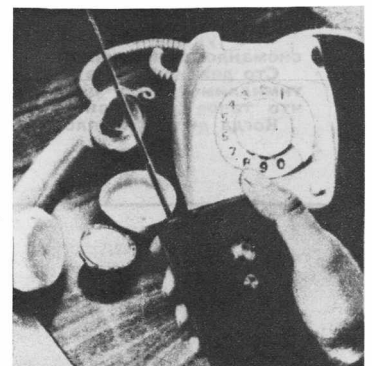
ФРГ

БЕЗ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Частный детектив из Франкфурта-на-Майне Хорст Фезель нашел «золотую жилу». «100 марок в час, — обещает он своей клиентуре, — и вы можете спокойно разговаривать по телефону». В чем же дело? Настолько ли перегружена телефонная сеть ФРГ, чтобы ее абоненты страдали от помех при переговорах? Нет, с технической стороны все в порядке. Но благодаря всемогущей электронной ситуации сложилась такая, что западногерманские граждане могут разговаривать по телефону без опасения за свое будущее только о погоде, болезнях или вечеринках. Да и на это решится не каждый. Ведь никому из граждан «правового государства», как любит именовать ФРГ буржуазная печать, не дано предугадать, как повернет пресловутое ведомство по охране конституции (боннская охранка) ту или иную, пусть самую безобидную тему! А распространение в Западной Германии подслушивающих устройств достигло такого уровня, что, по самым скромным под-

счетам (данные опроса, опубликованные журналом «Шпигель»), жертвой электронного шпионажа чувствует себя каждый шестой «бундесбюргер». Так что Хорст Фезель, отыскивающий в частных квартирах подслушивающие устройства, может быть спокоен за свои доходы. Политическая полиция «правового государства» отнюдь не намерена свертывать свою деятельность. И это касается не только телефонных переговоров. «Введение так называемых «химических дубинок» (распылителей слезоточивого газа), проект оснащения полиции новыми образцами разрывных пуль, слежка, которой подвергнуты сотни тысяч человек в связи с постановлением о «запретах на профессию», выхолащивание права на проведение демонстраций, кампания против защитников окружающей среды — все это доказывает, — констатирует «Шпигель», — что в ФРГ нарушения элементарных гражданских свобод стали повседневной практикой».

Каждый шестой телефонный аппарат в ФРГ прослушивается. Фото из журнала «Шпигель»

ПОСЧАСТИВИЛОСЬ ВИДЕТЬ ЛЕНИНА

Живет у нас в Пятигорске генерал-майор В. А. Конинский, которому посчастливилось видеть Владимира Ильича Ленина. Родился Василий Алексеевич в городе Ессентуки, там же провел безрадостное детство. Маленький Вася Конинский батрачил у богатого хозяина, работал на стройке и на заводе. А в семнадцать лет пошел добровольцем в Красную Армию отстаивать народную власть.

В 1920 году в Крыму боец-пулеметчик Первой Конной армии С. М. Буденного Василий Конинский стал членом ленинской партии большевиков.

После гражданской войны послали молодого конармейца учиться в первую школу красных командиров, которая размещалась в Кремле.

— Здесь я и увидел Владимира Ильича Ленина, — рассказывает В. А. Конинский. — Заступил в караул у Спасских ворот. Знал, что Владимир Ильич должен возвратиться в Кремль

в мое дежурство. Услышав сигнал автомашины, я завокнулся. Подойдя ко мне, Ильич показал пропуск, прищурившись, улыбнулся и помахал рукой.

А однажды произошел такой случай. Стоял я на посту у кабинета вождя. Вдруг открывается дверь, выходит девушка и выносит булочку.

— Владимир Ильич велел передать. Проголодались, небось? Брат, не брать? Ведь на посту даже разговаривать нельзя! Решаю отказаться. Девушка уходит. Потом опять появляется.

— Владимир Ильич сказал, чтобы я положила на окно, как сменитесь, возьмете.

И ушла. Булочку я принес в караульное помещение, и все рассматривали, какой хлеб ест Владимир Ильич. Он был такой же, как у всех тогда, — из непроеденной муки.

Владимир Ильич часто оставался на посту курсантов, расспрашивал нас о жите-быте, о

Гвардии генерал-майор в отставке Василий Алексеевич Конинский.

родных, читал наши письма, а некоторые из них просил на время себе. В этих письмах, в прочитанных строчках Ленин черпал нужные ему сведения о положении дел в стране.

После учебы В. А. Конинский получил назначение в кавалерийский полк, расквартированный в Пятигорске. Здесь в 1926 году он был избран депутатом горсовета.

А затем, в 1929 году, снова Москва. Питомец школы имени ВЦИК вернулся сюда, но уже как командир курсантов.

Во время Отечественной войны Василий Алексеевич командовал 75-й кавалерийской дивизией, был тяжело ранен. Лечился в госпитале, снова сражался у берегов Волги, на Сталинградском фронте. Участвовал в разгроме группировки Паулюса. Мечтал генерал дойти до стен Берлина, да сказались старые раны. Командование поручило В. А. Конинскому руководство военным училищем, готовящим для фронта командиров. После войны генерал-майор Конинский вернулся в Пятигорск. Он председатель Пятигорского краеведческого общества, председатель комитета содействия при горвоенкомате. Ветеран активно работает с молодежью, часто выступает по радио, в печати.

И. МАРУЧЕНКОВ,
участник Великой
Отечественной войны
Пятигорск.

ПОДВИГ

Если эти ребята не носят звезд Героев, то виноваты в этом главным образом мы — их командиры. Тогда в горячке боев мы недооценили то, что совершили они.

Их было трое: комсорг дивизиона Саша Абызов, Вася Журавский — балтийский пулеметчик и восемнадцатилетний Кравченко, имени которого я, к сожалению, не помню.

Младший политрук Абызов был назначен на боковой наблюдательный пункт (БНП) 22 июля 1942 года, когда морской дивизион РС отражал наступление гитлеровцев под Ростовом-на-Дону.

По приказу командующего артиллерией 56-й армии генерала Кариафили под непрерывной бомбежкой мы вывели свои боевые машины (тогда уже их начали называть «катушками»), чтобы занять огневые позиции. Замаскировались на подсолнечном поле у аэродрома. И тут (уже вечерело) Абызов доложил с БНП о том, что он слышит шум моторов. Командир дивизиона капитан-лейтенант Москвин приказал быть наготове и докладывать обстановку.

Через несколько минут поступил новый доклад Абызова: «К наблюдательному пункту приближается большая группа танков. Давайте огонь на меня!»

— В укрытие! Даю залп! — скомандовал Москвин.

Сто девяносто два стрелитимиллиметровых снаряда, вот что такое дивизионный залп!.. Когда дым рассеялся, мы на-

считали одиннадцать пылающих танков в районе НП, а затем молча сняли фуражки.

Солнце уже садилось, но жара не спадала. Бой с танками не утихал. Медленно откатываясь к городу, батареи моряков продолжали вести огонь, и только, когда уже не оставалось ни одного снаряда, моряки перешли через Дон.

Через несколько суток, уже за Доном, выкроив время в промежутке между боями, я диктовал писарю реляцию для посмертного представления к орденам Абызова, Журавского и Кравченко. Тут под деревьями вдруг загремело дружное «Ура!». Гляжу: качают ного-то, подбрасывая высоко в воздух.

Кто мог предположить, что наши герои останутся в живых?

В те самые мгновения, когда один из танков утюжил их окоп, ракетный залп гвардейцев-моряков накрыл вражескую колонну. Танк, находившийся над окопом, был подбит. Своей броней он надежно прикрыл наших ребят от сокрушительного огня «катушек».

Вручали мы ордена не посмертно, а живым.

Получая орден Красного Знамени, Абызов сказал:

— Мы просто выполняли свой долг.

Как мы узнали потом, на нас тогда обрушился авангард танковой армии генерала Клейста. Подвиг Абызова и его матросов предопределил успех всего боя и задержку танков на этом рубеже почти на сутки.

Славная наша тройка продол-

жала участвовать в боях. Абызов, ставший начальником дивизионной разведки, дошел с боями до Берлина. Он оставался все таким же скромным. Эта его черта проявилась еще раз много лет спустя. Накануне 20-летия Победы мы начали разыскивать наших однополчан. Оказалось, Василий Журавский умер уже после войны, следы Кравченко потерялись, Абызова тоже найти не удавалось. Накануне праздника наш однополчанин — матрос, а затем офицер Юлий Анненков, ставший писателем, принимал участие в телепередаче «Подвиг». Он рассказал о подвиге тройки Абызова, показал его портрет и спросил телезрителей, не знает

ли кто-нибудь из них, где находится Саша Абызов. Через несколько минут на телестудию позвонили по телефону: «Абызов работает в Перове». Оказывается, наш Саша с женой, сыном и дочкой смотрели эту телепередачу. И только тогда жена и дети узнали о героическом подвиге отца и мужа. На все упреки он отвечал: «А что рассказывать-то? Ну, шло много танков, а в дивизионе такая огневая мощь. Не пропускайте же!»

Е. ЮРОВСКИЙ,
гвардии подполковник
в отставке, бывший комиссар
14-го гвардейского
Краснознаменного
дивизиона моряков

Группа разведчиков 14-го гвардейского Краснознаменного дивизиона моряков.
Крайний слева — В. Журавский, крайний справа — А. Абызов.

В. А. Куприй. 1931 год.

МЫ СТРОИЛИ ДНЕПРОГЭС

Я был первостроителем города Комсомольска-на-Амуре, строителем на Днепрогэсе. Хочу рассказать, как трудно приходилось в те годы нашей стране и народу.

Родился я на Днепро-вщине. Родителей своих не знаю, воспитывался в детском доме в селе Деевка. В нашем распоряжении была учебная база: ну-старый завод сельскохозяйственных машин, при котором была мельница паровая, маслобойня, вагранка, то есть литейный цех, и механические мастерские. Нас учили опытные мастера. Когда мне и моим сверстникам минуло 17 лет, нас направили на Днепрострой, в строительное училище. На месте оказалось, что училища еще нет. И мы сами вместе с нашими учителями стали организовывать мастерские: столярные, модельные, слесарные, электро-мастерские и начали учиться в них.

Из детского дома каждому воспитаннику дали белье, постельные принадлежности по два комплекта, обувь, одежи. Стройка предоставила общежитие, а постройком обеспечил талонами в столовую на две недели. Не каждая мать в то время могла так позаботиться о своем ребенке.

Когда мы прибыли в село Кичкас, то есть на Днепрострой, там, где должна быть плотина и станция, работали пока лишь землекопы. Орудиями труда были кирка, лопата, тачки, ну и телеги с лошаадьми, которые вывозили землю на отвалы. Тем не менее работа кипела. В первую очередь форсировали строительство подсобных предприятий, которые являлись основой стройки: лесокombинат, бетонный завод, временная электростанция, дробильный завод, компрессорная, механические мастерские, депо, подъездные пути, склады и площадки. Техника, которая поступила из-за границы, осваивалась нашими рабочими при консультации

заграничных специалистов. Начали строить перемычку, затем плотину. Работали круглые сутки. В 1929 году техника стала уже вытеснять лошадей. Плотина росла на глазах. Закончили мы стройку. Нам присвоили разряды рабочих. Я стал столяром четвертого разряда.

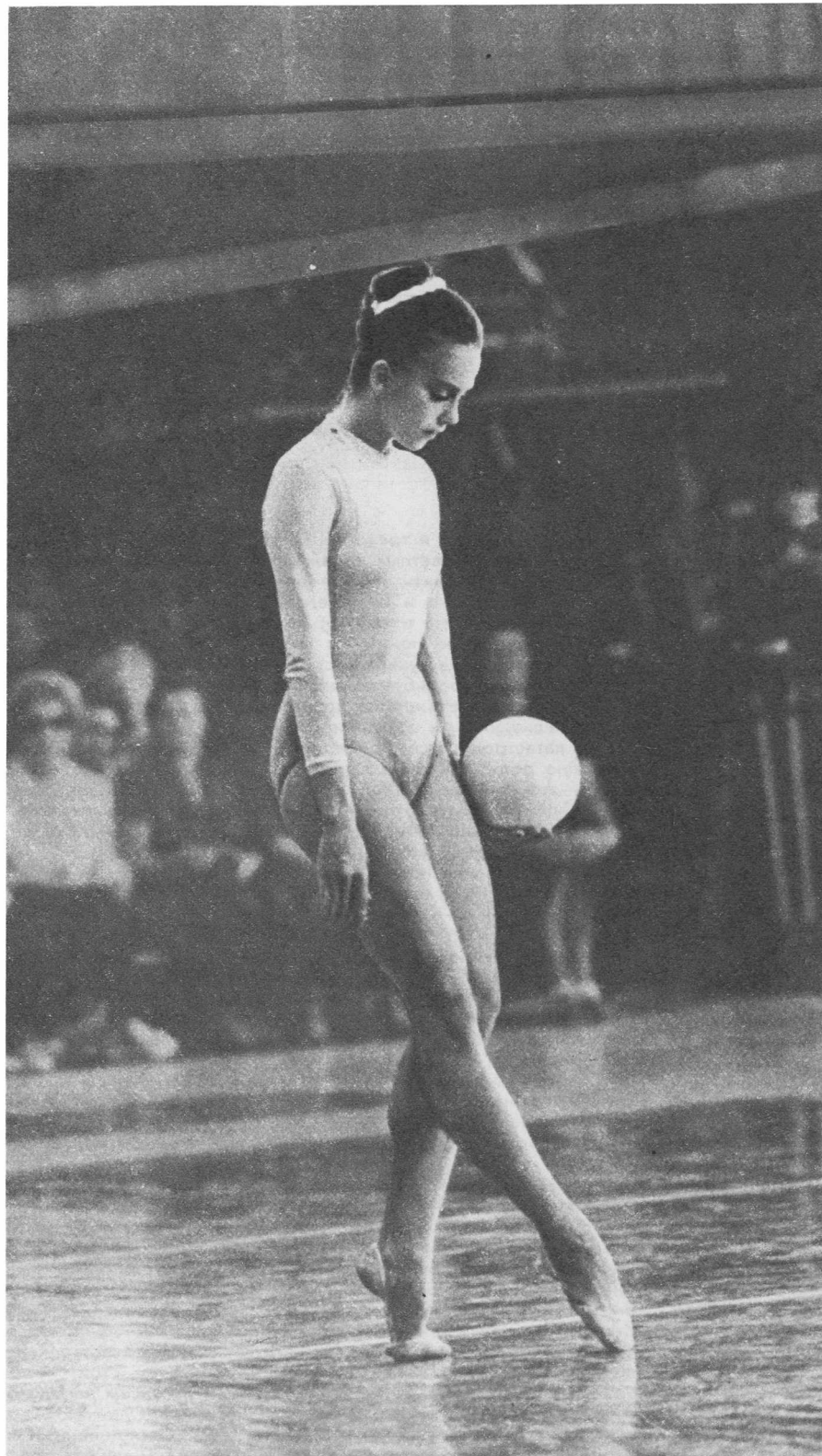
Летом 1930 года, включившись в соцсоревнование, строители гидроэлектростанции, монтажники и все службы Днепрогэса обязались дать электроток стране раньше намеченного срока. Комитет комсомола стройки мобилизовал комсомольцев на центральный участок. С нашего лесокombината было послано 15 человек: Ищенко, Благерев, Поддубный, я и другие. Бригадиром назначили Харчевникова. Работали в две смены по 12 часов, делали блоки для гидростанции, тубочки под турбины, на средней протоке делали блоки для бычков плотины. Работали до тех пор, пока не соединили оба конца плотины. После этой почетной работы мы строили глухую плотину на правом берегу. Работа не прекращалась ни в дождь, ни в мороз. Ночью работали при прожекторах. Рядом с нами трудилась комсомольская бригада бетонщиков Жени Романько, которая состояла исключительно из девушек.

500 000 кубометров бетона уложили в срок с отличным качеством. Пробный пуск гидроэлектростанции состоялся в апреле 1932 года и прошел успешно. А я, за несколько часов до пробного пуска, был мобилизован ЦК ВЛКСМ на стройки Дальнего Востока и находился в поезде по пути в Харьков, где комплектовался украинский эшелон.

Конечно, жалко, что не пришлось увидеть, как работает станция. Но впереди был Комсомольск-на-Амуре...

В. КУПРИЙ

Комсомольск-на-Амуре.

Абсолютная чемпионка мира Ирина Дерюгина.

Фото Ю. Моргулиса

ВСЕ ЗОЛОТО МИРА

В швейцарском городе Базеле закончился восьмой чемпионат мира по художественной гимнастике. Наши спортсменки завоевали все шесть золотых медалей. Абсолютной чемпионкой стала девятнадцатилетняя киевлянка Ирина Дерюгина, и она же показала лучший результат в упражнении с лентой. Гимнастка из Омска Галима Шугурова заняла второе место в многоборье и трижды поднималась на высшую ступень пьедестала почета после выступлений со скакалкой, обручем и мячом.

Сборная СССР вернула себе звание чемпиона мира в групповых упражнениях. В команду входили минчанки Галина Крыленко и Ольга Рабинович, киевские гимнастки Ольга Плохова и Ольга Щеголева, Эрика Шиллер из Душанбе и Ирина Девина из Подмоскoвья.

Болгарские гимнастки, добивавшиеся самых высоких результатов на предыдущих двух чемпионатах, на сей раз были вторыми в командном первенстве, а Кристина Гюрова заняла третье место в личном первенстве.

«СССР неуклонно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество».

Конституция [Основной Закон] СССР.

ДОРОГА ПРАВДЫ И МИРА

Натан РЫБАК,
заместитель председателя Советского комитета защиты ми-
ра, лауреат Государственной премии СССР

Жизнь полна надежд и тревог. Что же преобладает? Конечно, у человека всегда больше светлых надежд, хотя не секрет, что враги мира делают все, чтобы отравить атмосферу разрядки, закрыть тучами тревог горизонт настоящего и будущего. Однако человеку свойственно пылкое желание видеть и уметь разыскать просвет в тучах. Человек надеется на доброе, но понимает: чтобы его надежды сбылись, ему следует не сидеть сложа руки, а вести упорную борьбу.

И прежде всего борьбу за взаимопонимание и сотрудничество. Жизнь со всей убедительностью доказала, что в борьбе за победу над силами, вынашивающими зловещие замыслы ввергнуть нашу планету в ядерную катастрофу, всемирное движение сторонников мира играет историческую роль. Единение людей доброй воли в борьбе с милитаристами — это грозная и неодолимая сила. Свидетельство этому — Всемирная ассамблея строителей прочного мира в мае нынешнего года в Варшаве. Никогда не забуду атмосферы взаимопонимания и дружелюбия, царившей среди делегатов ассамблеи, представлявших все миролюбивые организации нашей планеты. Доброе, ясное и, я сказал бы, нежное слово «мир» на всех языках звучало с одинаковой убедительностью.

Макс Хабихт, известный швейцарский юрист и общественный деятель, рассказал группе делегатов ассамблеи, как несколько лет тому назад он, на автомобиле совершая поездку по Европе, поздним вечером подъехал к советской границе, когда контрольно-пропускной пункт был уже закрыт. Офицер-пограничник вежливо объяснил ему, что придется подождать до утра. Это не очень улыбалось уставшему путешественнику, и он сказал, что едет в Советский Союз по приглашению Советского комитета защиты мира, и показал письмо. Офицер внимательно прочитал письмо, улыбнулся, попросил Хабихта подождать. Вернувшись через несколько минут, он дружелюбно сообщил:

— Для сторонника мира мы сделаем исключение. Пожалуйста, проезжайте.

Мир — это именно то слово, которое открывает сердца и границы. Согласимся с Максом Хабихтом. Да, именно это слово, наполненное особым смыслом, подкрепленное добрым делом, освещает пути человечеству к взаимопониманию и дружбе. Я думаю об этом в преддверии великого праздника Октября, открывшего шесть десятилетий тому назад путь к торжеству справедливого и прочного мира.

Конечно, борьба людей доброй воли за дело мира, их растущее единство не по нраву организаторам агрессивных действий. Однажды на родине уже упомянутого Макса Хабихта его соотечественник, человек иных взглядов, пытался меня убедить, что не стоит ворошить прошлое, что люди давно забыли ужасы войны и совсем напрасно сторонники мира так часто напоминают о том, что было.

Случайно ли такое суждение? Конечно, нет. Определенные круги на Западе надеются на короткую память народов. Дескать, прошлое, каким бы оно ни было страшным, порастет травой забвения, и нынешним пиночетам и им подобным удобнее будет вершить свое черное дело. Но таким господам мы всегда напоминаем суровую надпись на Пискаревском мемориале в Ленинграде: «Никто не забыт, и ничто не забыто». Это не эпитафия, это клятва, которая всегда будет жить в сердцах честных и мужественных людей всех поколений.

Люди доброй воли, все, кому дороги цивилизация и мир, хотят, чтобы наша планета была колыбелью разума, а не превратилась бы в ракетно-ядерный полигон. Кое-кто утверждает, что это страстное желание — несбыточная мечта. Эти «кое-кто» не таинственные инкогнито. У них собственные имена, ставшие давно нарицательными, и вполне известное местожительство. Это они окрестили нейтронную бомбу «чистой» бомбой, кощунственно разглагольствуя, что сие «благородное» оружие уничтожает-де только человека, зато щадит все созданное его руками. У тех, кто называет нейтронную бомбу «чистой», грязная совесть.

У этой бомбы, как стало известно, нашелся и «отец». Америка падка на такие словечки. Вспомним, что Эдварда Теллера называли «отцом» водородной бомбы. А вот некий ученый мистер Сэмюэль Коэн гордо объявил себя «отцом» нейтронной бомбы. Он же ратует за ее «чистоту». О том, какая совесть у сего ученого мужа, само собой понятно. Но не мешает ознакомиться с откровенными высказываниями этого «отца», исповедующего мораль людоедов. Вот что он вещает со страниц американских газет: «Я не могу постигнуть с помощью логики, какая разница в том, как убивать личный состав противника». Для пущей убедительности Коэн не посовестился упомянуть, что он не только «отец» ней-

ронной бомбы, но и отец детей своих... И тут же добавил с безграничным цинизмом: «Нейтронная бомба — моральное оружие». Поистине мораль людоеда.

Надо ли говорить о том, что гнев и воля народов, презрение и ненависть их к козням и их боссам — это могучая сила, с которой не могут не считаться те, кто пытается ввергнуть в бездну миролюбивое человечество. Им не мешает напомнить, чем завершилась судьба гитлеровских головорезов, «отцов» душегубок.

Делегаты Всемирной ассамблеи строителей прочного мира, участником которой мне довелось быть, от имени сотен миллионов честных людей планеты поклялись остановить агрессоров, разоблачить их преступную деятельность перед лицом всех народов, бороться со всей решительностью за необратимость разрядки. Никогда не забыть, как с трибуны ассамблеи на разных языках борцы за мир с одинаковой страстной убежденностью говорили о том, что борьба за мир не должна знать ни передышек, ни пауз.

Те, кто сбрасывает со счетов волю народов, пытается игнорировать ее весомость в деле разрешения важных мировых проблем, глубоко заблуждаются. Всемирный Совет Мира с достаточной ясностью определил позицию миролюбивых сил, которые возмущены безрассудными действиями агрессивных кругов США. Стенами Пентагона не отгородиться от справедливого гнева народов. Народы говорят решительное «нет» производству новых видов оружия массового уничтожения. Народы мира — за разрядку, за ее необратимость.

Советские люди — зодчие прочного мира — верны ленинскому знамени, на котором вот уже шестьдесят лет пламенеют призывно слова: «Мир — народам!» Призыв этот нашел яркое отображение в специальной главе новой Конституции СССР «Внешняя политика».

Как писатель, я часто думаю о силе слова, которое вселяет в сердце человека светлую надежду и веру в свои творческие силы. Советская литература в полной мере сознает свое высокое призвание: всегда быть в первых рядах движения сторонников мира, утверждая в своих произведениях идеи мира и справедливости.

Высока ответственность советского писателя, художника-интернационалиста перед своим обществом. События поставили нас в эпицентр жизни, там, где дерзание становится свершением, где земные и космические вершины не только цель поиска, а окрыленная действительность, где слово Человека по-горьковски звучит гордо, где его права и обязанности строго охраняются высшей хартией справедливости, разума, свободы, созидания и мира — Конституцией СССР.

С душевным волнением читаем мы в слова доклада Леонида Ильича Брежнева на XXV съезде КПСС: «...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек... Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом». Такие люди — герои наших книг. Это борцы за мир, за дружбу между народами.

В нашей литературе всегда было так: писатель непременно еще и общественный деятель. Это естественно. Ибо художник, который живет интересами народа, его дерзаниями, всегда стремится воссоздать это в своих книгах. Прекрасно сказала когда-то Ванда Василевская о высоком общественном долге писателя: «Нельзя бороться за мир и делу борьбы отдавать половину сердца, половину мыслей и чувств. Надо отдавать все сердце, все чувства, весь разум, тогда победа будет за нами».

Для нас, советских людей, борьба за мир, утверждение атмосферы разрядки — сущность нашей многогранной жизни. Миллионы сторонников мира земного шара признают историческую весомость советского движения за мир, его решающую поддержку на самых сложных этапах истории борьбы против поджигателей войны.

Давно известно, что ненависть и клевета — орудие агрессоров. С особой яростью изрыгают мутные потоки лжи так называемые «свободные» радиоголоса. И все же ложь недолговечна. Жизнь идет вперед стремительно и неумоимо, силы, утверждающие дело мира и разрядки, действуют в центре международных событий, и их роль в наше время приобретает огромное значение.

Силы мира неодолимы. Энергия расщепленного атома должна служить делу мира и прогресса. Человек должен быть зодчим, а не превратиться в ядерную пыль...

Октябрь родил в сердцах народов чувство семьи единой. Братство народов нашей Отчизны стало ярким примером для всех миролюбивых сил мира. Вот почему наша Родина, СССР, — верный оплот дела мира и свободы, немеркнувший факел дружбы всех людей доброй воли. Эта дружба непобедима!

«Народы хотят мира надежного и необратимого», — сказал товарищ Л. И. Брежнев в своей исторической речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве в октябре 1973 года. Необратимый мир, прочный мир — великая цель человечества. Для ее достижения наша Советская Отчизна делает все. Плечом к плечу с нами идут все миролюбивые народы планеты.

С. Рянгина. 1891—1955. ВСЕ ВЫШЕ. 1934.

Киевский Государственный музей русского искусства.

Б. Иогансон. 1893—1973. НА СТАРОМ УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ. 1937.

Государственная Третьяковская галерея.

Ленинградскому поэту Николаю Николаевичу Кутову недавно исполнилось шестьдесят лет. Сегодня мы печатаем новые стихи поэта.

Николай КУТОВ

ДОРОГ ГРОХОЧУЩАЯ СТАЛЬ

НА «УРАЛМАШЕ»

На «Уралмаше»,
Где цехи — заводы,
Вижу я наши
Огромные годы.

Наши, сказал я
И не ошибся,
Хоть без меня здесь
Подвиг вершится.

Но помогаю
Работой своею
Горному краю
Я, как умею.

Дружбой, заботой,
Делом, любовью,
Связан с заводом,
С нашею новью.

Связан с могучим
Мартеновским цехом,
С плавкой блескучей,
С новым успехом.

С первым трамваем,
Что мчит к «Уралмашу»,
С городом, краем,
С будущим нашим.

Связан
С прославленными мастерами,
Что здесь грядущее
Делают сами,

Что приезжать
Сюда чаще просили
И написать
О рабочих России...

Трудятся люди
В цехах на Исети,

Чтобы светлее
Стало на свете.

СТАЛЬ ИДЕТ

Превращаются в праздники
будни.

Видишь, выплеснул
горный Урал
Солнцеликий, клокочущий,
буйный,
Рассыпающий искры металл.

Хочет вырваться он
на свободу,
Словно лава
проснувшихся гор,
Помогая титану народу
С миром старым
выиграть спор.

ЗАУРАЛЬЕ

Бор с облаками, с небом слит,
С озерною водою.
Земля, как уголь-антрацит
С туманной синевою.

Дорог грохочущая сталь
Пересекла просторы,
Соединяя с далью даль,
Сдружив с равниной горы.

За чащами степная ширь
В огнях, в машинном дыме,
А там, вдали, уже Сибирь
Со стройками своими.

ПРОСТОР

Город сотнями огней
Мне мигал еще вчера.

В продолженье утр и дней
Превращая вечера.

Высились дома окрест,
Жил я в тесной их семье.
И, казалось, тихих мест
Не осталось на земле.

Нынче вижу: Холм-молчун,
Словно сторож покой,
Как травой обвитый чум,
Встал над Лошею-рекой.

А за лесом, где грядя
Отшлифованных камней,
Бесконечная вода
С ветром-странником над ней.

Окрыляющий простор,
Где заметней связь времен,
Связь долин, и рек, и гор,
Связь сторонок и сторон.

Где прибойная волна
Бьет в береговой откос,
В бок пришельца-валуна,
В теплые стволы берез.

Всем простор необходим:
Морю, чтоб катить валы,
Ветру, чтоб летать над ним,
Лесу, чтоб вздымать стволы.

И сегодня и всегда
Разным людям с ним дружить,
Без него и города
На земле не могут жить.

РАДУГА

Вертолеты над Ладогой
Голубыми стрекозами

Рядом с полем и радугой,
Облаками и грозами.

Скачут белками рыжими
Блики солнца горячие.
Села новыми крышами
Тут и там обозначены.

Изоляторы-голуби
И опоры, как путники,
Сосен буйные головы,
Тропы, в травах запутанные.

Думы светлые, вольные
И скорбно-печальные.
В крае надолбы-воины
Прочно в землю впечатаны.

Ширь, знакомая с бурями,
Ты не раз атакована,
Перемечена пулями,
Перерыта окопами.

Звали зори багровые
В бой, чтоб недругов
вытеснить.
Приговоры суровые
Годы-судьи им вынесли.

Отзвучали над водами
Залпы — грозы ответные.
Имена наших воинов,
Как знамена победные.

Многоцветная радуга
Небо с озером сблизила,
Повторяется Ладогой,
Рвется в знойную высь она.

И Нева Великановна,
Напряженная, сильная,
С кораблями и кранами
Держит путь к морю синему.
Ленинград.

О НАУКЕ, О ТВОРЧЕСТВЕ

«Идет Нюрнбергский процесс над военными преступниками. По вызову советского обвинения выступает академик И. А. Орбели. Он в упор смотрит на Геринга — автора злобного плана полного уничтожения Ленинграда.

— Скажите, пожалуйста, свидетель, — спросил представитель советского обвинения, — какую должность вы занимаете?

— Директор Государственного Эрмитажа.

...— Находились ли вы в Ленинграде в период... блокады?

— Находился.

...В зале Суда прозвучала обличающая речь о злодеяниях фашистских палачей, преступления которых никогда не сотрутся в памяти человечества.

...Адвокаты пытались оспорить показания свидетеля Орбели.

— Достаточно ли велики познания свидетеля в артиллерии, чтобы он мог судить о преднамеренности этих обстрелов?

— Я никогда не был артиллеристом. Но в Эрмитаж попало тридцать снарядов, а в расположенный рядом мост всего один, и я могу с уверенностью судить о том, куда целил фашизм. В этих пределах я артиллерист!»

Это короткий эпизод из книги

Ашот Арзуманян. Братья Орбели. Книга первая. «Тайфун». Ереван, издательство «Айастан», 1976, 480 стр.

Ашота Арзуманяна «Братья Орбели».

Старшего из братьев, Рубена Абгаровича, считают одним из основоположников отечественной гидроархеологии. Средний — Левон Абгарович — известный физиолог, ученик и сподвижник академика И. П. Павлова; а младший — Иосиф Абгарович — крупнейший ученый-востоковед, много лет бывший директором Эрмитажа, первый президент Академии наук Армянской ССР. Ему посвящена в основном эта книга.

Мы видим ученого в начале его творческого пути — собирателя и охранителя богатств Эрмитажа, в экспедициях, в тяжелые годы Ленинградской блокады, в многочисленных поездках за рубеж, у себя на родине, в Армении, которую он любил горячо и нежно.

Книга построена на основе многочисленных воспоминаний соратников, родных и друзей академика И. А. Орбели, писем, дневниковых записей. Автор знал Иосифа Абгаровича с 1939 года, часто с ним встречался, поэтому «чужие» воспоминания и беспристрастные документы везде окрашены и личным отношением автора к своему герою.

Вот Орбели гневно выгоняет из кабинета представителя антиквара, желавшего выбрать ценности для продажи за рубеж. Вот через много лет Орбели встречает в блокадном Ленинграде поэта Нико-

лая Тихонова и кидается к нему с криком: «Вас-то мне и нужно!» Дело в том, что приближается юбилей великого азербайджанского поэта Низами, и Орбели настаивает, чтобы, несмотря на обстрелы, блокаду и голод, в Эрмитаже состоялось по этому поводу торжественное заседание.

Празднование юбилея Низами состоялось. Из окопов под Пулковом были доставлены докладчики — специалисты по восточной поэзии. Выступил Иосиф Абгарович, слово от имени писателей произнес Николай Тихонов. Со всех концов Ленинграда пришли в тот день в Эрмитаж любители поэзии.

А через две минуты после окончания торжественного заседания (Орбели все рассчитал с академической точностью!) начался фашистский налет...

Автор показывает академика Орбели за работой, в кругу семьи. Мы видим его мужественным и гневным, нежным и даже растерянным, в самых разных ситуациях. Но неизменно обаятельным.

В книге есть еще одна тема — тема дружбы русского и армянского народов, ее глубоких корней, кроющихся в далекой истории, в политической и культурной жизни Армении и России, дружбы, так расцветшей в годы Советской власти. Эта книга о науке, о творчестве, об интернационализме.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Н. ХРАБРОВА
Фото В. САЛЬМРЕ

После долгих холодов сентябрь залил Литву ласковым теплом.

Ехать в такие дни по Литве — наслаждение. Словно по волнам плывешь, с холма на холм стремительно перекачивается дорога, серебряным ручьем течет за горизонт широкая полоса асфальта.

торов, редкие желтеющие колосья чуть поднимались над луговыми травами. Теперь здесь другая дорога, другие дома — уже не хутора, а поселки из белых кирпичных коттеджей, укутанные в сады с зарослями флоксов, астр, гладиолусов.

Бывшая Пренайская волость стала районом.

Станиславас Станкявичюс едет в Пренайский район по заданию приемной Президиума Верховного Совета Литовской ССР — готовить вопрос о работе с письмами трудящихся. Едет не впервые. Сотрудники приемной полтора месяца изучали работу с письмами трудящихся в этом районе. Докладывать на заседании Президиума будет председатель райисполкома Арвидас Будбергис, а доклад готовит заведующий приемной Лёнгинас Станкявичюс.

те», агроном по образованию Анеле Бараускаене и председатель колхоза «Стакляшкяй» Антанас Жигас. Но прочесть все письма и заявления, проверить своевременность и правильность ответов на них четырем товарищам, конечно, не под силу. Привлекли председателей и секретарей всех 13 апилинковых (сельских) Советов, руководителей совхозов, колхозов, других организаций и учреждений, партийных и комсомольских работников — словом, в большое дело включились люди, которых мы привыкли называть районным активом.

День заседания уже близок, и Станиславас Станкявичюс снова должен побывать в районе, — с кем-то надо еще побеседовать, что-то уточнить. На этот раз — и мы с ним.

В пути завязалась беседа.

но мы все эти просьбы удовлетворяем, строго соблюдая, конечно, очередность. Помогаем и стройматериалами.

— А еще о чем пишут вам?

— Было много предложений и дополнений к проекту Конституции.

Мы побывали и на Пренайской швейной фабрике и в колхозе «Дайнава», где Станкявичюс тоже изучал журналы регистрации заявлений, жалоб и предложений. Встретились с председателем Пренайского райисполкома Арвидасом Будбергисом. В его папке среди других документов есть такая: «Сведения о заявлениях и жалобах, поступивших в Пренайский райисполком в 1972—1976 годах». За пять лет количество писем сократилось почти вдвое. Мне это показалось странным.

— Напрасно тревожитесь, — говорит Будбергис. — Почитайте внимательно эту справку. Обратите внимание, каких писем ныне меньше приходит.

Вчитываюсь. На получение жилищной площади в 1972 году было подано 46 заявлений, а в 1976-м — 15. На кооперативное и индивидуальное

РЕПОРТАЖ С ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЛИТОВСКОЙ ССР

ЧТО ЗА ПИСЬМАМИ?

Идет заседание Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

На бронзовой стерне густо стоят стога плотной соломы, главное зерно ушло с полей на элеваторы. Комбайны убирают последний хлеб, и звучат по радио ежедневные сводки:

— Несмотря на неблагоприятные погодные условия, хозяйства собирают по двадцать пять — двадцать девять центнеров зерна с гектара...

— Вы бывали когда-нибудь в Пренайском районе? — спрашивает мой спутник, референт Президиума Верховного Совета Литовской ССР Станиславас Станкявичюс.

— И да и нет.

Собеседник недоумевает, но это именно так: знаю точно, что когда-то давно ехала этой самой дорогой, точнее, по бездорожью. В полях тогда чернели деревянные строения разбросанных ху-

— Почему именно Пренайский район выбран для отчета на заседании Президиума?

— По нашим наблюдениям, здесь к заявлениям и письмам трудящихся относятся особо бережно, с большим вниманием. Мы хотим донести опыт этого района до всех местных Советов Литвы. В данном случае — положительный опыт, хотя нами были обнаружены и некоторые негативные явления.

Работа с письмами проверялась тщательно. Президиум Верховного Совета республики командировал в район старшего референта Станкявичюса и прокурора отдела общего надзора прокуратуры республики Римантаса Гроцкиса. В районе к ним присоединились депутаты Верховного Совета республики из Пренайского района — бригадир колхоза «Драугис-

— С точки зрения экономики район не лучший и не худший в республике, из средних, — рассказывал наш спутник. — Но явно намечается тенденция роста. В 1976 году животноводы здесь завоевали первое место в республике, за что и были награждены переходящим Красным знаменем. В этом году производство молока выросло за полгода на шесть процентов, мяса — на одиннадцать. Полеводы в первом полугодии тоже работали лучше, чем раньше.

Вместе со Станкявичюсом мы побывали в Ишлаужском апилинковом Совете, признанном лучшим в Литве за 1976 и за первое полугодие 1977 года. На его фоне заметнее то, что Станкявичюс охарактеризовал как «тенденция роста»: другие апилинковые Советы тоже ведь не хотят выглядеть хуже Ишлаужского. Председатель Совета Ишлаужского Рекшис и секретарь Стефа Иодене показали нам журнал регистрации писем и заявлений.

— Больше всего заявлений, — рассказывает Рекшис, — на получение участков для строительства индивидуальных домов. Постепен-

строительство соответственно — 57 и 26. На выделение садовых участков — 22 и 16. На ремонт жилых и хозяйственных построек — 92 и 36.

— За минувшие пять лет государство много сделало для жителей района, поэтому количество заявлений постепенно уменьшается, — поясняет Будбергис. — Больше всего писем, касающихся ремонта. Это пишут жители последних хуторов, бывшие колхозники, ныне пенсионеры — не желают расставаться со своими старыми гнездами. Хотя эти ветхие постройки и мешают планированию колхозных полей, мы все же помогаем ремонтировать хутора: нельзя же не считаться с просьбами пожилых людей. Молодые семьи уже переселились и продолжают переселяться на центральные усадьбы, где идет большое строительство.

Позже, уже на заседании Президиума Верховного Совета республики, Арвидас Будбергис будет говорить на эту тему более подробно. И именно в связи с обсуждаемым вопросом — работа с пись-

мами. Он скажет, что за каждым письмом судьба человека и что они, избранники народа, всячески старались, чтобы жалоб было поменьше и чтобы на каждое письмо последовал бы четкий и правильный ответ. Отчет председателя райисполкома на заседании Президиума Верховного Совета республики вылился в рассказ на главную тему — что сделано Советской властью для жителей района.

— В этом году Пренайский район только по строительству освоил десять миллионов рублей: это хозяйственные постройки, три многоквартирных дома в райцентре, более двухсот индивидуальных домов для колхозников и рабочих совхозов.

Заседание, о котором идет речь, проходило в пору всенародного обсуждения проекта Конституции,

первый секретарь ЦК КП Литвы Пятрас Гришкавичус.

На этот раз заседание вела Леонадия Диржинскайте, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета республики. Женственная, чуткая, она не имеет обыкновения распоряжаться, а просит: «Будьте добры, сделайте...» Но за этой просьбой — доброта и требовательность, всестороннее знание дела и большой опыт государственной работы.

Присутствует на заседании Эдуардас Межелайтис, тоже заместитель председателя, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, поэт. Творчество его известно всему миру, а общественная деятельность, начавшая с июня 1940 года, — это каждый день, отданный на благо Советской Литвы.

...Доклад окончен. Теперь слово содокладчику — заведующему приемной Президиума Верховного Совета Лёнгинасу Станиявичюсу. Он 22 года работает в Президиуме. Эти годы научили его немедленно отзываться на все письма и жалобы. И именно с этой позиции комментирует он сейчас доклад председателя райисполкома.

— Многие жители Пренайского района предлагали в ходе обсуждения проекта Конституции усилить борьбу с бесхозяйственностью, с нарушениями социалистической законности. Приводили конкретные примеры. Это говорит, очевидно, в первую очередь о высокой социалистической сознательности советских людей, о их нетерпимости к недостаткам. Но это свидетельствует и о другом — есть в жизни района явления, тревожащие граждан. В колхозе «Скряуджияй», в рыбном хозяйстве «Ишлаужас», в садоводческом совхозе «Даукиягеряй» все заявления и жалобы трудящихся по поводу недостатков в административной работе складывались в одну папку, вместе с заявлениями об уходе с работы, об отпусках. Как же так можно? Руководителям этих хозяйств не раз объясняли, что порядок хранения документов — это не только техника делопроизводства. Ведь что при этом получается: в первую очередь рассматривают заявления о приеме на работу, увольнении с нее, об отпусках, а письма — их откладывают на задний план. А ведь рассмотрение жалоб — это всегда срочное дело. Оно должно быть предметом особого внимания. Серьезное нарушение обнаружено в Пренайском районном отделении МВД. Там заявления граждан о мелких преступлениях регистрировались как обычные жалобы. Люди, призванные стоять на страже законности, сами нарушали ее. В Пренайском райисполкоме бывали случаи немотивированных отказов в просьбах граждан. Само собой разумеется, что не каждое заявление райисполком обязан удовлетворить, но отказ должен быть строго мотивирован так, как этого требует закон, так, как это записано в решениях самого райсовета.

Критика справедлива, и, судя по тому, как реагирует на нее председатель райисполкома, выводы будут сделаны правильные. Однако критике подвергаются лишь отдельные проблемы, члены Президиума в целом одобряют работу Пренайского райисполкома, отмечают активную общественную жизнь в этом районе. И не просто одобряют, а советуют, как и что можно и должно сделать лучше.

Альгимантас Вилейкис, председатель Вильнюсского горисполкома:

— В связи со статьей Конституции о праве советского человека на жилище вы получали и будете получать много писем. Ни одно письмо не должно остаться без ответа. Нужно точно, терпеливо, тщательно разъяснять глубокий смысл этой статьи. Есть и права, есть и обязанности. Требо-

ваний улучшить жилье много. Надо внимательно отнестись к каждой просьбе, но при этом напоминать, сколько уже сделано. И, само собой разумеется, тут же надо заняться устранением всех недостатков в распределении квартир.

Аделе Мешкаускаене, директор средней школы города Ретава-са:

— Многие заявления и предложения трудящихся Пренайского района касаются проблем воспитания молодежи. Здесь много еще не решенных вопросов. И трудно переоценить меру нашей ответственности за это — я имею в виду нас, педагогов. Я внимательно слушала, каков характер писем. Как член Президиума Верховного Совета республики, как педагог, как советский человек, я рада, что трудящиеся Пренайского района заботятся о соблюдении советских законов. Думается, что мы еще мало делаем для воспитания молодежи со школьных лет в духе уважения к нашим законам.

Леонадия Диржинскайте, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР:

— Отраднo слышать, что жители Пренайского района живо обсуждали проект Конституции. В районе хороший микроклимат, люди, где бы они ни работали, сплочены в дружный коллектив. Хорошо, что в районе совершенствуют работу с письмами трудящихся. Внимание к письмам — внимание к человеку с его личными заботами, тревогами, надеждами. Президиум Верховного Совета Литовской ССР одобряет работу Пренайского райисполкома, но это отнюдь не значит, что можно почивать на лаврах. Недостатки, о которых здесь шла речь, надо устранить побыстрее. Дел впереди много: тщательный анализ всех предложений, поступивших в процессе обсуждения проекта Конституции, незамедлительное искоренение всего отрицательного, на что указывали жители района и в своих выступлениях на собраниях, и в печати, и в личных письмах.

...Заседание окончено. О нем будут знать во всех местных Советах. А меня продолжают интересоваться письмами, о которых так страстно, заинтересованно говорили депутаты в аспекте, так сказать, историческом. Дело в том, что в моем блокноте — выписки из писем разных лет. За десять дней мне пришлось побывать в прошлом и настоящем этого района. Ирена Раугалайте, заместитель директора Центрального государственного архива Литовской ССР, разложила на столе старые папки с датами: 1929, 1930, 1933, 1937, 1938 — годы, когда в Литве хозяйничала вероника Сметона.

...1929 год. Вероника Ловнавиене. Неимущая. Просит о снижении квартирной платы. В просьбе отказано... Казис Чеботавичус просит выдать справку о бедности для представления в больницу. В просьбе отказано.

Отказано. Отказано. Отказано... Берем папки более близкого времени. 1934 год. Маре Бразене просит пособие на больного сына. В просьбе отказано... Бывший писарь, когда-то работавший в Каунасской городской управе, оставшийся без работы и переехавший в Пренай, просит о пособии по безработице. Отказано... Человек, из-за туберкулеза потерявший 75 процентов трудоспособности, не может платить за квартиру, боится, что останется с двумя детьми на улице. Просит выдать пособие. Отказано.

И снова — отказано, отказано, отказано... 1935 год. Виктор Барановиче-не вторично обращается к самому «эксцелленция» президенту Смето-

не: ее мужа взяли в армию, она осталась с больным ребенком и сама больна настолько, что даже нищенствовать не может, ее едва поддерживают соседи, тоже немущие, она просит или отпустить мужа домой, или дать пособие. Отказано.

1937 год. Группа крестьян — 24 человека — подает коллективное прошение освободить их на один год от земельного налога, так как они пострадали от сильного ливня. Отказано... Отец, по убеждениям атеист, ссылаясь на 11-ю статью конституции буржуазной Литвы о свободе вероисповедания, просит выдать сыну, который успешно учился, но не посещал уроков вероучения, свидетельство об окончании школы. Отказано.

Сотни и сотни поблещих страниц. Сотни и сотни горестных судеб. Только по одной волости. А по всей Литве?..

А о чем пишут нынче люди в местные Советы, в административные и общественные организации?

1977 год. Пренайская швейная фабрика. Старший инженер производственного отдела Регина Штарене обращается к администрации фабрики с заявлением о необходимости рационализировать производство наматрасников для детских колясок: вместо тяжелой ваты и неудобных пугович предлагает прокладывать легкий ватин. Коляска становится на целый килограмм легче, наматрасник дешевле, процесс шитья проще и быстрее, количество работниц на операции уменьшается на три человека. Предложение принято, фабрика получает экономию в 34 тысячи рублей, а Регина — авторский гонорар.

Она Пунене живет далеко от Пренай, работает надомницей. Она прислала жалобу на несвоевременную доставку кроя. Крой ей доставлен.

Ишлаужский апилинковский (сельский) Совет Пренайского района. Сюда, как говорилось, поступило много писем с просьбой о выделении участков для строительства. Результат: на территории Совета сейчас строится 30 новых домов. Есть и жалоба: сосед соседа обидел, незаконно занял кусок участка. Апилинковский Совет разобрался, вменялся, земля возвращена владельцу.

Колхоз «Дайнава». Беседуем с председателем Альгимантасом Синявичюсом и секретарем партийного бюро Бируте Алабурдене. Открываем тетрадь регистрации устных и письменных заявлений. Колхозница Янина Гудайтене предложила перенести медпункт ближе к общественному центру и к автобусной остановке. Предложение обсуждено, принято, медпункт перенесен. Есть коллективное заявление — надо озеленить новый центральный поселок. В разных питомниках было закуплено три грузовых машины саженцев, они хорошо принялись. Колхозница Бируте Руткене пишет: «Просьбу выделить пастбище для домашнего скота поближе к дому». Удовлетворили ее просьбу.

Колхозник Винцас Ясыкавичус написал в правление колхоза письмо с предложением — организовать бригаду старшенклассников для помощи колхозникам. В бригаду записалось 47 человек, они ремонтировали ферму. За лето каждый получил около 180 рублей. Довольны ребята, доволен председатель.

Заявление выпускника школы. Просит колхозную стипендию на время учения в техникуме. Дали.

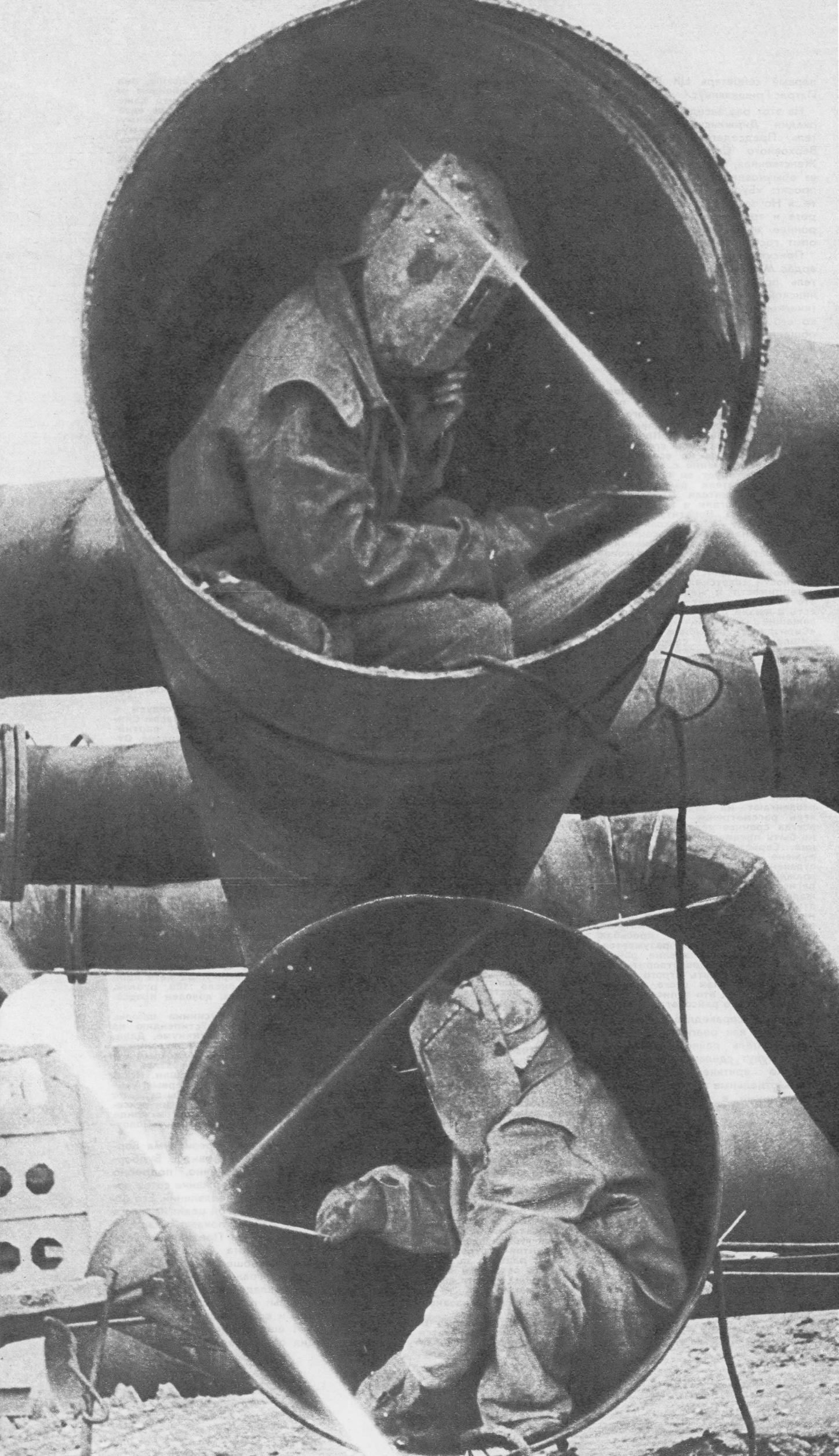
Письмо группы колхозников. Предлагают создать колхозный музей. Дело трудное. Где взять помещение? И все же нашли. Кстати, в этом музее я впервые увидела венселя и протоколы суда, по которым за просрочку этих венселей несколько хуторов в конце 30-х годов были проданы с молотка.

На заседании Президиума Верховного Совета Арвидас Будбергис не мог, конечно, подробно пересказать содержание сотен подобных писем и заявлений. Его отчет служил другой цели: на опыте одного района показать, как выполняется Указ Президиума Верховного Совета СССР о внимательном отношении к заявлениям советских граждан. И обсуждение этого доклада продемонстрировало — опыт есть, неплохой. Надо, чтобы и в других районах так было. И еще лучше. Новая Конституция обязывает.

туции, и естественно, что и докладчик и выступавшие говорили о том, насколько активно жители района участвовали в этом обсуждении. За 3 месяца было проведено 311 собраний, на них присутствовало более 31 тысячи человек, то есть 91 процент взрослого населения района. Участники собраний внесли 800 устных предложений, много предложений было в письмах, полученных райисполкомом, и на многие из этих писем надо было немедленно отвечать: в одном случае разъяснить недоуменный вопрос, в другом — принять конкретные меры.

Будбергис внимательно слушали члены Президиума Верховного Совета. В составе Президиума пятнадцать человек: рабочие, труженники сельского хозяйства, деятели культуры и искусства, три партийных работника, среди них

Строится «Лило-2».

В центральной диспетчерской.

ПО

Через водную преграду.

«Шире внедрять непрерывные виды транспорта... в том числе пневмоконтейнерный...»

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Ия МЕСХИ,
фото И. ТУНКЕЛЯ

Т

рубы, трубы, трубы... Водопроводные, подводные тепло, торчащие в небе, доставляющие газ в котельные и дома... Сколько их вокруг — прокладывается, сваривается, вытягивается в длинные-предлинные плети! Но эта, что строится сейчас у поселка Шулавери в направлении на Тбилиси, совершенно иного назначения.

Известно: труба в состоянии пропускать через себя нечто газообразное или жидкое, иначе говоря, текучее, как бы имеющее свой ход. А строящаяся здесь труба примет в себя... поезда: составы вагонов на колесах.

Вагоны железнодорожные, вагонетки канаток, фургоны автопоездов. Всем им нужен источник энергии — паровая машина, электродвигатель, мотор внутреннего сгорания.

ТРАССЕ «ЛИЛО»

По трубе же, о которой идет речь, вагоны будут бегать с помощью «пневмо»: в переводе с греческого — это дуновение, воздух, а по-житейски — сжатый воздух. Воздуха же вокруг сколько угодно — бери и прессуй.

Итак, труба, вагоны и воздух. На строгом техническом языке — трубопроводный контейнерный пневматический транспорт. Чтобы поближе рассмотреть, что это такое, едем в Шулавери.

Широкая пойма реки Дебеда густо усыпана галькой. Горная река работает бешено: что ни год — наводнение, приносящее гигантские порции гранита и песка. Дебеда выдает гранитный песок для железобетонных изделий высшей марки.

Материал проходит дробильно-сортировочную установку, рядом с которой наша труба — погрузочная станция трубопроводного контейнерного пневмотранспорта. Здесь наготове шесть контейнеров с двумя пневмовозами в голове и в хвосте состава. В трубе открываются шесть «окон», и щебень заполняет контейнеры — 15 тонн за одну минуту. Включаются воздуходувные установки. И... пуск!

Состав со скоростью до 30 километров в час бесшумно бежит по трубе. И нигде ни одного человека. Должен же быть хоть один человек?! И он есть — на станции разгрузки в селе Араппо, в двух с лишним километрах отсюда. Это диспетчер Гиви Ломсадзе. Он сидит у пневмосхемы, следит за автоматикой... Трубы на трассе не видно — она под землей и выныривает только у станции. Здесь состав

молниеносно разгружается, и щебень идет прямо на бетоносмесительный узел, ради которого и трудится эта, пока еще единственная дорога-труба.

— Около одного миллиона кубометров материала, — говорит начальник опытной установки Тамаз Шапакидзе, — мы уже перебрали из карьера на полигон.

Здесь, в диспетчерской, беседу с двумя авторами (а всего их двенадцать) нового вида транспорта Автандилом Семеновичем Кахншвили и Владимиром Ефимовичем Аглицким.

Они рассказывают: в 1968 году Павел Васильевич Кованов — работник одного из центральных государственных учреждений — поручил Главнефтеснаб РСФСР и Мингазу СССР разработать вопрос технической возможности и экономической целесообразности транспортирования различных грузов в контейнерах по трубопроводам, используя идею старой пневмопочты.

СКБ «Транснефтеавтоматика», на базе которого позднее было организовано СКБ «Транспрогресс» Главнефтеснаба при Совете Министров РСФСР, предложило принципиальные конструкторские решения. Прошел еще год, и П. В. Кованов, работавший ранее в партийном аппарате Грузинской ССР, зная значительные трудности, которые связаны с транспортированием гравийных материалов на заводах железобетонных изделий Министерства мелиорации и водного хозяйства республики, подал министру Георгию Самсоновичу Кобулия мысль — использовать для этой цели контейнерный пневмотранспорт.

Министр принял это предложение. Институт «Грузгипроводхоз» подключился к СКБ «Транспрогресс», и они совместно создали проект опытной установки, названной «Лило-1».

Объединив усилия, две организации вплотную приступили к созданию универсальной дороги-трубы. За рекордно короткий срок (всего полгода!), привязав проект к шулерским карьерам, Минводхоз Грузии построил первую опытно-промышленную установку, именуемую ныне «Лило-1».

— За это время наше СКБ превратилось в крупную самостоятельную организацию «Транспрогресс», уже спроектировавшую подобных объектов порядка тридцати, — говорит Владимир Ефимович Аглицкий, заведующий головным конструкторским отделом СКБ «Транспрогресса».

— За эти годы, работая совместно с «Транспрогрессом», мы, кроме того, сосредоточились на второй пневмодороге — «Лило-2», двухтрубной, в двадцать раз превосходящей первую по длине, — сказал Автандил Семенович Кахншвили, главный инженер проекта трубопроводного контейнерного пневмотранспорта.

И вот мы в районном центре Марнеули. Здесь самая горячая точка строительства новой пневмотрассы — «Лило-2». Уже почти достигнута сюда тридцатикилометровая нить, берущая начало у тех же неистощимых карьеров речки Дебеда. Первая очередь строительных работ. В нынешнем году пуск.

Начальник СМУ Гурам Григорьевич Гургенидзе выстраивает на бумаге столбик цифр:

— Трасса заменит восемьсот пятикубовых МАЗов, около трех АТК, почти тысячу шоферов... Экономический эффект: сейчас тонно-километр обходится в четырнадцать копеек, а на трассе будет — четыре копейки. Или возьмем песок. Его заводская себестоимость два рубля кубометр. А во сколько он строителям обходится? В двенадцать! Десять рублей на транспортные и погрузочно-разгрузочные расходы. «Пневмопесок» же будет стоить строителям не более пяти рублей...

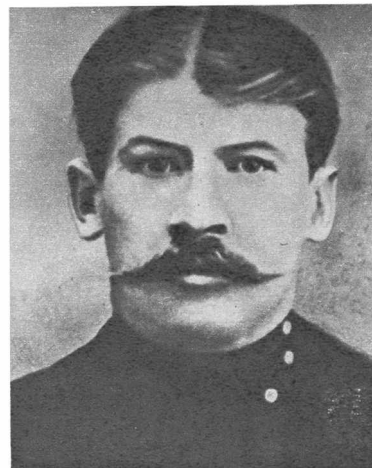
...Идет строительство. Челябинские металлурги не подводят — от них ритмично поступают на стройку трубы диаметром 1220 миллиметров. Остается пожелать, чтобы так же действовали и остальные четырнадцать заводов-поставщиков! Но и им, заводам, трудно — оборудование нестандартное, изготавливается впервые...

Здесь все в новинку. Поэтому и вторую пневмотрассу называют все же опытно-промышленной. И, как любой опыт, как любое начинание, стройка вызывает у всех романтическую приподнятость.

...Транспорт, бегущий по трубе. По двухколейке будут прогонять одновременно 26 рабо-

их именем

СЕЛИВЕРСТ ЯКУШЕВ

Селиверст Иванович Якушев.

Ю. ЛУШИН

Бравый, наверное, он был, этот парень — рядовой революции Селиверст Якушев. Смотрю на его фотографию шестидесятилетней давности, с которой и он смотрит на меня молодым, открытым, смелым взглядом. Читаю о нем архивные материалы в Новосибирском краеведческом музее: «Родился в деревне Колонтаево Калужской области. Четвертый ребенок в семье. Отец — рабочий чугунолитейного завода, погиб через несколько дней после рождения сына. Семья нищенствовала».

В начале века Якушев попал в Москву. Он поступил учеником в пекарню и стал затем кондитером-булочником. Много работал и мало получал за свой труд, постепенно осознавая несправедливость царского строя. Якушева несколько раз ни за что ни про что оштрафовали хозяин пекарни, он вовсе отчаялся. Глаза ему открыли старшие друзья-рабочие.

Это было знаменательное время: приближался 1905 год.

Вскоре разразилась знаменитая «пасхальная забастовка» московских пекарей и кондитеров, в которой рабочие одержали победу. Через несколько месяцев Якушев участвовал во всеобщей октябрьской стачке и вступил в РСДРП. События развивались стремительно. В декабре он сражался на баррикадах Тверской улицы. После четырехдневного боя рабочий отряд отступил...

В Москве оставаться стало опасно, и Якушев подался в Самару. Утром, выйдя из вагона, он услышал на вокзальной площади проповедь священника перед солдатами, в которой тот настраивал их против рабочих. Не выдержав, вскочил Якушев на тумбу, преврал попа:

— Не слушайте его, товарищи солдаты. Подумайте, кто вы сами, разве не такие же рабочие и крестьяне в шинелях...

Договорить не дали жандармы. Суд был скорый: тюрьма, затем ссылка на Оренбургский край. Из ссылки он бежал и в 1907 году оказался в Томске, где сразу же включился в работу партийной организации. Поработать удалось недолго: организацию предал провокатор. Снова суд. Снова ссылка, теперь в Тобольск. И снова побег, переезды из города в город, нелегальная партийная работа и одновременно учеба.

Наконец, грянул год 1917-й — Октябрьская революция. Весть об этом он встретил в Новониколаевске. Горячие наступили деньки. Работа круглые сутки. Большевик Якушев убеждает, агитирует. Очень опасно, с риском для жизни было выступать среди солдат Новониколаевского гарнизона, настроенных эсерами и меньшевиками враждебно к большевикам. Напряженная работа в рабочих коллективах депо и предприятий дала результаты. В декабре основная часть членов Совета поддержала большевиков, и Совет стал большевистским. Революция в Новониколаевске победила. Большевик Селиверст Иванович Якушев стал членом Совдепа и его президиума.

Но судьба готовила революции новые испытания. В мае 1918 года вспыхнул белочешский мятеж. Членов Совдепа арестовали. Некоторых из них расстреляли на следующее же утро. Якушев оказался в томской тюрьме, где его свалил тиф. Санитары вынесли его без признаков жизни в мертвецкую, но утром обнаружили, что большевик еще дышит. В поезде смерти Якушева повезли на восток — через Иркутск, Верхнеудинск — в Троицкосавск. Здесь свирепствовали бандиты атамана Семенова. Заключенных не расстреливали. Их выводили в солпки и рубили шапками. Даже не закармливали, так и бросали в снега.

Якушев очнулся в сугробе, шевельнулся и застонал от боли. Значит, жив. С трудом поднялся и пошел. Три дня блуждал по тайге, пока не наткнулся на партизанскую разведку из отряда Смолина. Тут его подлечили, поставили на ноги. Вместе с партизанами он выбивал белых из Верхнеудинска, где отряд соединился с частями Красной Армии...

Наступила мирная жизнь. Якушев вернулся в Новониколаевск, ставший Новосибирском. Бывший пекарь стал директором хлебозавода. А когда Селиверста Ивановича не стало, заводу присвоили его имя.

Завод стоит все там же, на берегу Оби, где и стоял в те далекие годы, — старое кирпичное здание, стены которого помнят свист пули и гул большевистских митингов. Мне сказали, что уже есть проект нового завода, а этот скоро снесут. Но и новый, современный завод будет носить имя большевика Якушева, рядового революции.

чих поездов — 8 вагонов в каждом. Общий вес груженого состава — 60 тонн. Двигать его должны 10 воздушных станций. При такой системе стоимость тонно-километра уменьшается в 2,3 раза.

Какие еще преимущества? Трасса проходит в основном под землей, и над ней можно сеять, строить, прокладывать дороги. Независимость от погодных условий и рельефа. Минимум обслуживающего персонала. Отсутствие шума, пыли, выброса в атмосферу вредных газов.

Десятки самых различных организаций называют в СКБ «Транспрогресс» и институте

«Грузгипроводхоз» проекты и приступают к строительству. У одних проблема переброски кормов к крупным свиноводческим комплексам, у других — поставка стеклянной тары непосредственно со стеклозавода к месту разлива минеральных вод, в больших городах нужно обеспечить транспортировку почтовых отправок, вывоз мусора...

А как с пассажирами? Можно ли подобным способом перевозить людей? Авторы нового транспорта отвечают на этот вопрос положительно. В будущем возникнут и пассажирские варианты. Ведь все только начинается!

ГОРОД ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Сергей ВОРОНИН

Счастлив, что я ленинградец! Счастлив потому, что люблю этот прекрасный город и живу в нем. Счастлив потому еще, что вся моя жизнь связана с ним. Случалось, я уезжал, но и там, в отдалении, на Урале или на Кавказе, в Сибири или на Дальнем Востоке, на Волге или далеко от Родины, всегда помнил о нем, и если разлука затягивалась, скучал и томился, и как же был рад снова войти под своды Московского вокзала, выйти на площадь Восстания, окинуть взглядом прямую «перспективу» Невского. И, радуясь новой встрече, удивлялся переменам в жизни города на Неве. Он не стареет, а с каждым годом молодеет.

...Это было давно. Я еще не понимал, не мог осознать того, что происходит в городе, — всего мне было тогда лет пять-шесть, — но на всю жизнь в память врезалось, как, пыля и подсакивая по каменной площадке, пронесся грузовик с матросами. На их груди были вперекрест пулеметные ленты. Грузовик промчался, а я все стоял и смотрел ему вслед. Я видел тусклую громаду Исаакиевского собора и памятник Николаю Первому, но не они запомнились мне, а матросы. Поразило новое, невиданное до этого.

Моя биография сродни биографиям миллионов моих сверстников. Вместе с ребятами-пионерами я распевал заборную песню про картошку, гордо вышагивая по набережной Мойки с красным галстуком на груди. Вместе с рабочими своего Металлического завода, в колонне фрезеровщиков, шел в демонстрации по Дворцовой площади. И над моей головой развевались алые полотнища знамен и флагов. Вместе со всей комсомольской шло в юнштурмовые, с скрипящей портупей. Менялся мой город, а вместе с ним я. Он стал чище. Исчезли беспризорники — они прежде спали в теплых люках у Летнего сада, на Сенной площади. Они исчезли, как со временем исчез и Сенный рынок. И площадь стала называться площадью Мира. И уже нет извозчиков, и все больше автомобилей. И уже под крышей Гостиного двора из репродуктора льется веселая музыка. Радио входило в быт.

Город отирывался для меня с возрастом. Я ничего не знал про Металлический завод. Но пришел на биржу труда, чтобы определиться на работу, и меня направили в фабзавуч. И там стали учить на токаря.

Какое это было замечательное время, когда, склонившись над станком, токарному мастерству обучал меня старый опытный рабочий. От него пахло табаком и машинным маслом, у него были

крупные, сильные руки. Я следил за их движениями и потом брал теплые от его ладоней ручки суппорта и старался так же точно и аккуратно подводить резец к вытачиваемой детали.

Николай Александрович — старый токарь, мастер учебно-механического цеха, первый мой наставник. Они были и тогда, в годы моей юности, наставники. Теперь наставничество стало воистину всенародным движением. Оно родилось в Ленинграде и распространилось по всей стране, — их теперь два миллиона, наставников. «Они по доброй воле, по призванию души учат молодежь трудолюбию, мастерству, воспитывают ее на героических традициях нашего славного рабочего класса», — так сказал о них Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XVII съезде комсомола.

У нас в Ленинграде живет зачинатель наставничества Герой Социалистического Труда Степан Степанович Витченко, бывший полковник, бывший бригадир слесарей-сборщиков завода «Электросила». Большой опыт политико-воспитательной работы помог ему найти доступ к сердцам молодежи. «Отцом ста сыновей» зовут его. Сто воспитанников у С. С. Витченко, и среди них сегодня уже широко известен Владимир Целуев, которому Степан Степанович открыл дорогу в большой интересный мир. Володя Целуев заменил С. С. Витченко, стал бригадиром его прославленной бригады.

Новое время ставит новые задачи, выдвигает новые требования. Сегодня на заводе имени Козицкого существует профессионально-техническое училище. Оно выпускает ребят, которые станут работать с электроникой.

Воспитать, вырастить достойное пополнение рабочего класса — вот задача, которую поставила перед собой Ленинградская партийная организация, и которую она успешно решает. На заводы и фабрики нашего города только за девятую пятилетку пришло более четверти миллиона высококвалифицированных молодых рабочих, вчерашних учеников ПТУ.

В этом немалая заслуга мастеров старшего поколения. И здесь мой город снова зачинатель большого патристического движения. Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, высококвалифицированный арматурщик объединения «Баррикада», Б. А. Журавлев перешел на работу мастером производственного обучения в ПТУ № 90, чтобы передать весь свой опыт, в короткий срок сделать ребят мастерами высокой квалификации. Сейчас на заводах и фабриках Ленинграда — сотни последователей Журавлева. Новые люди. Их родило новое

время. Ими полны улицы нашего города. Я иду вместе с ними, всматриваюсь в их лица и вспоминаю то, что давно уже стало историей.

...Первые годы Советской власти. Стояли заводы. Молчали фабрики. Чтобы их пустить, требовались технические кадры. А их не было. И тогда сюда пришли вчерашние красногвардейцы и стали «красными директорами», пришли вчерашние рабфаковцы и стали «красными экономистами», «красными инженерами». И заводы день ото дня начали набирать все большую техническую мощь. Минуту всего две пятилетки, и страна получает от питерцев совершенные станки, машины, аппараты. Новая и при этом отличная для того времени техника выходит из ворот ленинградских заводов, техника, решавшая судьбу индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства.

И тут грянула война. Город, мой город! Как тяжело пришлось тебе! Голодным кольцом блокады окружили тебя. Лишили топлива. Заледенела в трубах вода. В город пришла смерть. Трупы лежали на панелях, и не задерживались возле них те, кто шел к станкам делать оружие и, случалось, умирал у станков от голода. Замерзали от холода. Погибли от артобстрелов, бомбежек. И наперекор всему выстояли! Выстояли, потому что все девятьсот дней над осажденным городом реально знамя Ленина, придавая силы измученным людям. Люди делали оружие и отправляли его на фронт, а он был всего в нескольких километрах от них. Строили машины для далекого тыла. И рядом с заводской маркой стояло: «Сделано в Ленинграде в дни блокады!»

Теперь там, где проходила линия фронта, где шли ожесточеннейшие бои, где были разбиты фашистские полчища, там сооружен Пояс Славы. А в парках Победы шумят на ветру высокие сильные деревья, и по песчаным дорожкам бегут дети, и у подножия памятников героям, отдавшим жизнь за их счастье, звучит беспечный детский счастливый смех.

Городом-героем называли тебя, Ленинград! Да, ты стал Героем по праву, по невиданному мужеству и перенесенным нечеловеческим страданиям, по силе духа, каким наделил своих детей ты, город Великого Октября!

...В белые ночи особенно красив мой город. Тонкой акварелью вписаны в бледные тона его неба вечные шпили и купола. У парапета Невы влюбленные пары. На гранитной скале Медный Всадник. Чист, строг Невский. И мирная тишина в садах и парках.

Когда-то, давно-давно, в детстве, жил я в Можайском, тогда еще это местечко называлось Дудергофом, и я ходил оттуда в Красное Село за керосином. Тогда это было действительно село с деревянными домами, с курами на улицах, с колодцами. Ничего не осталось сегодня от того села. Город вообрал его в себя, появились тут высокие современные здания, проложен меж ними широкий,

протянувшийся на несколько километров проспект Народного ополчения. И когда наступает вечер, он весь в разноцветных огнях.

Самые высокие огни в моем городе — они уходят в небо — на телевизионной башне. Каждое утро я вижу ее из своего окна. По вечерам ее освещает разноцветный неон, и тогда она становится похожей на веселую, нарядную елку. И такой она стоит всю ночь, когда мой город отдыхает, спит.

Но не спят цеха многих заводов. Ни на минуту не прекращается горячее дыхание ленинградской промышленности. Крепкой, нерушимой дружбой связан мой город с сотнями городов братских союзных республик, со всеми экономическими районами страны. Только производственное объединение «Электросила», создающее мощные турбогенераторы и электрические машины, связано чуть ли не с тысячей предприятий и организаций.

По инициативе ленинградцев вступило в силу творческое сотрудничество, призванное обеспечить ускоренное сооружение Саяно-Шушенской ГЭС. Символично это: трудящиеся Невы и Енисея идут в первых рядах соревнования, воплощая в жизнь планы Ильича.

У коллектива Металлического завода много обязательств в предпраздничном соревновании. Одно из главных — досрочно изготовить первый агрегат Саяно-Шушенской ГЭС. И вот недавно трудящиеся производственного объединения «Металлический завод» вместе с трудящимися производственных объединений «Ижорский завод», «Электросила», «Электроаппарат» доложили Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу об успешном выполнении принятых в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции обязательств по созданию и поставкам оборудования для электроэнергетики.

Большим событием в жизни ленинградцев, как и всех граждан нашей страны, было обсуждение проекта Конституции СССР. Сотни собраний прошли в городе, всенародно обсуждались статьи, разделы Конституции. Ленинградцы единодушно одобрили проект, который теперь, после сессии Верховного Совета СССР, уже стал Основным Законом нашей страны.

Твердым, уверенным шагом идет мой город вместе со всей страной к еще большему расцвету и могуществу. 60 лет Великому Октябрю. Сменяются поколения. Но не стареет мой город. Город трех революций. Город-герой.

ВРЕМЕНИ НЕПОДВЛАСТНО

**Олег ШМЕЛЕВ,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

люди и символы

Бесчисленные символы сопровождают человека по жизни.

Цветок, засушенный на память в старой книге, и голубь с оливковой веткой в клюве. Осколок снаряда в шкатулке с орденами и могила Неизвестного солдата...

Мы говорим: Петроград, и перед нами вспыхивают выхваченные из тьмы вспышкой оружейного выстрела пламенные цифры — 1917. Смольный, Зимний, «Аврора»...

Но начиналось гораздо раньше. Мы знаем: путь к Октябрю был тяжок и небыстр. У этой долгой борьбы российского пролетариата за лучшую долю, за свободу есть свой символ — Путиловский завод.

1809 год. Рабочие-путиловцы пишут Александру I прошение об увеличении заработной платы и защите от притеснений английских мастеров, на что последовало распоряжение начальника петербургских заводов: «Лучшим средством к удержанию их от своеволия и подачи пустых и неделных просьб полагаю я удаление некоторых начинщиков подобных дел на Сибирские заводы, а именно мастеровых Федора Прохорова, Ивана Арнаутова, Григорья Окулова, Дорофея Плотникова и Ефима Пименова».

Но всех не удалишь. На смену Федору Прохорову и Ефиму Пименову явились Василий Буянов и Егор Климанов. Они создавали рабочие марксистские кружки, поднимали мастеровых на стачки. Не зря молодой Владимир Ульянов еще в 1894 году узнал дорогу на Путиловский завод, не зря токарил здесь Михаил Калинин, не случайно в числе основателей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» был П. Запорожец, тоже поработавший на Путиловском.

В январе 1905 года в ответ на увольнение четырех своих товарищей путиловцы начали стачку. Вот полицейская анкета, красноречивость которой невозможно переоценить. Начать с того, что всякая анкета предполагает множественность, типичность обследуемого, а эта к тому же напечатана типографским способом. А главное заключается в двух ее пунктах:

«1905 год январь месяц

Число рабочих в заведении:

мужчины 12.986, женщины 58, подростки 152, малолетние...

Итого 13.196

Число принимавших участие в забастовке:

мужчины 12.986, женщины 58, подростки 152, малолетние...

Штрейкбрехеров, как видим, не было.

8 января 1905 года Ленин писал: «Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения». И через четыре дня: «Лозунг геройского петербургского пролетариата «смерть или свобода!»

эхом перекачивается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой». Так расправляла крылья первая революция...

На всех решающих этапах победного семнадцатого года Ленин и партия находили в путиловцах самую верную опору, и в архитрудные годы гражданской войны и иностранной интервенции, и в не менее трудные годы послевоенной разрухи. Символом всепобеждающего революционного духа стал путиловский трактор выпуска 20-х годов. ФП — «Федор Петрович», как прозвали его рабочие. Бывший Путиловский давно называется Кировским заводом. С конвейера теперь сходит правнук 19-силыного «Федора Петровича» — 300-силыный К-701. Турбины Кировского вращают винты атомных ледоколов «Ленин» и «Арктика». Все изменилось. Неизменной остается верность великому делу рабочего класса.

Традиция хранится не в музее. Она жива людьми...

Биографии трех путиловских коммунистов — как три ступени космической ракеты. Сравнение не покажется натянутым, если вспомнить, что дед первого в мире космонавта — бесстрашный Юрий Гагарин проработал на Путиловском заводе, в паровозно-механической и шрапнельной мастерских, целых двадцать семь лет, с 1892-го по 1918-й...

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

Ребятя прозвище человеку дадут — как прилепят. Его звали Башка. Понимать надо, башковитый.

Отец на заводе кузнецом, сестренки и братья числом восемь душ — все тут, на Богомоловской. Кто на ней родился, тому без завода никак нельзя. И дружки здесь, а главное — Вася Алексеев. Тезка всего на четыре года старше, но Васильеву известно: он уже давно подпольщик, большевик.

Васильев устроился на Путиловский учеником токаря в башенной мастерской — детали для минных аппаратов делали. Это было в конце 1915-го, а в феврале следующего Башка выполнил первое свое партийное задание — вывез на тачке мастера Григорьева, доносчика и прижиму. Так путиловцы отметили начало очередной забастовки. Через три дня Васю Алексеева и еще нескольких большевиков арестовали. Башку уволили. Лишь после Февральской революции разрешили вернуться на Путиловский, да и то чернорабочим в шрапнельно-сборочную мастерскую.

Апрель 17-го.

Зачислили Васильева не куда-нибудь — в пулеметную команду Путиловского. А спустя немного времени перевели в Петергофскую районную команду, и тут уже он учил других, постарше себя, владеть станчком «Максимом».

Сильно повзрослел Вася Васильев в неполных семнадцать лет. Оружие приучает к строгости. Общение с людьми, прошедшими царские тюрьмы и каторги, быстро делает юнца рассудительным и открывает ему такие вещи, каких ни в одной книге не вычитаешь. С этими людьми ходил Васильев на Финляндский вокзал — встречать Ленина, и там он, зажатый в несметной толпе, за далью расстояния мало

что видевший и слышавший, впервые ощутил себя частицей необоримой силы...

25 октября Васильев со своим расчетом, приданным сотне красногвардейцев, которой командовал большевик Сурков, пришел к Дворцовой площади. У Адмиралтейства какой-то матрос показал Суркову мандат и отделил пулеметчиков от сотни, приказал занять позицию перед заграждением, сооруженным защитниками Зимнего, а сотню направил к арке Главного штаба...

Нет, не первым ворвался на мраморные лестницы дворца юный командир расчета, но он по ним ходил в ту ночь, по скользким мраморным ступеням.

...Августовским днем 1920 года питерские рабочие в который уже раз отправляли боевых товарищей на самый горячий плацдарм гражданской войны. Тогда это был юг, а на юге Врангель.

Васильев все с тем же «Максимом» ехал в составе 2-го эскадрона особого назначения и попал во 2-ю Конную армию. Очень скоро, уже после первого боя, узнали в эскадроне, что он путиловский, и назначили комиссаром. Тут возражай не возражай — мол, есть постарше и пограмотней, — кому же комиссаром быть, если не путиловскому...

Станция Апостолово, Сергеевка, Малый Токмак, Большой Токмак, Никополь, Золотая Балка — никто этого маршрута на больших штабных картах не обозначал, он кропился кровью на выжженных солнцем степных седых травах.

Загнали Врангеля в Крым. Перекоп взяли. В селе Армянский Базар Васильева сильно контузило. Надо бы в госпиталь, а бойцы не отпустили: «Ты у нас лучше поправишься». Дивизия отводилась на отдых, на Кубань. Довезли молодого комиссара в целости, выходили, он уж в седло сел. И тут его свалил сыпняк — пришлось все-таки отправить в госпиталь. Сначала в Новобатайск, затем Ростов-на-Дону.

Лишь в апреле 1921 года, ослабевший, чаемый даже легким ветром, вернулся Васильев в родной Питер...

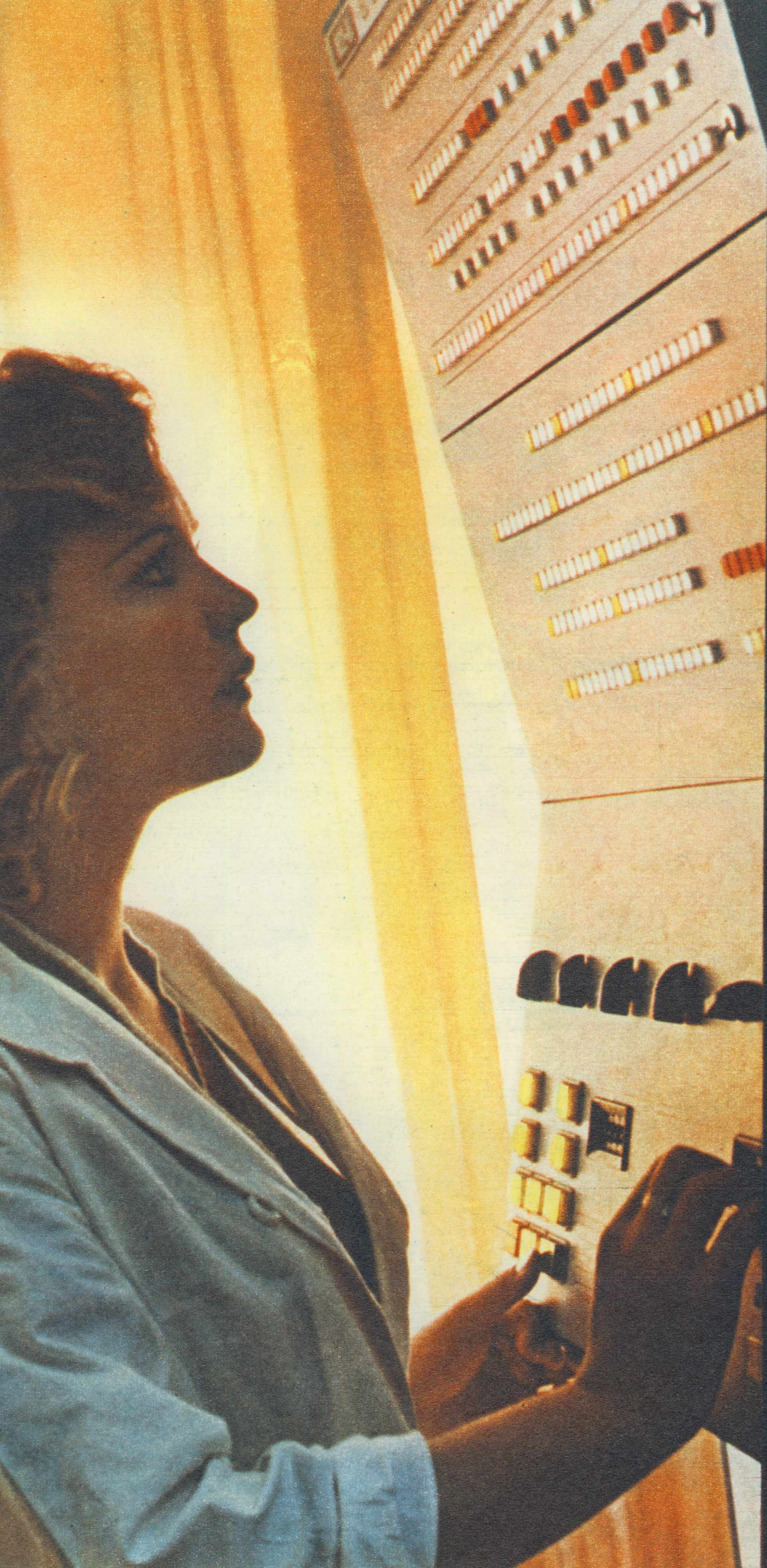
Без всякого намека на символичность скажем, что сегодня 77-летний Василий Васильевич Васильев живет в Ленинграде на проспекте Ветеранов. Он бодр и полон сил и о далеких годах вспоминает как будто о случившемся.

Василий Васильевич Васильев с нахимовцами. Разговор о далеких памятных днях...

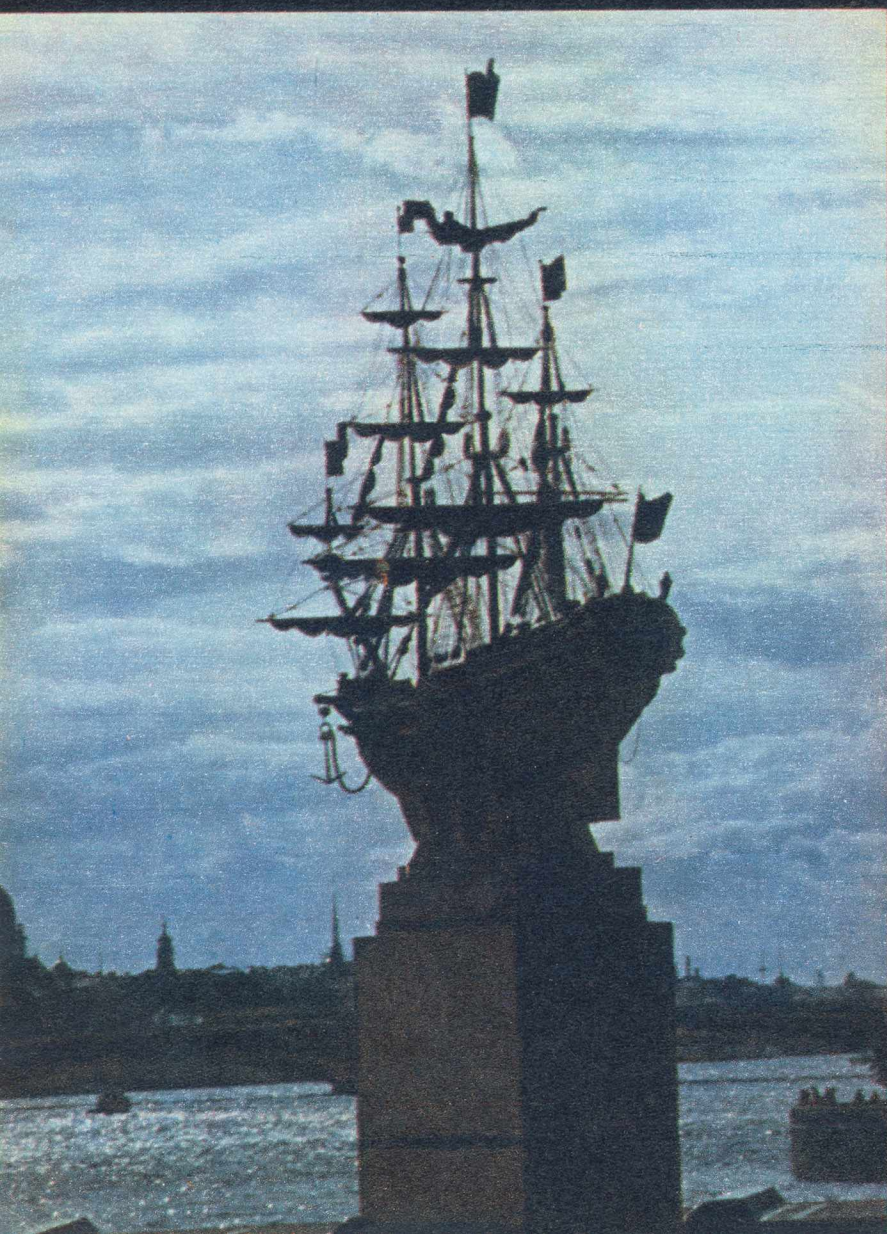
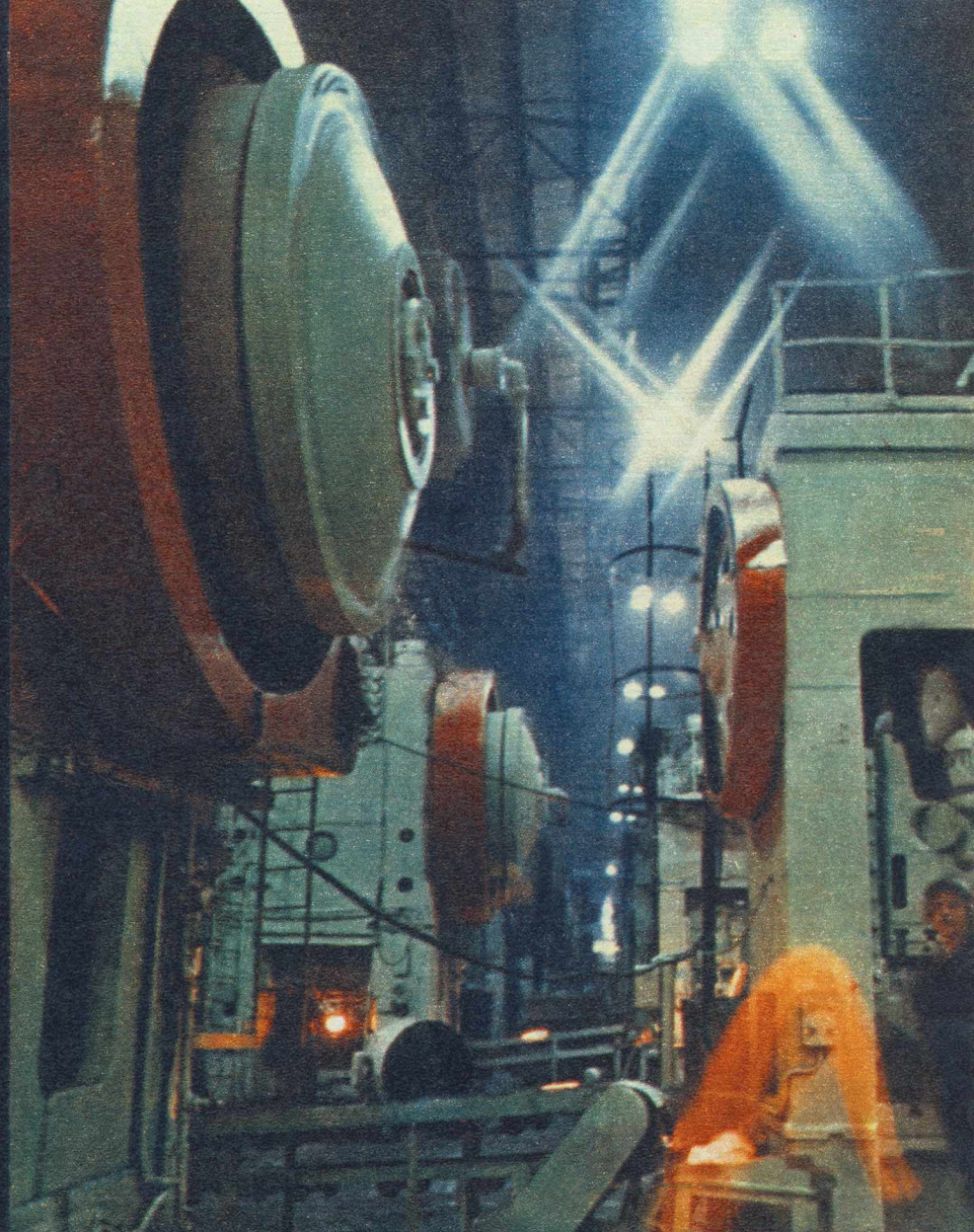
Смольный.

На развороте вкладки:
На Кировском действует автоматизированная система управления. У пульта ЭВМ — оператор Валентина Кучвальская. * Тракторы К-701 отправляются в дальний путь на поля.

ся вчера. Он молод в своих воспоминаниях, когда рассказывает о прошлом.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ

Не исключено, что они встречались в смертельно свирепую блокадную зиму 1941/42 года — Васильев и Прокофьев.

Разбитый артобстрелами, эвакуировавшийся, что было возможно, на Урал, обескровленный, Кировский завод все же дышал. Полумертвые от голода люди, которых не могла согреть даже работа, ремонтировали танки. Василий Васильевич работал по-прежнему токарем и был начальником заводского штаба противовоздушной обороны. И наверняка он хоть раз, но видел на узких тропках, протоптанных по заваленным снегами улицам вымершей Нарвской заставы, немисливо худого прохожего, согбенного, еле передвигающего ноги, но упорно выдерживающего какой-то определенный маршрут.

Иван Прокофьевич ходил за Нарвскую заставу, к Кировскому заводу, по единственной, но важной причине: тут почти всегда можно было получить в магазине хлеб по карточкам, потому что пекарня работала исправнее, чем в других районах. Силы, которые тратились на дорогу — туда-обратно километров десять, — не восстанавливались ломтем вязкого, как глина, хлеба, но он ведь и матери приносил ломоть. Они ели хлеб с разогретым столярным клеем, правда, Иван не мог есть клей без уксуса, а уксус раздобыть удавалось не каждый день.

Иван жил в доме на берегу реки Пряжки, которая вытекает из Мойки и впадает в Неву. Рядом Адмиралтейский завод, куда он поступил слесарем в сентябре сорок первого, когда ему сравнялось шестнадцать лет. Он слесарь, собирает параваны — подводные аппараты для защиты кораблей от якорных контактных мин. Он не задумывается над вопросом, который по всем правилам должен бы занимать ум шестнадцатилетнего: кем быть? Сначала нужно, чтобы выжил и устоял Ленинград.

Лето 42-го Иван провел на берегу Ладоги. Адмиралтейский завод делал самоходные баржи. Готовые, их разрезали на секции, чтобы можно было перевезти к озеру, а там, на берегу, подгоняли секцию к секции, сзарили, и клепали и спускали на воду. Вот этим и занимался Ваня Прокофьев. Его работа была очень нужна: путь через Ладогу — пищевод и дыхательное горло Ленинграда. Это Дорога жизни.

Как все мальчишки, уцелевшие в голодную зиму, Иван рвался на фронт, хотя сам Ленинград от передовой отличался не сильно. В армию его призвали в январе 1943-го, и попал он в полк, который переводился на Волховский фронт и, значит, должен был идти пешим порядком через Ладогу, из Ваганова в Кобону, тем путем, которым по чистой воде ходили собранные Иваном баржи.

Редко, но все-таки еще случаются такие совпадения: автор этих строк был солдатом в том же полку, только в другом батальоне.

Сорок километров по льду, где запорошенному колючей снежной крупой (идти легко, не оскользаешься), где гладкому, как на доменных катках (хуже, но терпимо), где в снегу по колено (это нехорошо, под снегом не

видны полыньи от бомб, можно провалиться, а достать тебя никто не успеет). Но ничего, прошли. А потом станция Волхов-1 и, как награда за марш-бросок, штабеля мороженой картошки и репчатого лука. Бесполезно описывать, какой это был пир для оголодавших семнадцатилетних солдат. Это самому попробовать надо...

Первый бой принял Иван в составе 173-го стрелкового полка 2-й ударной армии при прорыве блокады в январе 1944-го под Красным Селом. Это был и его последний бой. Осколок ручной гранаты ударил в левую ногу, а после долгих-долгих мучений в медсанбатах и госпиталях, после невеселой службы в нестроевых демобилизовался Иван инвалидом третьей группы.

Он пришел на Кировский в 1950-м, в прокатный цех крючочником на стан «820», а через два года стал вальцовщиком.

Катали слитки в 800, 1000, 1200 килограммов. Автоматики никакой. Ворочать раскаленную чушку весом в тонну нужно вручную, клещами. По ночам Иван иногда не мог спать от режущей боли в предплечьях (на них при работе главная нагрузка, на них клещевина лежит). Боль была немного потише, когда он клал руки под спину. Так удавалось подремать.

Вот уж двадцать семь лет Иван Яковлевич работает на том же самом месте. Конечно, все сильно переменялось: теперешний стан отличается от прежнего, как трактор К-701 от «Федора Петровича», вальцовщики клещами давно рук не ломают. А оглянется Иван Яковлевич на пролетевшие годы — вроде бы ничего с ним лично не произошло, внутренне он не изменился.

В 1971 году его наградили орденом Ленина, а в 1975-м присвоили звание Героя Социалистического Труда. Но он ничего особенного, специального, что ли, для этого не делал — просто работал, как умел, как совесть велит.

Теперь, правда, приходится думать не об одной лишь работе, стало душе беспокойнее: его избрали депутатом Верховного Совета СССР. Смешно сказать: он мог бы еще в семьдесят пятом на пенсию уйти, по профессии срок выслужен. И жил бы без забот, без хлопот и не бедствовал бы.

Но Иван Прокофьев не из тех, кто ставит себе сроки по своим интересам. Для него закон — как люди скажут, как товарищам надо, заводу. А заводу — значит Ленинграду, а Ленинграду — значит всей стране. Крепкая цепочка...

Нелегкая у человека судьба, но прямая и ясная. Так бывает у всех, чья жизнь идет вровень с жизнью народа, по ней меряется.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЗАХАРОВ

Этот разговор произошел два года назад, но его помнят до сих пор...

Дело было вот в чем.

Бригада Ивана Захарова собирает масляные баки для трактора К-701. Операции, прямо скажем, не самого высшего класса точности, но требуют аккуратности. В бригаде двадцать пять человек, поделены они на две смены — значит, в сборке каждого бака принимает участие двенадцать слесарей. По видимости, все работают нормально, никто как будто не филонит, но не было дня, чтобы отдел технического контроля не браковал их продукцию. Забракованный бак возвращается для устранения дефектов. Понятно, что от этого страдает план. Возврат больно бил не только по карману. Самолюбие тоже существует, если и не у всех, так у большинства. И вообще, на что это похоже?! Ведь в бригаде шесть коммунистов, два кандидата в члены партии, три комсомольца...

Откуда дефекты?

Кто-то не проверил трубку, кто-то чуть небрежно действовал с фланцем или крышкой — любого из этих маленьких дефектов достаточно для возврата, а их сумма делает брак просто вопиющим.

Где выход?

На сборке каждый обязан рассматривать каждое свое действие как самое ответственное, даже если речь идет об элементарном — затягивании гаек. Каждый должен внушить себе простую мысль: если ты неправильно забрал эту несчастную гайку, насправку идет работа всего завода и не сдвинется с места эта ве-

ликолепная машина — трактор К-701, ни к чему будут его 300 лошадиных сил.

Каждый должен соображать: надсмотрщика над тобой никто не поставит, контролируй себя сам.

...Вот о чем шел тогда в курилке острый разговор, который назревал давно и оказался более чем своевременным.

Вскоре ОТК вручил бригаде Захарова клеймо — № 1306 — с правом ставить его на баках самим, без проверки.

Чтобы утвердить дело на прочной основе, бригада заключила договор со смежниками о поставках деталей, договор о творческом сотрудничестве «ИТР — рабочий».

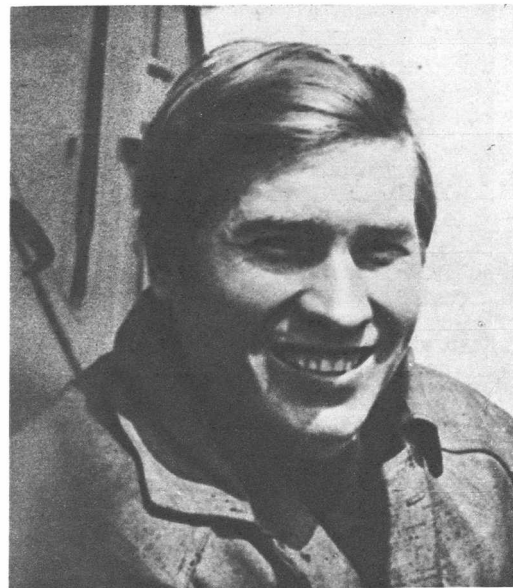
Что это дало им самим и заводу?

Теперь они регулярно получают премию — худо-бедно, а по пятнадцать — двадцать рублей в месяц на человека приходится.

План двух лет десятой пятилетки выполнили уже 14 августа.

Из бригады высвободили пять человек — все квалифицированные слесари, которые на других местах будут очень полезны. Виктор Иванович Каверин, например, берет в филиале завода отстающую бригаду.

Иван Захаров убежден, что производитель-

Иван Захаров.

ность любого предприятия в целом и качество его продукции прямо зависят от эффективности труда буквально каждого его рабочего, — из этого родился почин, подхваченный заводами и фабриками города. Захарова знает теперь весь рабочий Ленинград...

Сухие материи, но в них смысл жизни 32-летнего коммуниста Ивана Захарова.

Старые путловцы-кировцы считают его своим, коренным, а меж тем он волжанин. В Ленинград приехал прямо из армии, уволившись в звании старшего сержанта в 1967 году.

На родине, в деревне Вишневой, Ардатовского района, Горьковской области, родных у него никого нет. Отец и мать Ивана оба были фронтовыми шоферами, оба вернулись домой в самом конце войны — их демобилизовали после тяжелых ранений. Мать умерла вскоре после того, как родила Ивана. Отец пережил ее ненадолго...

Теперь будет в Ленинграде новый рабочий род. У Ивана и Зинаиды Захаровых растет сын Дмитрий, уже в школу пошел...

* * *

Людские поколения — как ступени космической ракеты.

Мы стартовали в будущее в Октябре 17-го на площадях Петрограда, который зовем ныне городом Ленина...

Иван Яковлевич Прокофьев.

Кузнечный цех Кировского.

Ленинград — ворота в море.

Эти ребята учатся в ордена Трудового Красного Знамени ПТУ № 42 имени Васи Алексеева. Они будут собирать тракторы на Кировском.

Кадр из нового многосерийного фильма «Солдаты свободы»; сцена партийного собрания.

ПОСТИЖЕНИЕ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Редакция обратилась к известному киноактеру Евгению Семеновичу Матвееву, народному артисту СССР, с просьбой рассказать о новых его работах в кинематографе, о процессе внутреннего творческого создания роли.

Е. МАТВЕЕВ,
народный артист СССР

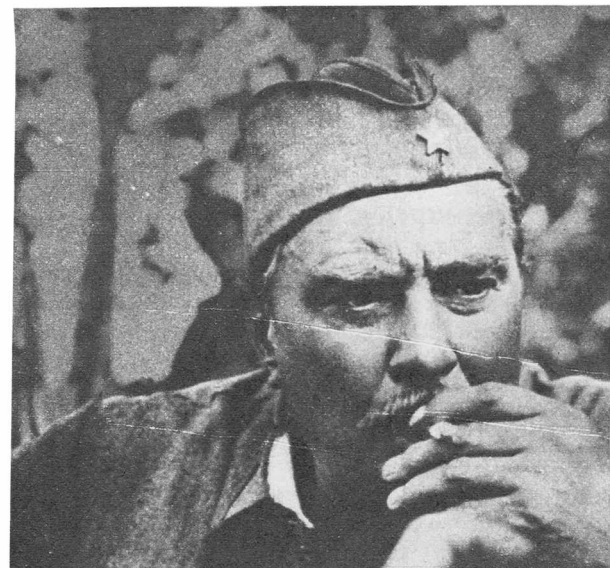
— Признаться, не знаю даже, с какой картины, с какой роли начать разговор. Настолько все это многообразно, непохоже одно на другое, хотя в равной мере пропущено через сердце, через весь вообще творческий актерский «аппарат»...

Пожалуй, все же целесообразнее было бы говорить о проделанной работе, исходя из

степени готовности фильмов. И тогда я начну с «Судьбы», поставленной мною по роману Петра Проскурина. Этот широкоформатный цветной двухсерийный фильм охватывает историю жизни не одного только Захара Дерюгина и его близких в дни Великой Отечественной войны. Здесь деревня Гусищи, ее жители, очутившиеся в условиях оккупации, — отнюдь не безликий «фон». Все здесь насыщено сопротивлением, все живет ненавистью к врагу, решимостью бороться до последнего дыхания... Так решалась атмосфера картины, где герой — только частица своего народа, а в то же время его живой, выразительный образ... Так, во всяком случае, писал героя автор романа, и таким следовало мне показать Захара Дерюгина на экране... Скоро зрители будут судить о том, насколько это удалось нам — всему постановочному коллективу.

Думается, главное здесь — тема ярко выраженной народности. И выраженной, — могу сказать это как режиссер, — прежде всего в образе Захара...

Мне он представляется словно бы родным братом Макара Нагульнова, — простой, а вместе с тем очень непростой русский крестьянин... Нет, это уже не «мужик», уже не «от сохи», — уже представитель своей революционной эпохи, поднятый ею высоко, щедро наделенный коллективистским, советским, коммунистическим сознанием... Страстный, неравнодушный, безудержный человек, — как же он

постоянен и неколебим в своем главном и решающем: в своих качествах ленинца, защитника родной земли!.. Его можно убить, но согнуть — нечего и пытаться... Я не только понял, но полюбил Захара и поэтому чувствовал себя в этой роли свободно, если можно так выразиться, дышал ею... Разумеется, очень помогало в работе над фильмом и то, что моими верными соратниками оставались Зинаида Кириенко, Ольга Остроумова, Ирина Скобцева, Валерия Заклунная, Владимир Самойлов, Юрий Яковлев... В этом фильме — не знаю, можно ли считать его продолжением картины «Любовь земная», во всяком случае, такой замысел не входил в режиссерское прочтение «Судьбы», — все эти актерские индивидуальности выразились крупно и значительно, но в то же время основу творческого решения, его «зерно» составляют народные, массовые сцены. Снова и снова хочу сказать, что все злоключения Захара — та потрясающая выдержка, с какою он, тяжело раненный, переносит плен и побег, и опять плен, и опять побег, и вся его партизанская борьба, — все это идет и от яростного, безудержного склада характера, унаследованного еще от дедов и прадедов, столь же беззаветно встававших на оборону Родины, но не только... Захар — это в нем главное — человек советской нови, определяющей все поведение героя. Мне близка социалистическая суть этого человека, его непреклонная идейность — тот внутренний восторг битвы, которым он держится, даже будучи в плену, который не позволяет ему просить пощады, опустить крылья, сдаться...

Крылатая душа Захара — вот, быть может, тот росток образа, то особое актерское отношение к герою, из какого сперва подсознательно, а потом все решительнее выстраиваешь будущий образ в целом, находишь всю человеческую повадку героя, все его черты, все приметы... Замечу, что Макара Нагульнов, например, был для меня чем-то подобен степному тюльпану... Не шутя говорю... Наверное, у каждого артиста все это решается глубоко индивидуально, отыскивается в самых глубоких тайниках души во время творческого анализа роли... Говорить об этом тоже трудно,

«Чем дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны, тем глубже мы осознаем величие и значение героических свершений тех незабываемых лет», — говорил Леонид Ильич Брежнев в своей речи в Туле 18 января 1977 года.

И это так. Годы уходят, а подвиг остается. Героика, воля к победе, патриотизм и мужество — все это остается для людей живым и прекрасным. Доказательством тому — сама личность Л. И. Брежнева, ныне Генерального секретаря ЦК партии и Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а в годы войны — неустрашимого борца, полководца...

Можете себе представить мое душевное состояние, когда я узнал, что образ Л. И. Брежнева — воина, отличающегося негибимой решимостью, твердой внутренней силой, но также и великой мудростью, сердечностью и добротой, доверен мне Ю. Озеровым, режиссером фильма «Солдаты свободы».

Этот интересный фильм логически продолжает и развивает содержание киноэпопеи «Освобождение».

Будучи живой историей, подобно «Освобождению», новая картина расскажет зрителям о подлинных событиях антифашистской борьбы в 1944 году в странах Восточной Европы... Сражаясь против гитлеризма рука об руку, народы этих стран уже тогда заложили основы будущего строительства социализма, основы прочного и счастливого своего содружества с Советским государством... Именно солдатами свободы были они — советские люди, отстоявшие не только свою независимость, но шедшие на помощь другим с открытой душой, беззаветно, не жалея себя... Благодаря этим удивительным нравственным качествам и прежде всего самоотверженности героев — от рядового до генерала — мир сегодня стал таким, какой он есть. Эта мысль явилась для меня в создании образа моего героя путеводной нитью. Она не то что упростила, но дала внутреннюю опору для решения роли, без преувеличения — самой значительной в моей жизни.

победе, ободряющую солдат, произносит Леонид Ильич в городе Мукачево.

И, наконец, коротко упомяну еще один потрясший мое актерское сердце эпизод, когда в Праге к Л. И. Брежневу подходит старик и неуверенно, с болью спрашивает: мол, скажите, господин генерал, что хорошего в коммунизме, если за него приходится погибать людям... У старика убиты два сына, боровшиеся за коммунизм. Старик в глубоком горе; он ни во что уже не верит... И вот здесь идет человечнейшая беседа, которую пересказывать я просто не могу: пусть зрители посмотрят фильм и услышат все это сами!.. Тут мне, артисту, надо было собрать все свои творческие возможности... Надеюсь, что это получилось.

Видите, как все различно, все сложно... Ведь Захар Дерюгин, как Нагульнов, как Василий Гулявин, как Шаповалов, — все они были моими братьями, — именно так я их ощущал внутри себя. Мать у них одна — Революция; отчасти они могут именно поэтому быть несколько похожи друг на друга. Впрочем, я-то всегда стараюсь найти различие, показать при общности идеала несходство натуры, характера... У таких, как Захар, на плечах судьба Отечества. В «Солдатах свободы» на плечах у моего героя нечто большее — судьбы всего мира, благополучие всех тех людей, которые и есть главный оплот коммунизма — «пролетарии всех стран»... Коммунизм предстает здесь как сила действенная, живая, полная творческой созидательной перспективы...

И, наконец, нынешний, юбилейный 1977 год ознаменован для меня еще одной серьезной работой в кино, — как ни покажется странно, примыкающей по-своему к тем двум, о которых мы уже говорили... Это — «Пугачев». Здесь я снимаюсь в заглавной роли. Постановку этой картины «Мосфильма» осуществляет режиссер Алексей Салтыков по сценарию Э. Володарского. Съемка сейчас идет в лесу, под Минском, и для меня здесь опять становится главной темой глубинной исторической необходимости происходящего, тема народности.

Если говорить о трудностях роли, то они и в отдаленности эпохи и, не считите за парадокс, в близости героя к зрителю. В самом деле: кому не известен Пугачев, хотя бы понаслышке! Но ведь надо опять-таки очень точно найти его изнутри — угадать главное движение души... Для меня оно в нетерпении героя. В его трогательном, почти детском, просветленном желании пододвинуть, приблизить к страдавшимся людям какую-то другую жизнь... Какую? Он и сам не ответит на этот вопрос. Для него бесспорно одно — жизнь справедливую!.. В сердечном нетерпении, снедающем Пугачева, я вижу суть роли...

Сейчас я уже настолько «вошел» в эту роль, «сжился» с героем, что даже часто вижу его во сне... Часто вижу, как его убивают, но не в Москве, на Болоте, а ножом, «своим». Он уже давно для меня не чужой, далекий, а понятный и близкий, родной человек.

Когда-то — вы помните? — был поставлен фильм «Капитанская дочка»... Знаменитый Лукьянов раскрепощенно играл в той давней картине этакое сказочного героя, Соловья-разбойника... Для меня Емельян — совершенно реальный, живой человек. И вместе с тем — олицетворенная народная печаль. Не от буйства и не от озорства идет он на борьбу, а затем и на погибель, но от сознания необходимости. От великой беды народной и от нетерпения своего... На хороших иконах, знаете ли, есть у святых в глазах вот именно такая мудрая скорбь и понимание. Но Пугачев, конечно же, не угодник божий! Он бунтарь, гневный провидец будущих народных сражений, великих бурь, которые и приведут — пусть через века — народ к победе. Вы, возможно, удивитесь, но Пугачева мне играть не то что проще, но, пожалуй, легче, что ли, чем Захара Дерюгина...

И во всех ролях, о которых шла речь, для меня всякий раз по-разному, но непременно ваяв предстает сконцентрированной сама героика. Поиск счастья для других людей.

Беседу вела Н. ТОЛЧЕНОВА.

ГЕРОЯ

поскольку все тут складывается очень и очень непросто.

Но сейчас Захар уже «состоялся»; он уже отделился от меня, актера и режиссера, — теперь ему предстоит жить на полотне экрана вроде бы своей собственной жизнью; она станет всеобщим достоянием, и, конечно, я очень волнуюсь, когда об этом думаю... Однако, скажу по правде, еще большее волнение испытываю и я и все мои товарищи по работе над другим фильмом. Это — «Солдаты свободы», поистине огромная картина, созданная режиссером Юрием Озеровым. Скоро она появится на экранах.

По ходу действия Леонид Ильич Брежнев проводит партийное собрание. И тут есть исторический эпизод, когда мой герой читает солдатам письмо убитого старшины... В письме говорится, что дело чести советских воинов — покончить с фашизмом, помочь другим народам добиться новой, счастливой жизни...

— Кто из нас думает иначе? — спрашивает Леонид Ильич.

— Никто!..

И в едином порыве воины поднимаются к бою...

Речь, полную уверенности в предстоящей

Таков Захар Дерюгин в «Судьбе».

«Мосфильм» снимает новую картину с Евгением Матвеевым в заглавной роли Емельяна Пугачева.

ТАЙНА ЦЕНЫ

Давным-давно это было. Задумался дотошный паренек Сергунька о том, почему из ничего не стоящего материала получаются ценные вещи. Когда же цена в них входит? Спрашивал он своего дедушку, с которым из найденных на берегу ракушек пуговки высекал, гончара, что из даровой глины кувшины выделывал, и многих-многих других людей. Спросил он об этом и каменотеса и услышал в ответ, что не найти ему ключа к разгадке, пока сам не начнет работать. И действительно, лишь когда паренек досконально освоил ремесло и из Сергуньки превратился в Сергея, мастера своего дела, понял он, что тайна цены — в рабочих руках, в труде человека.

Умную сказку эту написал Евгений Андреевич Пермьян, которому 31 октября исполняется семьдесят пять лет.

Родился он на Урале, в краю, издавна славившемся не только богатствами недр, но и своими умельцами, что доходили до вершин мастерства, опираясь на опыт народный, природную сметку и трудолюбие. Как и им, Е. Пермьяну пришлось многому учиться у самой жизни. Обстоятельства сложились так, что будущему писателю довелось поработать подручным слесаря и руководителем агитколлектива, заготовителем и инструктором по культпросветработе — строилось новое общество, везде нужны были энергичные, преданные нашему делу люди.

Только в 1930 году оканчивает он педагогический факультет Пермского университета и, целиком отдаваясь литературной деятельности, к которой исподволь готовил себя еще с ранней юности (писал стихи, рассказы, очерки). Вот здесь-то и пригодилось ему знание жизни, глубинных перемен, происходивших в окружающем мире.

В начале своего творческого пути Е. Пермьян выступил как драматург. Он сотрудничал в журналах «Деревенский театр» и «Клубная сцена». Из произведений этого периода наибольшая известность выпала на долю написанной к двадцатилетию Октябрьской революции героико-романтической комедии «Лес шумит».

В годы Великой Отечественной войны статьи и очерки писателя, ярко отражавшие ратный и трудовой подвиг народа, печатались в газетах Челябинска, Свердловска, Нижнего Тагила. Он — представитель Совинформбюро по Уралу.

Сближение и дружба с удивительным человеком, замечательным писателем-сказочником П. П. Бажовым, совместные поездки по родному краю не могли не сказаться на творчестве Е. Пермьяна. В 1946 году появляется его книга «Кем быть?», посвященная юным читателям. В детскую литературу пришел новый автор, которому суждено было внести значительный вклад в ее дальнейшее развитие. Кроме научно-популярных книг «От костра до котла», «Сказ про газ» и других, Е. Пермьян пишет множество сказок. Не заветные слова, лишь произнеси которые — и волшебная сила с легкостью выполнит все твои желания, а возвышающийся до творчества труд делает человека счастливым — вот что следует отметить в сказках «Золотой гвоздь», «Трудовой огонек», «Самоходные лапотки», «Тайна цены». В них отражены веления нового времени, поставившего труд в один ряд с подвигом.

Большой жизненный и литературный опыт позволил писателю перейти к эпической форме. Его романы «Сказка о сером волке», «Старая ведьма», «Горбатый медведь», «Яргород» и другие стали заметным явлением в советской литературе последних двух десятилетий. Их отличает самобытность характеров, живой, образный язык, остроту сюжетов, в них утверждаются нравственные основы нового мира.

В этом году вышел первый том собрания сочинений Евгения Андреевича Пермьяна. Многочисленные читатели поздравляют его с днем семидесятилетия, желают ему здоровья и творческих успехов.

Е. ОЛЕЙНИК

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Д

13

Дзержинский обычно конспиративные собрания кружков СДКПиЛ проводил сам, несмотря на просьбу Главного правления партии уделять основное внимание газете, военной организации и созданию народной милиции, которая не только в часы восстания необходима, а уже сейчас, загодя, ибо постоянному злодейству охранки надо было противопоставлять надежный щит. Последние недели, особенно после введения графом Витте военного положения в Польше, охранка начала форменную охоту за революционерами — какая уж тут свобода, какой манифест!

— Партийный работник обязан смотреть в глаза рабочим, — сказал Дзержинский, когда «старик», один из основателей партии, Адольф Варшавский, показал ему мо-

ками позицию партии на предстоящем съезде русских товарищей — исследовал он в тот раз аграрный вопрос в России.

— При чем здесь аграрный вопрос у русских и наши проблемы? — спросил Дзержинского сапожник Ян Бах, молодой парень, вступивший в партию недавно. Он отличался вдумчивостью, смелостью и открытой, постоянной тягой к знанию. — Вопросы, связанные с положением польских крестьян, — вот что должно интересовать нашу партию.

— Отчего так? — спросил Дзержинский.

— Оттого что мне с польским хлопом говорить, мне на его вопросы отвечать — сколько он земли имеет, сколько должен иметь, сколько станет за нее платить, сколько зерна должен сдать арендатору...

— Вы мельчите вопрос, — ответил Дзержинский. — Вы неверно понимаете постановку проблемы. Русские товарищи сейчас обсуждают главное: либо требовать муниципализации земли, то есть передачи ее в руки местной власти, то ли необходима национализация. Сначала надо решить главное, а уже это главное потянет за собою кажодневное, вторичное — сколько земли, кому, на каких условиях.

— Хлоп только это кажодневное и норовит понять, он в высокую политику лезть не хочет, — ответил Бах.

— Не хочет? — переспросил Дзержинский, раздражаясь. — Или не может? А не может оттого, что не умеет, не подготовлен. И наша задача заключается в том, чтобы крестьянина готовить. Вы обязаны, именно вы, рабочий социал-демократ, объ-

Т о р е

яснее письмо из Берлина от Здислава Ледера («Юзеф чрезмерно рискует, посещая практически все собрания»). — Даже самый развернутый протокол не может передать выражение глаз товарищей, интонации реплик, тональность обмена мнениями перед и после заседания, Адольф...

Более всего Дзержинского тревожили националистические настроения, умело подогревавшиеся пропагандистами социалистов, людьми ППС: Пилсудского, Иодко и Василевского. Причем, если вожди национальных демократов Дмовский и граф Тышкевич говорили о польскости вообще, то Пилсудский и его люди работали умнее: речь они вели о польском социализме, об особом пути Польши. Сложность положения заключалась в том, что Василевский и Пилсудский выводили на демонстрации рабочих под красным флагом, гимном своим считали «Варшавянку», звали народ к борьбе против царя, против капиталистов, за свободу и равенство, но акцентировали при этом: против русского царя, против русского капиталиста. Словно бы Вольнаровские, Любомирские, Тышкевичи и Потоцкие не владели миллионами десятин земли, словно бы не драли они три шкуры с польского хлопа, словно бы заводчики не платили семьдесят шесть копеек в день за работу у доменных печей, словно бы не расселяли людей в сырых бараках, высчитывая из заработка семь копеек за койку в день!

Дзержинский остро почувствовал, что «ппэзсы» начали качественно новую работу в кружках, когда обсуждал с кожевни-

яснить неграмотному человеку то, чего он не понимает, от чего его отталкивают, но что знать необходимо, дабы не существовать, а жить. И еще освобожденный человек обязан думать обо всем мире, а не гнить в узконациональной скорлупе.

— Это я могу сказать крестьянину, который живет в Германии, Франции или Англии — там он вправе на своем родном языке говорить, а поляк гнется под русским царем, — упрямо стоял на своем Бах.

— И обрабатывает землю графа Сигизмунда Потоцкого, — заключил Дзержинский. — Для которого же, конечно, муниципализация угодна и приемлема, национализация — ни в коем разе. А вот отчего родоначальник российского марксизма Плеханов стоит на позиции Сигизмунда Потоцкого — об этом вас спросят люди, и вы должны уметь ответить, потому что Плеханов — сие Плеханов, и тут невозможно сказать, что, мол, Георгий Валентинович предал дело пролетариата и стал на сторону буржуазии — это неправда, вопрос стоит глубже, вопрос, коли хотите, этического порядка: характер, возраст, мера талантности, усталость, отвага, умение предвидеть, готовность принимать точку зрения оппонента... Плеханова, который за муниципализацию, в Польше знают: «Манифест» перевел на русский язык; Ленина, который за национализацию, знают весьма мало, а он, Ленин, отстаивает интересы того самого польского хлопа, который кровью харкает на земле графа Потоцкого и Тышкевича... Русские товарищи не почитают за чужое дело изучение польской партии «Пролетариат» и ее вожд-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—42.

дя Людвика Варыньского. Они находят слова для русских крестьян, они исследуют революционную тенденцию, приложимо к России, но анализируют и Польшу, чтобы их товарищи знали, чем живут и о чем мечтают поляки. Знание — единственно это сделает революцию победоносной. А то, что знание социально, с этим, думаю, спорить не станете, товарищ Бах?

— С этим я и не спорю, — откликнулся Бах. — Я спорю с другим: надо бы нам польскому крестьянину больше польского давать, привлекать его к нам болше.

— Это аксиома, разве я возражаю против этого?! Начинайте беседу в крестьянских кружках с того, что товарищам близко и знакомо. Но ведь постоянно следует думать, как поворачивать их от разговоров к борьбе! А можно ли бороться против царизма без помощи русских товарищей?

— Нельзя.

— Нельзя, — повторил Дзержинский удовлетворенно. — А коли нельзя, то надо точно знать, как сражаются русские товарищи, товарищ Бах! Муниципализация Плеханова — замедление темпа революционной борьбы, национализация Ленина — ускорение. Что предпочтет польский крестьянин?

— Не знаю.

— Ну вот и давайте выяснять, — улыбнулся Дзержинский. — В спорах рождается истина.

...На явку Дзержинский вернулся поздней ночью. В комнате, не зажигая света, ждал его Юзеф Уншлихт:

— Феликс, за Стефанией Микульской поставлена филерская слежка...

— Она предупреждена?

Н Н Е

— Нет.

— Почему?

— Слежку обнаружила сегодня утром Софья Тшедецка. Подойти к Микульской невозможно.

— Отправь записку.

— Не выйдет. Дворник получает все письма и посылки.

— Утром ее надо предупредить любым путем — пусть уезжает.

— Куда?

— В Краков.

— Феликс, о чем ты? Она же не член партии, она актриса, ей ведь на наши деньги не прожить...

Дзержинский сунул голову под кран, стоял долго, отфыркиваясь. Потом растерянно помотал головой и сказал:

— Когда две ночи не посплю, совершенно тупею. Начинаю жить, словно механический человек — по какой-то схеме. Опасно, да? Ну-ка, давай сначала: во-первых, как мальчик?

— Казимежу лучше.

— Глаз спасут?

— Видимо.

— Конференция с солдатами в Пулавах подготовлена?

— Да.

— Теперь по поводу Микульской — когда началась слежка? Связывались ли с Турчаниновым? Пустили наше контрнаблюдение? Какие есть предложения у тебя?

14

Трепов терпеливо ждал, что Витте споткнется на подавлении Московского восстания; тот, однако, дал приказ Дуба-

сову расстреливать баррикады; Трепов ждал, что Витте сломит себе шею на черноморском военном бунте; «Очаков» тем не менее был изрешечен снарядами, Шмидт казнен; так же круто Витте расправлялся с восставшими в Сибири.

При этом — что было для Трепова неожиданным, ибо он действительно, а не показно полагал кадетов «революционерами» — ни Милоков, ни Гучков отставки Витте не требовали, бранили, но в меру; причем Гучков — за непоследовательную мягкость против «крайних элементов», а Милоков — за излишнюю твердость против тех же «элементов». У Трепова создавалось впечатление, что кадеты и октябристы начинают всерьез притираться к Витте, от встреч переходят к делу, а это тревожно, это укрепляет положение нового премьера и, таким образом, может породить в доверчивом царе, который сторонился тяжелой государственной работы, требовавшей каждодневного многочасового присутствия, опасные иллюзии: мол, и при выборах в Думу, и при том, что либералы себе позволяют в газетах, все идет по-прежнему, никто, кроме крайних, не поднимает голос против Основ власти — чего же особенно тревожиться? Можно малость-то и отдать...

Трепов не хотел отдавать ни малости. Он понимал, что ему, отдай он хоть малость, ничего в жизни не останется. Если государь убедится, что и либералы могут служить ему не хуже — а либералы заводы могут вертеть, банками, — ему, Трепову, не властвовать далее. А что он, Дмитрий Федорович, может кроме как властвовать? Сдавать разве свои земли мужику и железной рукою получать с него за это деньги? Что же еще? Ничего больше. А без власти и того не сможет. Себе врать негоже, себе про себя надо все честно говорить.

И Трепов начал интригу. Он начал ее издадека, понимая, что в лоб нельзя. Он догадывался, куда клонит Витте: премьер хотел показать себя Думе, особенно в крестьянском вопросе. Он хотел, чтоб не государь дал, а Дума взяла. Он поэтому исподволь готовил некоторое облегчение крестьянской участи, изучал кадетские планы выкупа помещичьих земель и желал, чтобы в ответ на предложение Думы, именно он, а не государь согласился с мнением депутатов. Тогда он, Витте Сергей Юльевич, так лизнет либералам, что кумиром станет, а кумира свалить трудно, почти невозможно, государя к этому не подтолкнешь.

Дмитрий Федорович организовал письма на свое имя от князя Оболенского и графа Коновницина; они поняли смысл просьбы, обращенной к ним в личных и доверительных записках Трепова. Он ясно указал, чего от них ждет — друзья откликнулись немедленно; послали реляции в Царское Село, на имя Трепова, как он и просил: «Не хотим ранить сердце нашего обожаемого Монарха, поэтому обращаемся к Вам, милостивый государь Дмитрий Федорович, полагаясь на Ваше благоусмотрение: соизволите ли показать Государю наше послание — покажите, посчитаете, что не надобно этого делать, — бросьте в камин.

Со всех концов наших губерний приходят сообщения о насильственном отторжении мужиками земель дворян, истинно русской опоры трона. Об этом знает С. Ю. Витте, однако складывается мнение, что он намеренно не хочет видеть правды. Неужели государь премьер думает о мужичье — поначалу, а уж потом о троне, стоявшем столетия дворянскою силой? Неужели С. Ю. Витте всерьез думает о своей особой роли в жизни Державы нашей Православной? Неужели С. Ю. Витте полагает, что Дума вправе решать судьбу дворянства? Неужели это не есть Высокая прерогатива Его Императорского Величества? Дворяне пошли из царевых милостей, земли им и особое в державе положение жаловали Венценосные Предки Его Императорского Величества, только он эти милости своих предков вправе изменить или отменить совершенно... Далее шли слезы, так Трепов посоветовал, знал, что государь сенти-

ментален, на него крик души действует, иным-то не пробьешь — послушал и пошел себе дрова колоть для укрепления здоровья...

Вторым шагом, после того как Трепов эти, сделанные им же самим письма получил, был вызов из Харькова профессора Мигулина, ловкого юриста, человека, умеющего чутко ветер еще до того, как тот задувать начнет. Ему-то, Мигулину, и было поручено Дмитрием Федоровичем составить проект передачи дворянских земель мужику, смелый проект, дерзкий — так Трепов просил; Мигулин, конечно же, смикнутил. Проект написал, молчком уехал обратно, в Малороссию, получив заверения Трепова, что отныне он может полагаться на самое к себе благожелательное отношение со стороны Двора, но попросил при этом найти верные слова — коли потребуются, — дабы достойно отречься от своего же проекта, объяснив это неверно понятыми «веяниями правительства Витте».

Следующим шагом была беседа с государем. После завтрака, когда вышли на прогулку, Трепов сказал, по обычаю рассыпая слова горохом:

— Ваше величество, сегодня гвардия устраивает бал, мальчишник. Вас ждут, оркестр румына Гулески заказали, маскарад будет отмененный, русский хор с Крестовского, балерины.

— А время ли сейчас? — спросил Николай. — Или мое появление у гвардейцев угодно моменту?

— Именно так, ваше величество, угодно: царь и армия всегда вместе!

Вечером, когда государь приехал к павловцам и офицеры, окружив его, тянулись чокнуться с венценосцем, который держал в мягкой руке рюмку своей любимой «мადеры», оркестр грянул мексиканскую «палому». Офицеры жадно заглядывали в лицо Николаю, ждали там умиления — как-никак любимая песня молодости. Государь, однако, слушал рассеянно, хлопать не стал, а когда, сказавшись уставшим, на танцы не остался и пожелал вернуться во дворец, заметил Трепову мурло:

— Двадцать лет назад черт меня дернул сказать, что я эту песенку люблю, так вот, извольте, прилипло и потчуют и потчуют! Эта «палома» мне сейчас хуже китайского пеня.

— Уж лучше такая верность, ваше величество, хоть и неуклюжая, чем барское коварство, — откликнулся Трепов.

— О чем ты?

— Эхе-хе-хе, — вздохнул Трепов, но сразу же заторопился ответить, знал, что государь слишком уж неподвижный, прямо как после болезни, ему, коли кашу в рот не сунешь, будто ребенку, он и к ложке не потянется. — О Витте я, ваше величество, о Сергее Юльевиче...

— А что? Он сладил с бунтами, он на докладах успокоительные вещи сообщает. — Дак что ж ему, правду вам говорить?! Это я один, душень, всю правду выкладываю, за это меня и любить перестали...

— Полно тебе. Уж я ли тебя не люблю? Я люблю тебя, Трепов, я тебя люблю.

— Хитрость затевает Витте, ваше величество, — убежденно заключил Трепов, — коварную хитрость. Я вам письма Оболенского и графа Коновницина не читал, жалел, я петиции от «Союза русского народа» не показывал, щадил, а теперь не могу. Я вам теперь дам проект одного профессора прочесть, Мигулин ему фамилия, вы не слышали об нем, он не из дворян и родом не восходит.

— Что за проект?

— Об земле. Вы почитайте его, ваше величество, почитайте и предложите Витте ответить, тогда сразу станет ясно, может, я, дурак, и впрямь чересчур его опасюсь?

Так Трепов начал комбинацию. Продолжил он ее назавтра, когда встретил Витте в Фермерском дворце и перед тем, как отвести к государю, взял под локоток, склонился к уху, заговорил жарко, дружески:

— Сергей Юльевич, родной, светлая голова, умница, предпримите ж что-нибудь!

Я сам помещик, но, право слово, готов мужику половину земли безо всякого выкупа отдать, только б вторую половину сохранить! Что медлите, Сергей Юльевич?! Чего ждете?!

Царь, выслушав доклад Витте, одобрительно отозвался о твердости мер, принятых против анархистов в Чите и Польше, выразил сострадание семьям расстрелянных, попросил посуровее быть ко всякого рода безответственным подстрекателям в газетах, изволил поинтересоваться вопросом о займе — деньги нужны немедленно, а уж в конце, протягивая проект Мигулина, спросил:

— Сергей Юльевич, целесообразно ли нам подписать подобный рескрипт? Ознакомьтесь, пожалуйста. Как скажете, так, верно, и поступим.

Витте, вернувшись в Петербург, прочитал записку Мигулина, понял, что началась игра дворцовой партии, хотя все идеи у него забрать и передать на разрешение Царского Села, хотя голым оставить — с чем идти в Думу?! Тем не менее, поостыв, Витте извлек определенного рода выгоду из того, что царь передал ему мигулинскую записку. Это, полагал Витте, позволит ему, отвергнув мигулинский проект как чрезмерно «левый», — такая формулировка царя не может не устроить, на это он поддается — просить министра земледелия Кутлера немедленно представить на рассмотрение совета министров свой проект земельной реформы. А Кутлер — с Милюковым на «ты», им в кабинет подсказан, не кем-нибудь. Значит, через Кутлера он, Витте, заключает договор с кадетами, а они — теперь уже ясно — будут первенствовать в Думе. Значит, продолжал рассуждать Витте, премьер, то есть он, заручится поддержкой законодательного органа державы и свалит его всякого рода Треповым так легко не удастся, будет борьба, а кто в ней победителем выйдет — неизвестно еще. Вот то новое, во имя чего он работал годы, вот оно, то новое, которое исполнительную власть, наконец, превращает в силу, а не в лакеев, дежурящих в приемной царского дворца: «Чего изволите?»

Витте ухмыльнулся: «Обхитрил самого себя, Дмитрий Федорович, думал проверку мне устроить, поглядеть лояльность! Я так этого Мигулина вывожу, что царь в ладошки станет хлопать!»

Однако Витте недоучитывал длинную хитрость Трепова. Витте не мог и предположить, что всю эту комбинацию Трепов затевал для того лишь, чтобы Витте, отвергнув проект Мигулина, предложил Кутлеру составить свой. Записка о кадетских симпатиях Кутлера была уже у Трепова в кармане, Дурново все расписал по нотам, так, что пугало. Государь любил, когда его окружало страшное, с ним бороться интересно, это свое страшное, это и не страшно вовсе — с детства, тайно, любил играть в грозного прадеда.

Как только Витте поручил Кутлеру готовить проект аграрной реформы, которая должна была — по закону Думы, а не царя — отдать мужику за выкуп казенную, удельную и даже часть помещичьей, впусле лежавшей земли, как только сообщил об этом Дурново, так Трепов понял, что он нанес Витте удар, от которого тому легко не оправиться.

Когда Кутлер приготовил свой проект, Трепов — опять-таки через Дурново — организовал немедленный вызов проекта. Спустя день царь предложил уволить Кутлера в отставку — «замахивается на основы».

Витте все понял: обыграли, как мальчишку, обманули так, как темный азиат может обмануть культурного европейца, нутряным коварством переиграли, а такого рода коварству никакой ум не помеха; бывают обстоятельства, в коих живот перешибает голову.

И тогда первый раз Витте заговорил о пошатнувшемся здоровье. Он сделал так, чтобы это стало известно всем. Он ждал реакции. Однако царь никак не откликнулся, при встрече лишь сказал, что калыцекс облегчает простудные заболе-

вания, и справился, есть ли у Витте этот волшебный препарат.

Витте ответил, что его заболевание не носит характера простудного, которое передается по воздуху, ибо он — в таком случае — не просил бы аудиенции, опасаясь заразить его императорское величество.

— Тогда слава богу, — откликнулся Николай, — значит, все в порядке, кроме сильной простуды — что страшно? А холеры, к счастью, пока нет. Значит, надо полагать, Сергей Юльевич сможет отдать всего себя делу скорейшего получения займа: державе надобно золото, чтобы залечить раны, нанесенные войной на дальневосточной окраине, и помочь поднять экономику без резких изменений привычного для России уклада.

Витте понял — обложен. Если будет займ, уйдет с миром, не будет займа, не сможет его вырвать у Парижа и Берлина — выпрут из кресла, оболгут, не отмоешься.

...Трепов провожал к авто, по обычаю поддерживал под локоток, жаловался на погоду и просил остерегаться сквозняков: «Лучше б экипажем, Сергей Юльевич, в авто насквозь просвищет, кашлять станете. По-дедовски-то надежнее, право слово, и навозом пахнет — для легких полезно».

(Наивно утверждать, что монархист Витте думал о превращении России в истинно парламентское государство. Он, однако, думал постоянно о превращении России в крепкое буржуазное государство, потому-то в своих законопроектах особо выделял капиталистов и землевладельцев. И тем и другим его проект был угоден: помещик был заинтересован в резерве малоземельных, которые бы обрабатывали его поля, получали за это деньги и отдавали их в Крестьянский банк в к у п о м. Пройди этот законопроект, Гучков, Родзянко, Николаевы сразу же вложат свои деньги в Крестьянские банки — под огромный процент. И пошла бы жизнь! Завертелось бы колесо капитала, открылся бы товарообмен между мужиком и городом, активный товарообмен, а не ползучий, такой, как сейчас: «Я тебе плуг, а ты мне мед да пеньку». Все правильно рассчитывал Витте, только совершенно он не брал в расчет тех, кто призван был производить товар, а таких было в России сто миллионов. В расчетах бар эта ошибка обычно имеет место, ибо бессловесное большинство непонятно и кажется какой-то громадной безликой массой, лишенной чувства, мысли и мечты. Другое дело — Витте прошляпил с царем; он все же полагал, что двор умнее, он полагал, что там понимают: «новое время — новые песни». Витте на мотив не замахивался, пусть будет извечным, он хотел чуть-чуть изменить рифму, сушая ведь безделица, но нет — вырождение сыграло злую шутку: правил державою человек, лишенный какого бы то ни было государственного разума, человек трусливый и в конечном счете малообразованный.

Но Витте тем не менее не хотел сдаваться — именно поэтому пустил слух о слабом здоровье, — больных жалеют, не так боятся, ждут, пока сами развалятся. Главное — утвердить законы, угодные сильным. Потом, приведя в Думу своих сильных, можно отойти в тень. Когда понадобится «чистая голова» — позовут, никуда не денутся. Он вернется.

В этом и была его главная ошибка — ушедших не возвращают.)

15

Александр Иванович Гучков, основатель партии октябристов (называли себя «Союзом 17 октября» — в честь царева манифеста), пригласил железнодорожного инженера Кирилла Прокофьевича Николаева, члена московского комитета партии, владевшего контрольным пакетом акций приисков на Бодайбо, фактического хозяина забайкальской дороги; Михаила Владимировича Родзянко, лидера партии октябристов, агрария, державшего в руках юг Украины; варшавского финансиста Сигизмунда Вольнарковского и банкира Дмит-

рия Львовича Рубинштейна на обед к себе, в апартаменты «Европейской» гостиницы. «Асторию» терпеть не мог из-за промозглой сырости.

Стол был накрыт по-английски, половые разносили аперитивы, на столике возле большого окна стояли бутылки, привезенные из Шотландии, ветчина была круто солена, суховата; канапе — на черных прижаренных хлебцах, все, словом, как в Европах. Родзянко, потирая зябко руки, просто-на-просто:

— Александр Иванович, ласка, я эти паршивые виски пить не могу, от дымного запаха воротит — мои крестьяне самогона варят чище, ей-богу.

— Да вы аперитивы, аперитивы пейте, — хохотнул Гучков, — водка к мясу будет.

— Коли уж все накрыто по-английски, я было решил, что ты нас вино заставишь хлестать к бифштексу-то! — сказал Николаев.

— Какая к черту реформа?! — горестно изумился Гучков. — Какой прогресс возможен на Руси, коли мы такие косные и дремучие люди — только щи подавай и пшенную кашу с подсолнечным маслом! Национальная особость ярче всего проявляется в том, как люди относятся к пище других народов. Когда меня япошата захватили в плен, притащили в мукденский лагерь и дали сырую рыбу — офицеры их понабежали, очкастые все, махонькие, смеются, ждут, как я плевать начну: наши солдаты, бедолаги, умирали с голода, а сырую рыбу, ту, что япошата с утра до ночи трескают за обе щеки, на землю бросали, ропот шел, что, мол, унижают русского человека и глумятся над ним раскосые нехристы. А я съел. И еще попросил. Поэтому меня из барака в город отпустили, подсобным в прачечную, ходи-ходи, белье носи-носи...

— Александр Иванович, ты не прав, — сказал Рубинштейн. — Мы, русские, очень либеральны по отношению к тому, что едят другие, но только сырую рыбу, бога ради, не навязывай! Лучше уж консерватизм, чем склизкий карп во рту! Я, например, без черного хлеба, луковицы и стопки поутру, в воскресный день, — право слово, не человек, будто на бирже миллион проиграл!

Гучков обнял пыжистого Рубинштейна за плечи:

— Митя, Митенька, дружочек нежный, объясни, отчего вы, пархатые, больше нас, мужепесов, черный хлеб с водкой любите.

— Да потому что вкусно! Мы, Александр Иванович, если присохла сердцем к чему-то — так уж навек! Малое к большому льнет!

Гучков попробовал новый аперитив, собственное изобретение, джин с пятигорской водой, глянул на Вольнарковского, улыбнулся:

— Это, Митя, — ты; мы за это тебя так любим, а вот Сигизмунд все одним глазом в Варшаву глядит, польскую выгоду в левый угол ставит.

— Было бы противоестественно, если б вы ставили в левый угол интересы Польши, не правда ли? Чего ж вы от меня требуете?

— Он требовать не умеет, — сказал Родзянко. — Александр Иванович как истинный англофил только выносит на всеобщее обозрение. Его волнует, дорогой Сигизмунд, судьба его вложений в лодзинские мануфактуры и моих — в сахаропромышленность Петровской губернии: гляди, отложитесь от России, что мне тогда, к Мите в ножки падать? Помогите, мол, через своих кровососов рогтильдов вернуть капитал?

Вольнарковский пожал плечами:

— Наведите порядок в России — тогда и нам будет легче, у нас есть силы, которые смогут повернуть общество к идее вечного единения с Петербургом, один Дмовский с Тышкевичем чего стоят...

Николаев махнул аперитив вместе с ягодкой, косточку обсосал, вытолкнул языком на стеклянный поднос:

— Ничего ваш Тышкевич с Дмовским не стоят, Сигизмунд, не обижайтесь за правду.

— Тышкевич — нет, пустое место, — согласился Рубинштейн, — а Дмовский — человек с весом.

— Кто взвешивал? — спросил Николаев. — Банкирский дом Розенблюма и Гирша, Митенька? Твои взвешивают и гвалт поднимают, оттого что Дмовский с ними мацу хрустит!

— Розенблюм и Гирш на нас сориентированы, — заметил Родзянко, — они связаны с нашими интересами, Кирилл Прокофьевич.

— Это он шутит так, — пояснил Рубинштейн Сигизмунду. — А кто ж, Кирилл, по-вашему, весит в привислинском крае?

Николаев поморщился:

— Зачем пальцем в глаз тыкать? Почему «привислинский край»? Ну хорошо, Сигизмунд наш друг, он поймет, он делом живет, а не национальными химерами, а мы в газетах поляков «привислинским краем» дразним, вместо того, чтобы «Царство Польское» с прописных букв употреблять... А весят там другие силы, и во главе их стоят...

— Пилсудский и Василевский? — вопрошающе подсказал Вольнаровский.

Гучков отрицательно покачал головой:

— Нет, Пилсудский шпионствовал против России, продавал микадо военные планы, этим брезгуют в порядочном обществе.

— Там Люксембург и Держинский — личности, — сказал Николаев.

— Какой Люксембург? — удивился Рубинштейн. — Максимилиан Эдуардович? Директор банка?

— Его сестра. Розалия Эдуардовна... А Держинского я деньгами на их газету ссужал — невероятного колорита человек, громадного обаяния...

Гучков посмотрел на часы.

— Другя, минут через десять к нам приедет Василий Иванович Тимирязев, пождем, а? Или невозможность? Супчик у нас легкий, тертая цветная капуста со спаржей. Подождем министра?

— Он, наверное, запоздает, — сказал Рубинштейн. — Витте проводит сегодня кабинет.

— Что-нибудь интересное? — спросил Родзянко.

— Защищать будет министра юстиции. Валят бедного Манухина, очень Дурново против него резок, обвиняет в бездельности, — ответил Рубинштейн. — Требуется от Манухина жестких законов, а тот боится дать.

— Это тебе сообщает Мануйлов-Манусевич? — поинтересовался Гучков.

— Да.

— Скользкий он человек, — заметил Николаев. — И сразу взятку просит. Сначала в кабинет рука влазит, а уж потом этот самый Мануйлов-Манусевич появляется.

— Что скользкий — не велика беда. Главное — не очень знающий, — добавил Гучков. — Дурново — вторая скрипка. Главная пружина — Трепов. Он требует от юстиции крови, а Манухин не дурак, он дальше смотрит, Дурново перед собой выставляет: ты, мол, стреляй, а сам хочешь жить по новому закону.

Родзянко посмеялся:

— Благими намерениями дорога в ад вымощена, Александр Иванович, России до законности семь верст до небес и все лесом! Конечно, в наше трудное анархическое время уповать на министерство юстиции смешно и недальновидно. Сейчас главный удар на себя должен принять Дурново, крамолу надо искоренить решительно и жестоко, страх должен быть посеян крепкою рукою, а уж потом на ниве памяти об этом можно дать простор юстиции, гласности и всему прочему, столь удобному нашим партнерам на западе.

— Беззаконие необратимо, — заметил Николаев. — Я боюсь, Михаил Владимирович, как бы эта палка снова по нашим шеем не прошла. Приказные от полиции — люди увлекающиеся, получив неограниченную власть, снова захотят диктовать те условия, на которых нам следует вести дело с нашими рабочими, Гужон это верно унюхал.

— Это хорошо, что вы смотрите вперед, Кирилл Прокофьевич, — не согласился Родзянко, — но нельзя перепрыгивать через условия сегодняшнего дня. Пока революция полыхает в несчастной стране, пока поме-

щики страшатся жить в имениях, а вам, заводчикам, приходится вступать в униженные переговоры с рабочими делегациями, преждевременно думать о возможном рецидиве полицейского всевластия. Да и государь, я думаю, понял, что без поддержки нашей партии ему трудно будет править империей, все-таки не кто-нибудь, а мы держим в руках железные дороги и оружейные заводы.

...Тимирязев вошел в зал по-министерски, степенно, трижды расцеловался с Гучковым, обнялся с Николаевым, крепко пожал руки Родзянко, Рубинштейну и Вольнаровскому.

— Что значит министр, — вздохнул Родзянко. — С русскими — объятия, а с нами — рукопожатия, черт их знает, инородцев, у них свое на уме!

Тимирязев, видно, не ждал такого открытого удара, долго тянул аперитив, обмозговывая, как ответить. Дососав косточку греческой зеленой маслины, улыбнулся:

— Министр — человек служивый, Михаил Владимирович, куда ему тягаться с вами — за каждым миллионы... А уж что касается вероисповедания, так Дмитрий Львович более меня русский, он посты держит.

— Вы не обижайтесь, Василий Иванович, если был дерзок — прошу простить, и миллионы не корите — разлетаются по ветру. Без вашего совета и подсказки трудно будет дальше жить. Мы проголосовали единогласно на заседании правления вашу кандидатуру в качестве неперемного члена. Не оскорбите отказом?

Рубинштейн аж присел от зависти — обскакал старый хохол на повороте, будто орловец обскакал. Гучков заметил, как дрогнуло лицо Митеньки, рассмеялся, повел гостей к столу. Помимо чашечки с дрянным супом, обязательным по англофильскому, будь он не ладен, протоколу, стояла у каждого прибора ваза в серебре с икрой, только три дня назад прогрозил таковой через решето в Царицыне, на рыбном заводике, купленном Гучковым смеха ради во время гусиной охоты.

Вольнаровский, европеец, кружева вместо манжетов носит, суп все-таки попробовал, заметил, что капуста изумительна, а Родзянко чашечку решительно отставил, а правил себе бутерброд с икрой и уваристо, всем телом повернувшись к Тимирязеву, поднял высокую рюмку с желтоватой пшеничной водкой:

— Василий Иванович, я хочу просить моих друзей выпить за вас, первого в нашей истории министра торговли и промышленности, которого отличает понимание истинных задач, стоящих перед деловыми людьми. Именно мы несем первейшую ответственность перед государем за благоденствие империи. Именно мы и наша партия взяли на себя тяжкое, но сугубо необходимое бремя активного противостояния революции, ее разрушительному урагану. Именно мы, деловые люди, ведем в нашей партийной прессе патриотов октябрьского манифеста борьбу против анархических устремлений социал-демократии, против болота конституционных демократов, которые заигрывают то с теми, то с другими; именно мы, Василий Иванович, объявили войну бомбистам социал-революционной партии и открыто поддержали правительство в его чрезвычайных мерах. Мы не могли бы стоять крепко, расти и надеяться на успех в предстоящих выборах в Государственную думу, не имея постоянной поддержки с вашей стороны, полного и доброжелательного понимания нашей позиции. Ваше здоровье!

— Позвольте мне алаверды, — потянулся Рубинштейн.

— Прошу, Митенька, прошу, мой дорогой, — сказал Гучков, оглядывая лица гостей маленькими, сияющими глазами, которые никак не гармонировали с большим, барственным, холодным, без выражения, лицом-маской.

— Отнюдь не для того, чтобы лишний раз преклонить колени перед мудростью прагматичных британцев, исповедующих истину «рул энд дивайд», хочу подчерк-

нуть, что нам, деловым людям, заказан кабинет господина Витте, который все более с профессорами изволит беседовать, зато мы всегда находим отклик в кабинете дорогого Василия Ивановича. Позволю заметить, что если бы в руках нашего друга было власти поболее, право же, империя только б от этого выиграла. Думаю, что наша партия, которой расти и расти, поможет вскорости дорогому министру ощутить еще большее бремя ответственности — сейчас ее бежит только тот, кому не дорога родина и святая наша вера.

Дальше все было расписано — Гучков мастер на спектакли такого рода: кто первый о чем заговорит, кто затеет легкую бузу для разрядки сложного момента, ежели такой наступит, кто внесет компромисс, а кто побежит к двери разобиженный — штучки московских купцов вовсе отбрасывать неразумно.

Конкретное дело, ради которого и собрались, а не прозрачные рубинштейновы намеки на возможное премьерство Тимирязева, открыто тронул Сигизмунд Вольнаровский. Гучков считал, что рабочий вопрос целесообразнее поставить именно варшавскому банкиру, оттого что поляки ближе к немчуре и опыт у них заимствовать сподручнее.

— Милостивый государь Василий Иванович, — начал Вольнаровский, — я считаю долгом исповедовать с друзьями открытость. А польская открытость, извольте заметить, особого рода, она совершенно незащищена: если поляк предан, так он предан до конца, наш дух не переносит колебаний, тем паче измены... Так вот, сейчас в России модно предавать анафеме попа Гапона, клеймить его душегубом. Конечно, та форма организации фабрично-заводских рабочих, которую изволил создать господин Зубатов...

— Не Зубатов ее создал, а Плеве, — заметил Родзянко хмуро. — За это и поплатился — дай нашему человеку ноготь, он палец отхватит.

Рубинштейн не удержался, съязвил:

— Если свободу считать ногтем, Михаил Владимирович...

Вольнаровский, холодно посмеявшись невоспитанности компаньонов, продолжал между тем:

— Неважно, господа, кто... Ходили слухи, что идею высказал Витте, но потом ее же и убоялся, а может быть, понял, что это орудие в руках полиции против него, отвечавшего тогда за бюджет империи... Не в этом существо вопроса. Мне и моим друзьям в Варшаве представляется необходимым серьезно задуматься о форме организации профессиональных союзов, разрешенных ныне высочайшим манифестом. Если кураторство попадет в руки Петра Николаевича Дурново, то при всем моем уважении к министру внутренних дел я опасаясь, что он не сможет понять суть проблемы... Для сего я полагаю необходимым показать мыслящим рабочим полицейское изначальное Гапона, чтобы навсегда отгородить фабричный элемент от влияния какой бы то ни было политики — даже полицейской — в сфере профессиональных союзов. Вообще было бы идеальным провести высочайший закон о передаче всех вопросов о взаимоотношениях между хозяином и профессиональным союзом в ведение министерства Василия Ивановича. Можно ли надеяться на осуществимость такого рода поддержки?

Тимирязев прищурился, словно смотрел плохо освещенную картину, отодвинул от себя тяжелое серебро десертных вилок и ножичков, ответил рассуждающе:

— Я не думаю, что этот вопрос легок. Государь полагает, что рабочий вопрос нельзя выпускать из-под контроля министерства внутренних дел.

— Так и не надо, кто ж про это говорит?! — удивился Родзянко.

— Трепов будет говорить про это, — буркнул Николаев. — Этот неуч полагает себя спасителем династии...

— Господа, по-моему, мы зря все услож-

Лунные фразы

* * *

Когда я полюбила в первый раз
и названа была «любимой» —
я понимала, как я уязвима,
и нужно быть все время начеку,
чтоб удержать надежду.

Когда была единственным ребенком
и мать звала меня тревожно: «Дочка!» —
я понимала, как она ранима,
и нужно быть все время начеку,
чтоб не разрушить хрупкую надежду.

Когда во мне забота поселилась
и стала слышать я во сне, в полете:
«Мама!», —
я поняла, как это непосильно,
и нужно день и ночь быть начеку,
чтоб в юном сердце возрастить надежду.

Когда упавший наземь человек
сказал мне взглядом: «Помоги, сестра!» —
я поняла, какой был это риск,
и нужно быть все время начеку,
чтоб защитить надежду.

Теперь, когда все фазы завершились,
хочу я называться «человек».
О, понимаю я, как это трудно
и нужно весь свой век быть начеку,
чтоб для другого быть надеждой...

ВРЕМЯ

То, что течет невидимо сквозь пальцы
и обожженными их оставляет, —
зовется время.

То, что все мои раны охлаждает
и заживать им помогает, —
зовется время.

То, что мои победы побеждает
и мне повелевает их стыдиться, —
зовется время.

То, что меня неутомимо создает
и непривычно разрушает, —
зовется время.
Но что оно?

ГДЕ В ЭТОТ МИГ?

Безумцы, что продалбливают первые
тропинки

в земле холодной, в ледяной немой планете
к зеленому цветку неведомой звезды, —
всегда их только маленькая горстка,
всегда они неловкие, смешные, жалкие
и словно не от мира от сего.
И так всегда случается на свете:
когда их настигает наконец успех,
он застаёт их старыми, больными или
мертвыми —
безумцев, первых пробивающих дороги.

Благоразумные глядят на них
презрительно,
практичные смеются им в лицо,
а равнодушные к ним трижды равнодушны.

А романтичные застенчивые девочки
влюбляются навеки в них... по снимкам,
когда их нет уже в живых.

Где в этот миг парнишка одинокий
с глубоким взглядом, что за стеклами
очков похож на бездну?
Он резким взмахом, будто цепи разрывая,
заносит будущее в странный свой чертеж.

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Женщиной быть — это боль.
Становишься девушкой — больно.
Любимой становишься — больно.
Становишься матерью — больно.
Но невыносимей нет боли на свете,
чем боль женщины,
не испытавшей
все эти боли
до единой...

ЛАВИНА

Вот что такое лавина:
кроткий, невинный, наспуленный снег
спит и видит белейшие сны.
Так и весну он может проспять.
Но едва дерзкий шаг к нему прикоснется
или пронзит его вольный крик —
мгновенно проснется лавина.
Тихий, седовласый снег
вспомнит далекую молодость,
когда он был бешеным горным потоком,
тучей, рождающей громы,
бушующим океаном.

Он стремительно падает вниз,
разрывая с грохотом воздух,
и преследует нас в холодных объятьях,
чтоб мгновенно уснули и мы
вместе с белым беспмятным снегом.
Чтобы не было больше шагов,
не было криков, не было воспоминаний,
чтоб не бодрствовал
в мире
никто!

МНОГОМЕРНОСТЬ

Мир имеет много измерений —
потому нас мучают головные боли.
Мы хотим, чтоб был он однотонным —
и тогда он будет нам понятен.
Мы хотим, чтоб был он однотипным —
он тогда нам вечно будет верен.
Чтобы был он
безгранично ограничен —
и тогда его удержим мы в руках.
Только мир от нас все время ускользает
в бесконечность измерений.

БЕЗ

Всю жизнь учусь я жить
без страха — с достоинством,
без плача — с молчанием,
без лекарства — с болью,
без снотворного — с бессонницей,
без любимого — с любовью.
Без одного лишь еще не могу —
без воздуха.
Но этому смерть научит меня.

* * *

Свое каждое стихотворение
ты должен писать как последнее.
В этот век, насыщенный стронцием,
в век, заряженный терроризмом,
в век, летящий с немыслимой скоростью,
все мгновенней приходит смерть.
Посылай свое каждое слово,
как письмо за минуту до казни,
зов, пронзающий стены тюрьмы.
Не имеешь ты права на ложь,
на игру не имеешь ты права.
Просто времени нет на ошибки —
не успеешь исправить ты их.
Лаконично и беспощадно
свое каждое стихотворение,
как прощальное, кровью пиши.

Перевела с болгарского Лорина ДЫМОВА.

нием, — замельтешил Рубинштейн. — В конце концов понятие «профессиональный союз» внове для империи, можно поискать иные термины, продумать, как половчее...
— Обманывать нам не к лицу, — отрезал Гучков.

— Да я ж не про обман, — живо воспротивился Рубинштейн. — Зачем драматизировать?! Я про тактику! Надо найти возможность припомнить Дурново судьбу его предшественника, страдальца Вячеслава Константиновича, — вот о чем речь. Сравнения действуют, господа, очень притом ощутимо! Не захочет тогда Дурново лезть в это дело, ему забот хватает!

— Мне тоже, — улыбнулся Тимирязев. — Я продумаю этот вопрос, господа, обменяюсь мнениями с коллегами.

Гучков обернулся — метрочкой сразу же заметил, махнул салфеточкой, словные вкатили мясо.

— Все дела и дела, — сказал Гучков, — не ради дела одного собрались.

Проследил зорко, чтобы наполнили бокалы — больше о деле не следует: Тими-

рязев пообещал, и хватит. Через неделю его надо ввести еще в одно правление, оклад содержания положим щедрый, это поможет министру ощутить свою силу, почувствовать гарантии на случай непредвиденного риска: ежегодный доход гучковских «наблюдателей» в полтора раза выше министерского, Василий Иванович это знает, умница, хорошо себя держит, достоинство блюдет, даже если загремит на каком риске — связи его останутся, перейдут к Гучкову и Родзянко, связи куда как более ценны, ибо пост преходящ, связи вечны.

После ужина Митенька Рубинштейн отправился в «Асторию» — там ждал его чиновник для особых поручений министерства внутренних дел Иван Мануйлов-Манусевич.

— Что с Гапоном? — спросил Рубинштейн.

— С ним Рачковский работает, Дмитрий Львович. Я надеюсь на успех.

— А я — нет.

— Отчего так?

— Оттого что не верю жандармской

инициативе, понятно? Выясните и доложите подробно.

— Выясню.

Рубинштейн не сомневался — этот выяснит. В этом проходимце он убежден.

Продолжение следует.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА»

Роман Юлиана Семенова «Горение» будет публиковаться до конца года, а также в первом квартале 1978 года.

П. Никонов. Род. 1930. ОКТЯБРЬ. 1956.

П. Федотов. 1815—1852. ВДОВУШКА.

Государственная Третьяковская галерея.

«ИЗ ЛЮДЕЙ ПРОСТЫХ...»

Лидия ВАСИЛЬЕВА

«Пройдет сто лет, раскроют инициалы в письмах, разгадают, кого написал художник, расскажут о женщинах, как они вышли за других, как они постарели», — писал Виктор Шкловский в своей «Повести о художнике Федотове», зная, как много неразгаданного остается в этой трудной и скорбной человеческой судьбе.

Блестящий портретист, психолог, рисовальщик, Павел Андреевич Федотов работал постоянно, неутомимо, за каждым законченным портретом или этюдом вставал образ художественный, обобщенный, и в то же время в его работах жил человек живой и конкретный. Потому так драгоценна каждая подробность, связанная с творчеством и жизнью великого художника; не из праздного любопытства мы хотим узнать, кто были те люди, которых он рисовал, кому посвящал свой труд и талант, кому сопереживал, кого оставил нам, потомкам, навеки.

Но в историю искусства, связанную с творчеством Федотова, вошли несколько работ, герои которых обозначены словом отвлеченным и загадочным — «Неизвестная», «Неизвестный».

Жизнь федотовских героев по «инициалам в письмах» до сих пор раскрывают искусствоведы, биографы живописца, родственники — люди, влюбленные в творчество художника и в него самого, личность поистине незаурядную.

Сто двадцать пять лет исполняется со дня смерти Федотова, а в судьбе самого мастера и его героев открываются нам все новые интересные и ценные подробности. Некоторые из них подарили нам и нашим потомкам родственники художника, супруги Ивановы — Зинаида Федоровна и Владимир Павлович. Более десяти лет посвящали они поискам биографий федотовских героев, числящихся неизвестными. Сколько часов проведено ими в Центральном государственном архиве Москвы, в научном зале Библиотеки имени В. И. Ленина, в Военно-историческом архиве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в запасниках и фондах Третьяковской галереи, в Русском музее, в архивах Ленинграда, сколько тысяч страниц перечитано в исповедных книгах! Квартира Ивановых за эти годы превратилась в рабочий кабинет, уставленный сводами, каталогами, толстыми папками с вырезками из газет и журналов, документами и фотокопиями, перенятыми в архивах. Здесь собрано все, что было когда-нибудь напечатано о П. А. Федотове.

На основе исследований им удалось составить объемистый рукописный том, посвященный хронике жизни художника.

* * *

В одном из залов Третьяковской галереи, где размещены произведения П. А. Федотова, висит исполненный масляными красками портрет Ф. Е. Яковлева. Об этом портрете в юбилейном каталоге, изданном в 1965 году к 150-летию со дня рождения художника, написано: «Портрет Федора Евдокимовича Яковлева (1791—1853), двоюродного брата художника». В примечании сказано, что портрет из собрания Знаменской, приобретен П. М. Третьяковым при содействии В. И. Сурикова. Других сведений об этом человеке в печатных источниках, посвященных жизни П. А. Федотова, нет.

Кто же этот Ф. Е. Яковлев, изображенный на полотне с превосходным мастерством и огромной любовью? У него умное спокойное лицо, глаза смотрят внимательно, но в то же время точно бы обращены к собственной непрерывной мысли, руки плотно сжаты, и вся фигура портретируемого, сидящего в углу кабинета между двумя столами, уставленными книгами, внутренне сосредоточенна, сдержанна и значительна. На черном фраке приколот орден.

Как хочется узнать об этом человеке, его жизни, занятиях, привязанностях, даже о том, какие книги читал и, может быть, писал, за что получил орден и — главное — в каких отношениях был со своим

кузеном Павлом Андреевичем Федотовым. Ответ на все эти вопросы удалось получить Ивановым.

Федор Евдокимович Яковлев окончил Московскую славяно-греко-латинскую академию и до 1814 года там же преподавал поэзию. Он добился высокого звания, став магистром Московского университета, писателем, ученым человеком. Ф. Е. Яковлев — автор научного исследования «Обозрение XVI столетия в отношении к успехам в науках и словесности». Может быть, на портрете изображена именно эта книга, лежащая у него под рукой? В материалах Военно-исторического архива и Московского государственного университета супругам Ивановым удалось обнаружить интересные документы, удостоверяющие, что магистр Федор Яковлев был награжден орденом Святой Анны III степени за участие в разоблачении злоупотреблений, допущенных интендантскими чиновниками в государственных поставках.

Родной брат Федора — Андрей, преподаватель немецкого языка, был также человеком высокообразованным. Оба они сыграли огромную положительную роль в жизни будущего художника Павла Федотова, к которому питали, особенно старший брат Федор, самые добрые родственные чувства. Благодаря постоянным занятиям языками и поэзией с Федором Павлу удалось свободно поступить в Московский кадетский корпус. Там он сразу стал отличным учеником. Будущий капитан и будущий художник находил время между казенными занятиями и напряженной военной муштрой всерьез заниматься поэзией, музыкой, живописью, языками. На выпускном вечере Павел Федотов произнес торжественную речь на немецком языке; его имя было занесено в число лучших выпускников на доску почета.

Так тщательно собранный двумя исследователями биографический материал о Федоре Яковлеве позволил многое понять в жизни художника Федотова. Теперь, зная о его отношениях с братьями Яковлевыми, можно понять, что блестящие знания юного Федотова, его постоянная, неуемная страсть к искусствам и наукам были результатом влияния его семьи.

Одно из писем Федотова к Федору Яковлеву (его черновик хранится в архиве ленинградского Русского музея) полно любви и благодарности: в сущности, Федор на всю жизнь остался для Павла добрым другом и наставником. «Спасибо, братец, люблю мне от вас и при вас», — пишет художник своему кузену.

Добрая, сердечная атмосфера царил в маленьком деревянном доме, где Федотовы жили тогда вместе с семьей Яковлевых в Москве, в Харитоньевском переулке, возле Чистых прудов. Семьи были небогатые, трудовые; молодежь — многочисленные братья и сестры — все рвались к знаниям, к искусству; дух взаимопомощи и доброго состязания в разнообразных знаниях и умениях всех сплачивал и одушевлял.

Художник рассказывал о себе: «Я всякий день видел десятки народа самого разнообразного, живописного и, сверх этого, сближенного со мною».

Наша многочисленная родня, как вы можете догадаться, состояла из людей простых, не улаженных светской жизнью... Представители разных сословий встречались на каждом шагу — и у тетушек, и у кума отца, и у приходского священника... Сила детских впечатлений, запас наблюдений, сделанных мною при самом начале моей жизни, составляют, если будет позволено так выразиться, «основной фонд моего дарования».

Очень любил Федотов свою родную сестру Любочку. Он писал ее портреты и когда она была совсем ребенком, и позднее он запечатлел ее в нежном девичьем возрасте, сделав мастерский портрет карандашом. В этом изысканном рисунке художник проявил всю свою нежность и любовь к сестре.

В чертах его знаменитой «Вдовушки» есть сходство с сестрой художника. Судьба несчастной молодой вдовы как бы списана им с горестной судьбы сестры, рано овдовевшей, оставшейся с детьми в глубокой бедности.

Тетку свою Анну Алексеевну (мать Федора Яковлева) художник напишет впоследствии в один из приездов в Москву, в 1837 году. И этот портрет числился как «Портрет неизвестной» до тех пор, пока супруги Ивановы не установили, кто на нем изображен.

...У нее огромные живые глаза и добрая, чуть грустная улыбка. Платье по-крестьянски туго повязано на голове, простая «душегрейка» на-

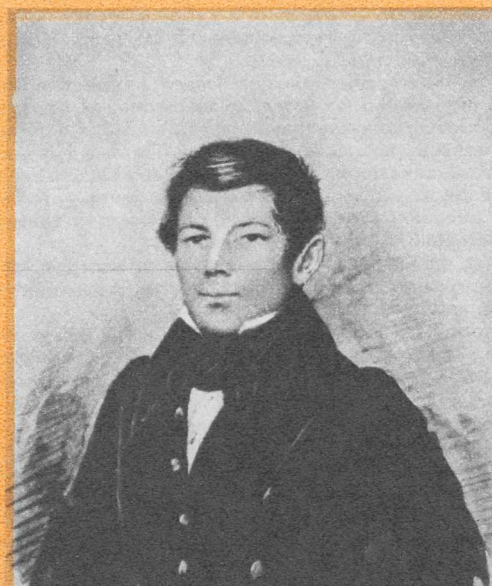
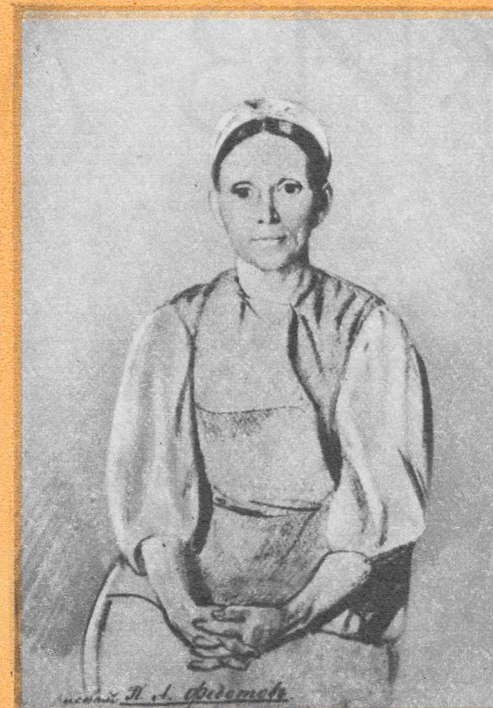
Портрет Федора Евдокимовича Яковлева.

Портрет Евдокии Евдокимовны Яковлевой. Считался портретом неизвестной.

Работы
Павла
Андреевича
ФЕДОТОВА.

Портрет Анны Алексеевны Яковлевой. Считался портретом неизвестной.

Портрет Аполлония Ивановича Колесникова. Печатается впервые.

Портрет Марии Евдокимовны Колесниковой. Считался портретом неизвестной. Печатается впервые.

дета поверх блузы с широкими рукавами. На колени опущены сплетенные пальцы огрубевших в работе рук. Женщина присела отдохнуть, но ненадолго; сейчас она встанет и снова захоплет — ведь у нее большая семья. Муж служит дьячком в Благовещенской церкви, домой приносит гроши. Счастье, что Федор и Андрей вышли в люди и стали помощниками.

Вот где основы демократического характера в творчестве художника-реалиста — в самом его происхождении.

И еще одно звено в логической цепи поисков исследователей Ивановых, еще один «Портрет неизвестной». Это дочь Анны Алексеевны, Евдокия Евдокимовна, двоюродная сестра художника. Он рисовал ее, больную чахоткой, за полгода до смерти. Лицо худое, печальное, глаза покорные; ей тридцать девять лет, а жизнь — она знает — уже кончена; но в ней не отчаяние, а благородство и спокойствие мудрости. Видно, глубоко и искренне любил художник своих родных, если за короткий срок пребывания в Москве, будучи в постоянных хлопотах об устройстве выставки картин, он находил время и силы, чтобы создать целую галерею замечательных портретов.

Служа в Петербурге, Павел Федотов дважды приезжал в Москву — в 1837 и в 1850 годах. В те годы семья Яковлевых переехала с Чистых прудов в Коломенскую Ямскую слободу, что возле Данилова монастыря. А двоюродный брат его, Федор Яковлев, жил тогда на Арбате, сначала в Ржевском переулке, затем в Спасопесковском. В то время и был, очевидно, написан портрет магистра Московского университета. О своих долгих, подчас пеших переходах в несколько верст ежедневно с Чистых прудов до Ямской слободы или на Арбат художник сочинил поэму «В рожденья день», где есть такие строки:

...кто на Арбате
Бывал у Спаса на Песках,
Хоть не на бойких рысаках,
Хоть не в ливрейном экипаже,
А и впотьмах, пешочком даже...

Отменный рисовальщик, Федотов сделал великолепный рисунок своей двоюродной сестры Марии Евдокимовны. В каталоге выставки 1965 года он значится как «Портрет неизвестной с книгой в руках». Исследователи Ивановы в своих поисках ликвидировали еще одно «белое пятно», уточнив, что на портрете изображена сестра Ф. Яковлева, Мария. Ей тогда было 50 лет. В руках у нее книга. Федор Евдокимович, отличный лингвист, обучил ее в совершенстве французскому языку. Эти знания Мария Евдокимовна передала своей дочери Варваре, а та в будущем передаст их пяти своим дочерям.

Семейная хроника Федотовых-Яковлевых, а затем и Колесниковых во многом прослеживается по портретной галерее, созданной художником. А судьбы портретируемых, раскрытые их потомками Ивановыми, складываются в увлекательную повесть.

Кто был основателем новой ветви — Колесниковых в генеалогическом древе Федотовых-Яковлевых, почему художник обессмертил это имя, создав акварельный портрет Аполлония Ивановича Колесникова? В результате тщательных поисков Ивановым удалось установить, что герой портрета служил до тридцати двух лет на Кавказе, а прибывши в Москву, женился на Марии Евдокимовне Яковлевой, двоюродной сестре художника. В 1833 году Аполлоний Иванович поступил в Московский коммерческий суд, где и работал до начала 50-х годов, выйдя затем в отставку в чине коллежского секретаря. Любопытно, что после смерти художника Аполлоний Иванович вместе со своим другом Василием Андреевичем Оболенским, племянником виднейшего декабриста, содействовал вводу в наследование имуществом умершего Федотова его сестры Любови Андреевны.

Примечательно, что в 1835 году, в десятую годовщину восстания декабристов, в узком кружке единомышленников, в котором принимает участие и Федотов, «толковали про 14 декабря».

В одном из писем он четко сформулировал свои мысли о социальном строе, по сути, мысли революционного демократа:

«...В это время самым сильным действием был гром на Западе, [когда в Европе] трещали троны. К тому же все, рождением приобретенные богатства, прижали, как зайцы уши, мешки свои со страха разлития идей коммунизма».

Художник не обошел своим родственным вниманием и детей четы Колесниковых — сына Александра (доселе рисунок назывался «Портрет неизвестного мальчика в кресле у круглого стола») и дочери Вари (числился как «Мальчик в длинной рубашке»).

В семье Ивановых ныне хранится портрет Варвары Колесниковой, переданный им ее дочерью, Лидией Александровной Знаменской. Сохранилась и старинная дагерротипия Варвары Аполлоновны с дочерью. Одна из пяти ее дочерей, Мария, стала матерью Владимира Павловича Иванова. Была она преподавательницей музыки, вышла замуж за студента Павла Иванова, окончившего потом Дерптский университет и ставшего врачом. Молодые уехали на Валдай и в глухой провинции самоотверженно служили народу. Семья интеллигентов Ивановых — доктора и музыкантши — была душой городка. К ним шли за добрым советом, за книгой и просто «на огонек». Замечательный доктор, Павел Флорович Иванов умер тридцати шести лет, заразившись трупным ядом при сложной операции в далекой деревне. Весь Валдай вышел его хоронить. Какой это типичный случай в истории русских разночинцев...

Так была прослежена — со скрупулезной добросовестностью подлинных исследователей — семейная хроника Павла Андреевича Федотова по картинам, созданным им и прозвучавшим, как сыновнее признание в любви к родным людям, близким художнику по крови и по духу. Корни федотовского критического реализма проросли в благодатной почве родной семьи художника, являвшейся, по сути, средой народной, глубоко демократической.

ХОРОШИЙ ОПЫТ

В. ИОКАР

Теплоход «Римский-Корсаков», шедший от пристани Знаменка вверх по Иртышу, замедлил ход и развернулся к берегу. Здесь не было обычных пристаней — просто широкая, живописная поляна, хором таежных деревьев. Вскоре тишину нарушили голоса пассажиров, сошедших по тоненьким мосткам с теплохода. Для непосвященного странным был их вид. Почти на всех военная одежда: застиранные гимнастерки. Но не будем интриговать читателя излишней «загадочностью» теплохода «Римский-Корсаков». Этим летом на нем плыл Омский театр музыкальной комедии. После очередного спектакля — «Василий Теркин», сыгранного в районном селе Знаменское, труппа направлялась в следующий районный центр — Седелниково.

У артистов день был тяжелый. Они играли большой музыкальный спектакль на открытой площадке в сорокаградусную жару. Неприятно выглядел дирижер — ему держали над головой зонтик, чтобы хоть как-то укрыть от беспощадного солнца.

Эта маленькая зарисовка должна показать всего лишь одну из сторон театральной повседневности, именуемой в официальных документах так: «летние гастроли театра на селе».

Здесь опыт работы Омского театра музыкальной комедии весьма поучителен.

Спектакль «Василий Теркин», определяемый театром по жанру как оперетта-песня, — один из самых масштабных в репертуаре омичей. В нем занято более ста человек. Понятно, что значит вывести на село подобный спектакль; театру без поддержки с этим не справиться, и еще ранней весной Омский областной комитет КПСС специальным решением бюро утвердил план гастролей театра по южным и северным районам области. На юге театр показал «Левшу» (по Лескову), на севере — «Василия Теркина». В решении бюро обкома КПСС были

точно определены дни приезда театра в районные центры. Эти дни объявляли выходными. Приезд театра на село уже становился праздником! Но все равно организовать такой праздник в масштабе района — дело далеко не простое.

Для такого спектакля, как «Василий Теркин», нужна надежная сценическая площадка и, конечно, необходимых размеров. Директор театра А. Н. Хитев задолго до гастролей разослал размеры и чертежи сцены, но ведь ее еще надо было построить, да так, чтобы на ней одновременно могло находиться 30—40 артистов, мог танцевать профессиональный балет... Такие площадки строились или на местных стадионах, а чаще всего на просторных лесных полянах, как это было на севере Омской области. Работа, не совсем привычная для тружеников села, делалась профессионально, с большой любовью к театру.

Ехать до Седелникова километров шестьдесят по таежной дороге. Через дорогу прямо в лесу, от дерева к дереву полотнище: «Горячий привет артистам Омского театра музыкальной комедии!» Встретить в глухой тайге такое приветствие необычно и волнующе. А дальше опять сюрприз: транспаранты с цитатами из «Василия Теркина». Ни один официальный отчет не может отразить волнения, с которым игрался «Василий Теркин» и с каким его воспринимали зрители. Они ощутили романтическую замысли (постановщик заслуженный деятель искусств РСФСР А. Паверман, режиссерская редакция заслуженного артиста РСФСР И. Лаврова, балетмейстер заслуженный деятель искусств РСФСР В. Тулупова, хормейстер Т. Боброва). Особой благодарности на каждом спектакле заслуживал исполнитель главной роли Г. Котов, заслуженный артист РСФСР.

Большая творческая работа театра, как и помощь со стороны партийных организаций, придала гастролям характер яркий, содержательный. Опыт этих гастролей пригодится и нынешней зимой: встреч со зрителями будет много.

«ЦИАКРИН» СКЛЕИВАЕТ ВСЕ

Через отверстие полиэтиленового флакона едко пахнущая капля выдавливается на одну из металлических пластин. К ней прижимают вторую. Несколько секунд — и без нагрева и пресса они накрепко склеены.

Клей мгновенного действия — цианакрилаты — универсальны. Они склеивают, и очень прочно, практически все.

Клеевые композиции «Циакрин» разработаны в ордена Ленина Институте элементоорганических соединений Академии наук СССР и впервые в нашей стране производятся на львовском заводе «Реактив». Они успешно прошли испытания и теперь найдут широкое применение в народном хозяйстве. Отверждение клея происходит за

счет влаги, содержащейся в воздухе. Это свойство нового клея дает возможность применять его для склеивания металлических изделий, работающих в морской и пресной воде. Но основное достоинство «Циакрина» в том, что он стал достоянием медицины, так как некоторые его виды способны обезвреживать бактерии. Клей используют для склеивания тканей кишечника и легких, применяют в глазной и сердечно-сосудистой хирургии, при операциях на почке и в нейрохирургии. Врачи могут с его помощью укрепить и поврежденные костные ткани.

Воздействию внешней среды клей неподвластен.

Виктория КРАМОВА

ТЕПЛО ДОМА НАШЕГО

«Дорогая учительница! Девять лет назад мы приехали в Ленинград из Вьетнама, уставшие от войны и бомбардировок. Ленинградцы согрели нас теплом и вниманием. Этого не забыть никогда.

Сейчас я работаю электрообмотчицей. Работаю хорошо, и это заслуга моего мастера Геннадия Морозова. Передайте ему большой привет. Я вышла замуж. Мой муж учился специальности в Курске. Чтобы не забыть русский язык, мы часто говорим друг с другом по-русски. Наверное, делаем много ошибок, но все равно это прекрасней, хотя и очень трудный язык. Обнимаю вас крепко. Пишите. Не забывайте меня...»

Письмо заставило задуматься. Вновь перебираю в памяти все, что было за эти девять лет...

ДВА БЕРЕГА ОДНОЙ РЕКИ

У всех длинные черные волосы заправлены под цветастые ситцевые косынки, а у Нгуен Тхи Суан — под темный берет, как у рабочего Бориса Чижика, у которого учится Суан мастерству.

Это первая производственная практика вьетнамских девушек, учащихся ПТУ-92, на ленинградском станкостроительном заводе имени Ильича. О заводе мечтали давно. Еще в те августовские дни 1968 года, когда приехали в Ленинград. Но нужно было сначала изучить русский язык, специальные предметы. И вот год напряженного труда позади. Волнуясь, разглядывали свои заводские пропуска, спрашивали:

— А вдруг рабочие не захотят помочь, ведь у них своих дел много?

Я смотрю на Нгуен Тхи Суан. Тоненькая, в отличие от подруг высокая, в новом черном комбинезоне, она подходит к станку, останавливает его, отжимает пневматические тиски, перегоняет «стол». Потом зажимает деталь, постукивая молотком, и вновь запускает станок. Смуглые руки Суан в машинном масле. Девушка замечает мой взгляд, смеется:

— Моя бабушка говорила: «Если рука белая, как рис, это очень плохо». — И Суан машет замасленной, темной ладошкой. Смотрит на Бориса и, смешно коверкая русские слова, поет: — «Мы с тобой два берега у одной реки».

Он подходит к Суан, что-то терпеливо объясняет ей. Девушка внимательно слушает. Лицо сосредоточенное, серьезное.

...Через пару недель в училище Суан встречается меня, заговорщицы отзывает в сторону:

— Пошли вечером в гости к Борису? Он будет рад. Я часто к ним хожу.

И вот идем на улицу Стахановцев. По пути Суан не пропускает ни одной ледяной дорожки, отполированной до блеска ребячьими ногами.

— Я Бориса никогда не забуду, — говорит Суан. — Он мне как брат. Как брат и учитель.

И она тщательно заправляет под пушистый шерстяной платок черные блестящие волосы.

Дверь квартиры открыла молодая женщина. «Жена Бориса», — догадалась я. «Рита!» —

Суан кинулась к ней, обняла ее и, подхватив на руки пятилетнюю Галку, закружилась с девочкой по комнате.

Чувствовалось, Суан здесь свой человек. Подошла к полке с книгами, взяла томик Пушкина, чуть нараспев прочла: «Прощай, свободная стихия!» Удивленно спросила:

— Что такое «стихия»? Потом замерла у аквариума с рыбами:

— Ой, Борис все умеет. Сделал дно, как море у нас дома. Смотрите, какая красивая трава и камешки.

Мы пили чай с тортом, и Рита все старалась, чтобы Суан достался кусочек получше. Было очень хорошо в этой дружной рабочей семье, где стала своей вьетнамская девушка.

Борис, Рита и Галка пошли провожать нас. Кружил легкий снежок. По дороге Рита говорила Суан:

— Смотри, будь у станка осторожна. Вон Борис в глаз стружка попала! Поленился очки надеть. Хорошо, что все обошлось. Слышишь, девочка?

А Галка перебивала маму и все тянула Суан за рукав:

— Приходи ко мне на елку. Я буду тебя очень-очень ждать, Суаночка.

...Прошли годы. Сейчас на одном из заводов СРВ трудится работница Нгуен Тхи Суан, ученица ленинградского рабочего Бориса Ивановича Чижика.

ДРУЗЕЙ УЗНАЕМ СРАЗУ

А эту историю рассказал мне работник системы профтехобразования, побывавший недавно в составе советской делегации в Социалистической Республике Вьетнам.

В ханойском цирке во время антракта две девушки, смущаясь, спросили его: «Вы русский?» «Да», — ответил он. «Друзей мы узнаем сразу», — улыбнулись девчата. — Ведь мы три года учились в Ленинграде, в ПТУ-92. Никогда не забудем город Ленина, своих мастеров и преподавателей. Сейчас вместе работаем на заводе, живем в общежитии. В нашей комнате на самом видном месте лежит русская меховая шапка. Конечно, во Вьетнаме, где так жарко, носить ее не приходится, но она напоминает нам о русском зиме, о теплоте русских сердец и о счастливых годах учебы в СССР».

К сожалению, советский гость не узнал тогда имен этих славных девушек. А мне все думается, кто же это был. Может, Нгуен Тхи Суан? Или робкая Лиен, которая, волнуясь, разглядывала свой первый в жизни заводской пропуск и все спрашивала меня, что делать, если станок окажется высоким, а она такая маленькая! Потом выяснилось, что это предусмотрели наши рабочие: сделали специальные подставки для вьетнамских девчат.

Возможно, это была Тхин, худенькая смуглая девушка с грустными глазами. Мы сидели как-то летом в лесу, под сосной, и молча смотрели на безоблачное синее небо. И Тхин, отец и сестра которой погибли во вре-

мя бомбардировки, сказала: «Как хорошо, когда тихо. Я хочу, чтобы на земле всегда было тихо...»

Помнится, Тхин дружила с широколицей, скуластой Лан, будущей электрообмотчицей. Когда провожали мы их домой и поезд отходил от перрона Московского вокзала, какая-то женщина, прижавшись лицом к стеклу вагонного окна, все повторяла: «Лан, доченька, надень шерстяную кофточку, чтобы тебя не продуло». Это была работница с завода, где Лан проходила практику.

Так и не узнала я, кого встретил советский гость в ханойском цирке. Да, пожалуй, это не так уж и важно...

«ВЫ СТАЛИ РОДНЫМИ»

Каждое письмо от бывших учеников — всегда радость. Вот и сегодня Любовь Александровна Клонова, преподаватель русского языка, читает нам во время перерыва письмо из Вьетнама:

«Дорогая наша учительница Любовь Александровна! Вы, наверное, еще помните своих вьетнамских учащихся, которые получили от вас первые незабываемые уроки и большую любовь. Мы (я, Киунь, Тиен, Бе, Тхань) всегда будем помнить вас. Мы часто рассказываем своим родным, друзьям о вас, о Ленинграде, о годах учебы, о местах, где мы жили и учились, о том, что в Советском Союзе живут близкие друзья — учителя, рабочие, школьники... Все они наши родные. Мы всегда были и будем вашими хорошими учениками. Сейчас я расскажу вам, где мы работаем. Я, Киунь и Бе стали мастерами и-работаем в технических училищах Ханоя. Тиень, Фу, Лук тоже мастера, в других городах. Шон на заводе в Хошимине. Он туда поехал после полной победы над врагами родины. Тхань — литейщик на большом заводе. Он женился, у него растет дочка.

Русский язык мы очень хорошо помним и поем советские песни. Читаем газеты и журналы на русском языке, слушаем «Кругозор». Мы отлично помним, что революционеру необходимо знать русский язык — язык Ленина. Сейчас наша любимая родина — свободная и воссоединенная страна, и мы хозяева страны. Мы работаем и будем работать со всей силой, активно участвуя в мирном строительстве, в строительстве социализма.

Мы гордимся нашей родиной и счастливы, что жили и учились в Советском Союзе, в Ленинграде — колыбели революции.

Надеемся, что еще приедем в Советский Союз и придем к вам в гости. Передаю вам и всем людям, ставшим нам родными, горячий привет и самые-самые лучшие пожелания от меня лично, от моих друзей и родных.

Ваш ученик Нгуен Ван Минь».

Л. БОГОПОЛЬСКАЯ,
преподаватель ПТУ-92
Ленинград.

Г

азету «Оттава джорнэл» распирает праведный гнев: «Устроили маскарад! Сделали из рабочих героев да еще смеют рассуждать о классовой борьбе...»

Это по поводу реакции монреальских трудящихся на расстрел мирной демонстрации забастовщиков с мукомольной фабрики «Робин Гуд». С помощью штрейк-брехеров сломить стачечников не

«ПИН ПРО ЗАБ

удалось, и тогда владельцы предприятия решили пустить в ход оружие. В результате восемь человек получили ранения.

«Оттава джорнэл» — да и она ли одна! — мигом показала, на чьей стороне ее симпатии. Слегка пожурив наемных убийц — дескать, малость переборщили, она напустилась на жертв преступления: сами виноваты, впрямь будет вам урок... Так газета, едва ли не чаще всех в Канаде трубящая о правах человека, вновь предстала защитницей тех, кто своей повседневной деятельностью попирает элементарные права большинства жителей капиталистических государств.

ДВА ЛИЦА ЗНАМЕНИТОГО СЫЩИКА

Кровавый инцидент на монреальской фабрике вновь напомнил о зловещей роли частных детективных агентств в подавлении профсоюзного движения в Северной Америке.

Первым на стезю профессионального штрейкхерства вступил Аллен Пинкертон. В молодости глава знаменитого семейства сыщиков слыл радикалом и даже поспорил с шотландскими властями из-за участия в движении чартистов. Однако, перебравшись за океан, Пинкертон перешел в ла-

геря заклятых врагов своих бывших товарищей. В 1850 году он основал сыскное бюро, быстро снискав репутацию верного слуги эксплуататоров. Как всякого перебежчика, его отличало особое усердие и угодливость перед новыми хозяевами.

В 1892 году триста вооруженных детективов из агентства «Пинкертон» приняли участие в подавлении стачки на заводе «Карнеги стил» в Пенсильвании. Рабочим был нанесен сокрушительный удар, от которого они сумели оправиться лишь тридцать лет спустя, когда был создан, наконец, профсоюз американских сталелитейщиков.

В служебном списке «Пинкертон» много подобных «достижений». «Эта частная сыскная компания», — писал канадский журнал «Ласт пост», — похваляющаяся тесными связями с полицией, традиционно выполняет роль штрейкбрехера в трудовых конфликтах и с готовностью берется расследовать подноготную профсоюзных вожakov и прочих «смутьянов».

Экспансия американского капитала привела к тому, что агентство «Пинкертон» включило в сферу своей деятельности и Страну кленового листа. В здешних газетах, в разделах, специально предназначенных для бизнесменов, регуляр-

«Уокенхат» — третья в ряду детективных компаний (после «Пинкертон» и «Бернз интернэшнл сикьюрити сервисиз»), осуществляющих одну из функций империализма США — экспорт реакции.

Эннинга коробит от грубых (вернее, называющих вещи своими именами) слов: «Штрейкбрехеры?.. Мы лишь охраняем фабричную собственность в период конфликтов между хозяевами и стачечниками. Мы абсолютно беспристрастны и печемся единственно о целостности и сохранности имущества. В конце концов право на это имеет каждый, даже (! — А. П.) члены профсоюза».

Чем оборачивается подобная «беспристрастность», видно из примера, каких сотни. В 1970—1971 годах «Уокенхат» «контролировала» многомесячную забастовку на предприятии «Бах-Симпсон» в канадском городе Лондоне (провинция Онтарио). В отместку стачечникам хозяин их уволил, а

Тому есть немало причин. В нынешнем десятилетии Канада прочно удерживает лидерство в западном мире по размаху стачечного движения. Предприниматели, естественно, принимают все более ухищренные контрмеры. Тем более что закон этому не препятствует, а кое в чем и потворствует. (Например, компании, прибегающие к услугам штрейкбрехеров, освобождаются от уплаты налогов.)

Тем трезвомыслящим политикам в руководстве страны, кто понимает, чем чревата подобная ситуация, обуздать стихию частного бизнеса пока не под силу. Органы же буржуазной прессы солидарны с предпринимателями. Крупнейшая канадская газета «Глоб энд мейл» не так давно потребовала вовсе отменить и без того урезанные права трудящихся на забастовки. «Ванкувер сан» призвала «тащить стачечников в суд». «Торонто стар» обзвала бастующих учителей «бандитами». Подобные нападки, по мнению коммунистической «Канадиэн трибюн», являются составной частью систематической кампании обольщивания масс, имеющей целью убедить читателя, будто во всех пороках капитализма — спаде производства, безработице, инфляции — виноваты сами трудящиеся.

В подобной обстановке профессиональным штрейкбрехерам живется вольготно. Порожденные существующей в Северной Америке системой, они паразитируют на трудовых конфликтах.

Главная задача нанятого фабрикантами сыскного агентства — запугать стачечников, заставить их сдаться. Начинают же детективы обычно с того, пишет «Ласт пост», что стараются нагнать побольше страху на... предпринимателя.

ПОРТРЕТ ШТРЕЙКБРЕХЕРА

Вот как, к примеру, обставляет дело Ричард Крейндрж, глава «Канадиэн драйвер пул компании». Посланные им агенты учиняют обыск бастующего предприятия: мол, не спрятали ли стачечники подслушивающие устройства (хотя, как уже упоминалось, применяют-то их сами сыщики). На фабрике выставляется вооруженная охрана, включается мощное освещение, не гаснущее ни ночью, ни днем. По рациям охранники поддерживают двустороннюю связь со своей штаб-квартирой (здание на Уэстон-роуд в Торонто, увенчанное 20-метровой антенной).

С подчиненными Крейндрж разговаривает языком военных команд. За дополнительную плату он готов предоставить доберман-пинчеров, натасканных на разгон толпы. Попутно делает бизнес — усиленно рекомендует своим наемникам аппаратуру для защиты от подслушивания, которую можно приобрести в принадлежащей ему же, но записанной на чужое имя фирме.

Облик Крейндржа подробно описал канадский журналист Марк Эвеллинг в книге «Штрейкбрехеры», вышедшей несколько лет назад. В ней воспроизводится интервью с Крейндржем, в котором тот бил себя в грудь: я, мол, готов жизнь положить в борьбе за искоренение международного профдвижения...

«Он обожает насилие», — аттестовал его бывший сосед по студенческому общежитию. Крейндрж не расстается с оружием, всех запугал, даже близких друзей. Эвеллингу пришлось немало потрудиться, чтобы развязать языки. Те, кто согласился с ним говорить, умоляли: «Только на меня не ссылайтесь».

По субботам Крейндрж устраивает для своих служащих учебные стрельбы. «Стенка склада, превращенного ими в тир, похожа на решето», — рассказывает очевидец.

Палат из армейских винтовок — такие американские солдаты применяли в Индокитае, автоматов, обрезов, пистолетов, охотничьих ружей... Крейндрж не раз похвалялся друзьям: «Могу что угодно достать в США, вплоть до пушек и самолетов».

Эвеллинг докопался до многих связей главы «Драйвер пул» и выяснил при этом немало любопытного. Департамент труда Онтарио ежегодно составляет список компаний, которым предстоит переизложение соглашений с рабочими и служащими. Документ этот конфиденциальный, доступа к нему не имеет даже полиция. А Крейндрж его доставал запросто. «Обычно я звонил в департамент, — вспоминает его бывший коллега, — назывался и говорил: «Что-то вы таете с присылкой списка»... Назавтра документ лежал на столе у босса».

Одно время у Крейндржа работал служащий торонтской полиции. Подобное не редкость. В 1974 году президент федерации труда Квебека Ляберж заявил, что двести полицейских подрабатывали в детективном бюро, нанятом хозяевами «Юнайтед эйркрафт». Таким образом, утверждает Эвеллинг, «Драйвер пул» могла получать нужные ей сведения из полицейской картотеки. Крейндрж не оставался в долгу, поставив взамен фотографии рабочих — «смутьянов» и «агитаторов».

В особой чести обер-штрейкбрехер у Ассоциации канадских промышленников. Один из ее боссов настолько возлюбил Крейндржа, что стал его всюду возить с собой, представляя как опытного «консультанта по трудовым конфликтам». А тому только того и надо: Крейндрж одержим идеей расширения бизнеса, для него уже узки рамки Онтарио...

ЭПИЛОГ ПИСАТЬ РАНО

Монреальские мукомолы, жертвы расправы, считают, что пролили кровь не зря. После долгих проволочек правительство Квебека внесло наконец законопроект о запрещении штрейкбрехерства в период переговоров между предпринимателями и бастующими рабочими. Здевшая прогрессивная печать отмечает, что квебекские профсоюзы на пороге исторической победы: до сих пор нигде в Северной Америке подобных законов не существовало.

Однако путь к окончательной победе может быть долгим. Большой бизнес встретил инициативу правительства Квебека в штыки. Еще в марте вице-президент совета предпринимателей провинции Дюфур предупредил: «Правительство нам не указ. Если нашей деятельности будут препятствовать, мы найдем другое, более подходящее место для вложения капиталов». С аналогичными угрозами после внесения законопроекта выступил президент провинциальной торговой палаты, упрекнувший правящую партию в симпатиях к забастовщикам.

А пока суд да дело, вице-президент «Бюро промышленных детективов» Поль Ледюк не унывает: «Говорят, в США изобрели пули из пластмассы. Надо бы заказать для пробы...»

Специально для «Огонька»

Отава.

КЕРТОН» ТИВ АСТОВЩИКОВ

но помещаются платные объявления: «Хотите сэкономить деньги и избежать ненужных хлопот — обращайтесь к нам! У «Пинкертон» более чем вековой опыт борьбы с беспорядками. У нас на вооружении новейшая электронная аппаратура и армия прекрасно вышколенных агентов, знакомых с любыми методами контролирования толпы. Не существует для нас и секретов предотвращения студенческой смуты. Мы умеем держать зачинщиков за пределами университетских городков».

«Пинкертон», — расшифровывает смысл объявления «Ласт пост», — ведет учет инкогнито-сыска и готов поделиться собранными сведениями с нанимателями. Результат тот же: черные списки, — зато поди придержи, раз их составлением занимается частная компания».

«БЕСПРИСТРАСТНЫЕ» ШТРЕЙКБРЕХЕРЫ

«Специалистом по контролю над забастовками» скромно себя величает Реймонд Эннинг, президент «Уокенхат оф Канада». Это филиал мощной американской корпорации, которая насчитывает 10 тысяч сотрудников в 88 отделениях, расположенных в большинстве американских штатов, Бразилии, Пуэрто-Рико, Доминиканской Республике, Венесуэле, Колумбии, Эквадоре, Италии...

взамен нанял штрейкбрехеров. «Рабочие осуществили свое право на забастовку, а мы воспользовались правом продолжать производство без них», — цинично разглагольствовал потом владелец фабрики. Из-за вмешательства людей Эннинга стачка была сорвана, и профсоюзу пришлось возобновить контракт на условиях даже худших, чем прежде.

ПРОЦВЕТАЮЩИЙ БИЗНЕС

«Канада занимает уникальное место в западном мире», — пишет «Ласт пост». — Мы единственная крупная страна, где не существует ограничений для вмешательства частных специализированных агентств в трудовые конфликты. Потому-то у нас и процветает организованное штрейкбрехерство».

В Квебеке штрейкбрехерские услуги предоставляют 133 детективных бюро, насчитывающие 35 тысяч служащих плюс еще 12 тысяч работающих по временным контрактам. В Онтарио таких агентств 198. Всего же в стране зарегистрировано 75 тысяч частных сыщиков — больше, чем личный состав регулярной армии. С каждым годом масштабы деятельности профессиональных штрейкбрехеров растут. Торонтские криминологи Фридмен и Стеннинг, подготовившие недавно доклад для генерального прокурора Онтарио, обратной тенденции, во всяком случае, не обнаружили.

Ростов наш!

на подвиг пехотинцев, кавалеристов, моряков, артиллеристов, минометчиков, танкистов и летчиков.

Каждая работа сопровождалась текстом. Особенно сильное впечатление оставляли лубки со стихами в духе народного сказа. Таков, например, лубок «Генерал Доватор» с героическими стихами, написанными политруком дивизии Иваном Кармазиным, или открытка со стихами А. Машистова. Были также лубки, посвященные подвигам трижды Героя Советского Союза А. Покрышкина, красноармейца И. Середы, гвардейца-бронейщика Ганжи и многих безымянных солдат, их мужеству, находчивости, военному мастерству.

В годы войны художники создали серию из сорока пяти героических лубков, отпечатанных в репродукциях двухмиллионным тиражом, и за свой труд награждены военными медалями, удостоены премий на всесоюзных конкурсах. Они показали подлинно народную войну, воспели советского солдата, его путь к Победе.

В этом главное значение батальных лубков братьев Семена и Степана Аладжаловых, с честью выполнивших свой патриотический долг.

БАТАЛЬНЫЕ ЛУБКИ АЛАДЖАЛОВЫХ

Не так страшен «тигр», как его малюют!

**И. Х. БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза**

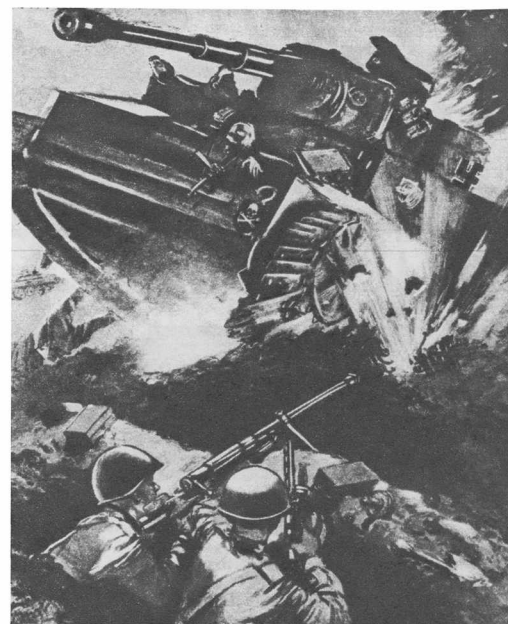
Недавно я просматривал альбомы с фотографиями работ братьев Аладжаловых, выполненных в дни Великой Отечественной войны. Теперь это история. Оригиналы произведений и их репродукции находятся в наших музеях. Героические события, реалистично и правдиво запечатленные художниками, напоминают о делах и людях, принесших нашей стране Победу.

С первых дней войны советское искусство решительно встало на защиту Родины, и художники Семен и Степан Аладжаловы, работавшие в мирные дни в разных областях искусства, объединились, чтобы отдать свои силы и способности художественной агитации.

В конце 1941 года в издательстве «Искусство» начали печататься репродукции их произведений, созданных в жанре героического военного лубка. Трудность и сложность этой работы заключалась в том, что в суровых условиях войны требовалось быстро и точно переводить на язык изобразительного искусства оперативные сводки Советского Информбюро, иллюст-

рировать бессмертные подвиги Советской Армии и партизан.

Соблюдая хронологию, они отобрали в своих батальных лубках почти все основные этапы Отечественной войны, начиная от разгрома гитлеровцев под Москвой в декабре сорок первого года и кончая штурмом рейхстага в Берлине весной сорок пятого. Работам художников свойственны динамичность, реалистический рисунок и незаурядное знание тактики военных действий на суше, на море и в воздухе. Чтобы правильно изобразить военное снаряжение, художники изучали различные военные справочники, памятки и таблицы с описаниями знаков различия, орденов, обмундирования и систем вооружения воюющих сторон. Братья Аладжаловы выбирали драматические страницы войны. Мы видим, например, развернутый фронт наступающей пехоты, захватившей плацдарм у реки (в лубке «Герои Днепра»), и рукопашные схватки в «Разгроме немецкой дивизии», ожесточенные бои в Сталинграде, «Сражение за Орел» и «Штурм Харькова», лихой натиск кавалерии в «Атаке донских казаков» и во «Взятии Ростова», отважные действия партизан в тылу врага. Есть лубки, призывающие

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

Смерть Сергея Орлова не укладывается в моем сознании. Только что — в два часа дня 7 октября — мы с ним встретились. Договорились вечером созвониться — и оба не знали, что ему оставалось всего часа три жизни.

В памяти, как обрывки документальной ленты, его биография.

Школьником, до войны, он опубликовал в альманахе молодых «Звено» стихи, юные, нежные, очень зоркие...

В начале войны он учился в танковом училище в Челябинске. Там он написал книгу «Перед атакой». А дальше — действительная атака, уже в жизни. Бои. Ранения. Он дважды горел в танке. Кто из поэтов — за все века — побывал в таком огне в прямом смысле этого слова? Когда танкисты выскакивали из горящих танков, отрывали раскаленный люк, кожа оставалась на броне. Горели руки. Горели лица, красивые лица молодости.

Сергей Орлов был одним из таких танкистов. Юноши, школьники — сразу с парты — через несколько ступеней возрастных — сначок в мужество, в солдатство, в бой, к вершинам отваги и бессмертия.

А какие стихи он привез с фронта! Их писала сама Великая Отечественная! Он нашел грандиоз-

ный образ в стихах о простом, рядовом солдате: «Его зарыли в шар земной», «ему, как мавзолей, земля». Этими масштабными, зримыми образами он убедительно поставил подвиг солдата в ряд с подвигами великих людей!

Послевоенная жизнь, учеба, любовь, семья, друзья, выступления, издания, поездки, известность, общественная деятельность, Государственная премия РСФСР. Все это пришло ему по заслугам. Все было заработано боем и трудом, кровью и потом, вдохновением и упорством, любовью и верностью.

Большой, истинный, неподдельный русский талант в органичном сплаве с неповторимой, редчайшей огненной биографией дали нам Сергея Орлова — прекраснейшего поэта, солдата, борца.

Несколько лет тому назад он мне сказал: «Как хорошо, что мы друг у друга есть!» Это он говорил о поколении, обо всех нас.

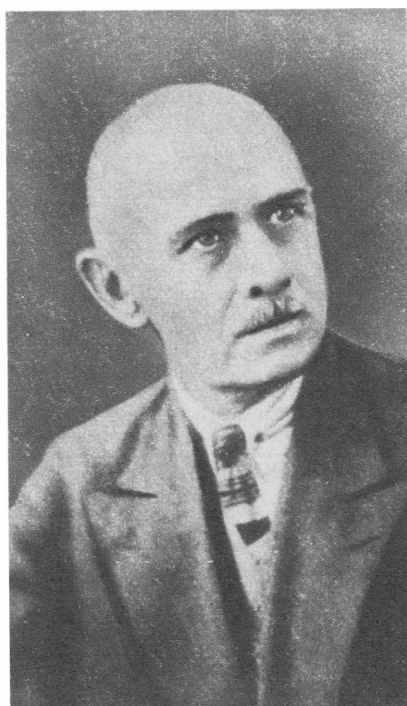
Да, мы есть друг у друга. Нас не разъять — наше поколение — ни смерти, ни чему другому.

Он у нас есть и сейчас. Его имя никогда не уйдет из нашей жизни и из нашей поэзии.

Бессонницей трагических ночей, клятвой в верности и в любви проводили мы в последний путь нашего Сергея Орлова.

Михаил ЛЬВОВ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ А. П. БИБИКА

СКВОЗЬ ГОДЫ И БУРИ

Имя писателя-революционера Алексея Павловича Библика было знакомо многим рабочим России еще до революции. О нем писали в те годы на страницах «Правды» и других газет и журналов М. И. Калинин, А. В. Луначарский, А. М. Горький. После Великого Октября А. П. Библик стал широко известен читателям всей нашей страны. Но сегодня многие молодые, беря в руки книги Библика, только «открывают» для себя интересного писателя, у которого первый рассказ был опубликован еще в 1901 году, а в 1929 году вышли шесть томов сочинений.

Писатель Анатолий Калинин в очерке «Время «Тихого Дона» писал о том, как в конце 30-х годов М. А. Шолохову с большим напряжением «нравственных и физических сил» пришлось «побороться... за своих товарищей по перу, таких, как известный писатель Алексей Библик». Алексей Павлович в своей книге «Сквозь годы и бури» вспоминает, что его «выручило мужественное и настойчивое вмешательство Михаила Александровича Шолохова».

В октябре этого года А. П. Библику могло исполниться сто лет. До векового возраста он не дожил одного года. Когда отмечалось 50-летие Великой Октябрьской революции, А. П. Библик за активное участие в развитии советской литературы и коммунистическом воспитании трудящихся был награжден орденом Трудового Красного Знамени. О нем тепло вспоминали тогда рабочие Харькова, где он родился и где в 1895 году примкнул к революционному движению в железнодорожных мастерских (в 1906 году участвовал в работе IV съезда РСДРП). О нем говорили рабочие Риги и Таганрога, где он еще до революции работал на заводах, жители Ростова-на-Дону, где он жил долгое время. Его чествовала литературная общественность Ставропольского края, где он прожил последние двадцать лет... И сегодня его столетний юбилей отмечают на Ставропольщине и в Ростове-на-Дону.

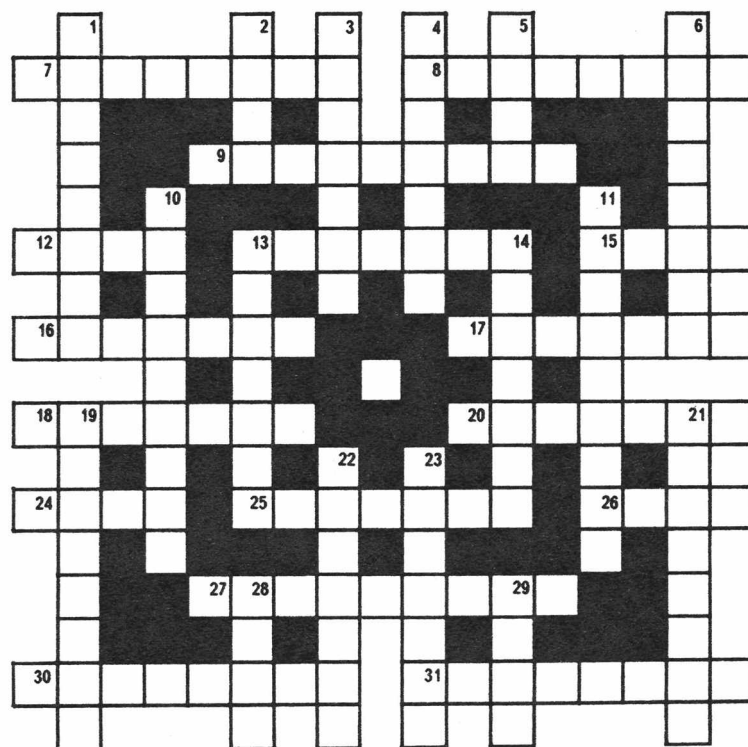
Наиболее значительное и самое известное произведение А. П. Библика — роман «К широкой дороге», первая часть которого появилась в 1912-м, а вторая — в 1921 году. В нем, как и в других своих произведениях, писатель воспекает людей труда, рост классового сознания и революционной борьбы российского пролетариата, героическую жизнь рабочего класса и колхозного крестьянства в советское время.

В последнюю прижизненную книгу А. П. Библика «Сквозь годы и бури», изданную в Ставрополе два года назад, вошли не только рассказы и повести, но и литературные воспоминания. Волнующие страницы посвящены профессиональной революционерке Вере Фигнер и певцу Федору Шаляпину, писателям Александру Серафимовичу, Павлу Бажову, Георгию Шолохову-Синявскому, художнику Леонарду Туржанскому, писателю, революционеру-издателю Николаю Ангарскому и другим.

Знакомство с творчеством Алексея Павловича Библика, этого самобытного мастера слова, оставляет светлое и глубокое впечатление.

Владлен КОТОВСКО

Ростов-на-Дону.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Кустарник семейства брусничных, ягода. 8. Порт на озере Танганьика. 9. Разновидность моторного или парусного судна. 12. Столица европейского государства. 13. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности и проходящий через ее центр. 15. Американский писатель. 16. Торговый павильон, ларек. 17. Черный тополь. 18. Овсяная мука, употребляемая в пищу с молоком, маслом. 20. Укрепление в крепостной ограде. 24. Помещение в избе между жилой частью и крыльцом. 25. Возвышение для оратора, лектора. 26. Река в Приморском крае РСФСР. 27. Город в Индии. 30. Государство в Юго-Восточной Азии. 31. Процесс наведения электрических зарядов в проводниках.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Собрание звукозаписей. 2. Спортивный инвентарь для игры в городки. 3. Круглый хлеб. 4. Бумажная ворсистая ткань. 5. Природное минеральное соединение. 6. Прибор для определения плотности жидкостей. 10. Лечебно-профилактическое учреждение. 11. Изгородь из деревянных планок. 13. Руководство факультета в высшем учебном заведении. 14. Растения, выращиваемые для последующей пересадки. 19. Скульптор, автор памятника А. С. Пушкину в Москве. 21. Произведение для хора и оркестра. 22. Ударный музыкальный инструмент. 23. Один из Курильских островов. 28. Оптический прибор. 29. Опера Д. Верди.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Застава. 8. Роднина. 9. Ромео. 11. Шипка. 12. Актив. 13. Транспорт. 16. Танк. 18. Омар. 19. Кронциркуль. 20. Ухта. 22. Ада. 24. Малиновка. 28. Бучма. 29. Пойма. 30. Среда. 31. «Торпедо». 32. «Детвора».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шпагат. 2. Кварта. 3. «Хорошо!». 4. Гидрат. 5. Малица. 6. «Ундина». 10. Местоимение. 14. Реборда. 15. Рисунок. 17. «Кукла». 18. Олень. 21. Хрунов. 23. Дымарь. 24. «Мазепа». 25. Лосось. 26. Виадук. 27. Апатит.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Крейсер «Аврора».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Ленинградский вечер.
Фото И. Тункеля

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 258-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 3/X 1977 г. А 00412. Подп. к печ. 18/X 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2418. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1194.

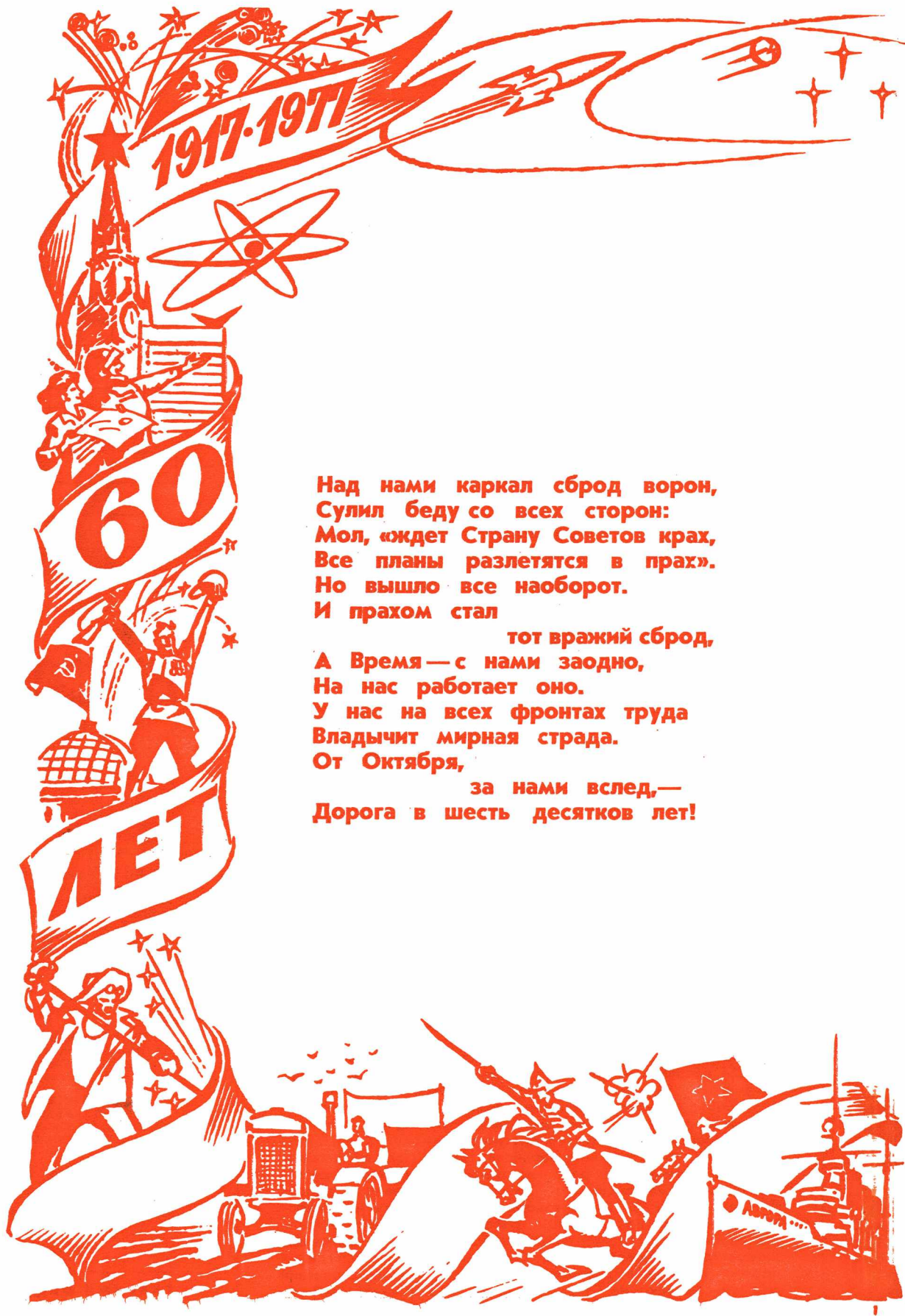
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

— Кар-р, кар-р,—
Керенский рвался к власти
И даже преуспел отчасти,
Но вскоре «погорел» на этом:
Народ решил—
Вся власть Советам!

Терзали слух вороны крики,
Что «мы невежественны, дики,
Утопия—советский строй.
Его провал не за горой!»
А мы взойшли к вершинам
знаний,
Земля и Космос
В дружбе с нами!

Над нами каркал сброд ворон,
Сулил беду со всех сторон:
Мол, «ждет Страну Советов крах,
Все планы разлетятся в прах».
Но вышло все наоборот.
И прахом стал

тот вражий сброд,
А Время—с нами заодно,
На нас работает оно.
У нас на всех фронтах труда
Владычит мирная страда.
От Октября,

за нами вслед,—
Дорога в шесть десятков лет!

«ПРОРОКИ» И УРОКИ

Рисунки В. ДОБРОВОЛЬСКОГО,
В. ЖАРИНОВА, Б. СТАРЧИКОВА.
Стихи С. СМЕРНОВА.

Издательство «Планет». (Москва, 1977).

Ціна номера 35 коп.
Індекс 70663

